Редьярдъ Киплингъ.

ДЖУНГЛИ.

Очерки и разсказы изъ индійской природы.

Книга вторая.

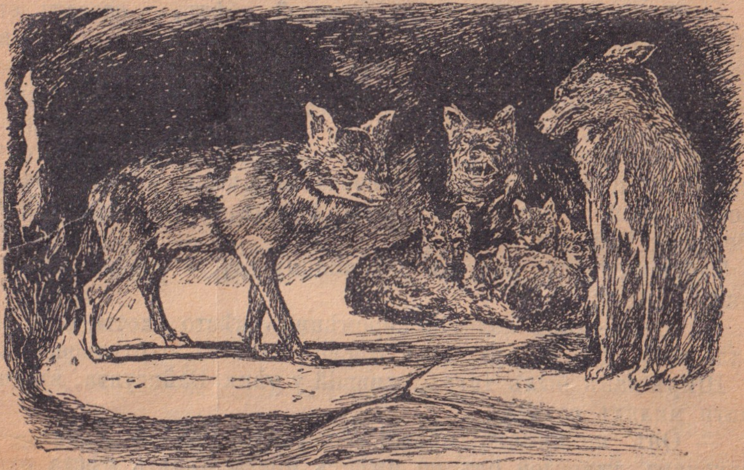
Съ иллюстраціями.

Переводъ А. Гретманъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1909.

Братья Маугли.

Было семь часовъ теплаго вечера въ Сіонійскихъ холмахъ, когда Волкъ-отецъ проснулся отъ дневного отдыха, почесался, зѣвнулъ и вытянулъ одну за другой всѣ четыре лапы, чтобы размять ихъ послѣ сна. Волчица-мать спала, положивъ большой сѣрый носъ на четырехъ пищавшихъ волчатъ, а мѣсяцъ свѣтилъ въ отверстіе пещеры, гдѣ жило все семейство.

— Во всемъ тебѣ удачи, начальникъ волковъ.

— Р-ръ!—сказалъ Волкъ-отецъ,—пора опять на охоту,—и онъ готовъ былъ пуститься внизъ по холму, какъ на порогѣ легла тѣнь отъ маленькаго существа съ густымъ хвостомъ, и тоненькій голосъ пропищалъ:

— Во всемъ тебѣ удачи, начальникъ волковъ; счастья и бѣлыхъ зубовъ твоимъ благороднымъ дѣткамъ, чтобы они никогда не забывали голодныхъ на свѣтѣ.

Это былъ шакалъ Табаки, лизоблюдъ; волки Тибета презираютъ Табаки за то, что онъ проказитъ, лжетъ и таскаетъ, чтобы ѣсть, тряпки и куски кожи изъ деревенскихъ сорныхъ

кучъ. Но они также и боятся его, потому что Табаки больше всѣхъ другихъ животныхъ въ джунгляхъ склоненъ къ бѣшенству, и тогда, забывая, что боялся кого-нибудь, бѣгаетъ по лѣсу, кусая всѣхъ встрѣчныхъ. Даже тигръ бѣжитъ и прячется, когда Табаки взбѣсится, потому что бѣшенство самая ужасная вещь, которая можетъ постигнуть дикаго звѣря. Мы называемъ это *водобоязнью*, они же—*дивани*, сумасшествіемъ.

— Ну, входи и смотри,—сказалъ Волкъ-отецъ холодно,— только поѣсть нечего.

— Волку нечего, — сказалъ Табаки,—а для такой мелочи, какъ я, и сухая кость хорошій обѣдъ. Кто мы, *Жидуръ-логъ* *), чтобы разбирать?

Онъ быстро побѣжалъ въ задъ пещеры и, найдя тамъ козлиную кость съ кое-какими остатками мяса на ней, принялся усердно разгрызать ее.

— Большое спасибо за прекрасный обѣдъ, — сказалъ онъ, облизываясь.—Какая красота—благородныя дѣти! Какіе у нихъ большіе глаза! У такихъ-то еще маленькихъ! Да, правда, мнѣ слѣдовало помнить, что королевскія дѣти ужъ отъ рожденія взрослые.

Табаки, между тѣмъ, зналъ не хуже всякаго другого, что ничто не приноситъ такого несчастья, какъ хвалить наружность дѣтей, и ему было пріятно видѣть, какъ встревожились Волкъ и Волчица.

Табаки сидѣлъ, радуясь сдѣланному злу, и затѣмъ проговорилъ ехидно:

— Ширъ-ханъ великій перемѣнилъ мѣсто охоты. Онъ сказалъ мнѣ, что въ будущемъ мѣсяцѣ станетъ охотиться здѣсь.

Ширъ-ханъ былъ тигръ, жившій у рѣки Вайнгунга, въ двадцати миляхъ оттуда.

— Онъ не имѣетъ права! — сердито началъ Волкъ.—По законамъ джунглей, онъ не имѣетъ права мѣнять мѣста охоты безъ предупрежденія. Онъ распугаетъ всю дичь на двадцать миль въ окрестности, а мнѣ эти дни надо работать за двоихъ.

— Не напрасно мать его назвала Лунгри (хромой),—спокойно замѣтила Волчица.—Онъ отъ рожденія хромаетъ на одну лапу. Потому-то онъ убивалъ только скотъ. Крестьяне Вайнгунга сердиты на него; вотъ онъ пришелъ сюда, чтобы сердить и нашихъ крестьянъ. Они станутъ очищать джунгли отъ него, когда онъ будетъ еще далекъ, а намъ съ дѣтьми придется бѣжать, когда траву подожгутъ. Очень благодарны Ширъ-хану!

*) Шакалье отродье.

— Передать ему вашу благодарность?—спросилъ Табаки.

— Прочь отсюда!—крикнулъ Волкъ.—Вонъ, и ступай охотиться съ своимъ господиномъ. Довольно ты напакостилъ здѣсь для одного раза.

— Уйду,—спокойно отвѣчалъ Табаки.—Вы сами услышите Ширъ-хана въ чащѣ.—Я бы могъ избавить себя отъ труда передавать порученіе.

Волкъ-отецъ сталъ прислушиваться, и изнизу, изъ долины, гдѣ протекала рѣчка, до него донесся сухой, сердитый, хриплый и протяжный стонъ тигра, который ничего не поймалъ, и не боится, чтобы всѣ джунгли узнали объ этомъ.

— Сумасшедшій!—сказалъ Волкъ.—Начинать ночную работу съ такимъ шумомъ! Что же, онъ думаетъ, что наши здѣшніе козлы такіе же, какъ его жирные телята у Вайнгунги?

— Шш! Сегодня онъ не охотится ни за козами ни за телятами,—сказала Волчица,—онъ охотится за человѣкомъ.

Стонъ перешелъ какъ бы въ гулкое мурлыканье, несшееся, какъ казалось, сразу со всѣхъ четырехъ странъ свѣта. Этотъ звукъ наводитъ ужасъ на дровосѣковъ и бродягъ, спящихъ подъ открытымъ небомъ, и заставляетъ ихъ иногда бросаться прямо въ пасть тигру.

— За человѣкомъ,—сказалъ Волкъ, оскаливъ всѣ свои бѣлые зубы.—Фу! Мало всякихъ жуковъ и лягушекъ въ болотахъ, чтобы приходилось ѣсть человѣка, да еще на нашей землѣ.

Законъ джунглей, никогда ничего не предписывающій безъ причины, запрещаетъ звѣрямъ нападать на человѣка, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда звѣрь убиваетъ его, чтобы показать дѣтямъ, какъ надо это дѣлать, и въ такихъ случаяхъ никогда не позволяется охотиться на земляхъ своего рода и племени. Дѣйствительная причина такого запрета та, что вслѣдъ за умерщвленіемъ человѣка, рано или поздно, явятся бѣлые люди на слонахъ и сотня чернокожихъ съ гонгами, ракетами и факелами. Тогда приходится плохо всему населенію джунглей. Между собой звѣри объясняютъ такой способъ дѣйствія тѣмъ, что человѣкъ самое слабое и беззащитное изъ всѣхъ живыхъ существъ и недостойно настоящаго охотника трогать его Они еще говорятъ — и это правда — что животныя-людоѣды паршивѣютъ и теряютъ зубы.

Мурлыканье стало громче и закончилось раскатистымъ „ааарръ!“ Затѣмъ Ширъ-ханъ завылъ, но не по-тигриному.

— Промахнулся,—сказала Волчица.—Что это?

Волкъ выбѣжалъ наружу и услыхалъ, что Ширъ-ханъ яростно рычитъ и гавкаетъ, мечась въ кустахъ.

— Дуракъ, наскочилъ на огонь дровосѣка и обжегъ лапы,— сказалъ Волкъ ворчливо.—Табаки съ нимъ.

— Что-то движется по холму, — сказала Волчица. — Будь готовъ!

Въ чащѣ послышалось легкое шуршаніе кустовъ, и Волкъ поджалъ заднія ноги, готовясь къ прыжку. Потомъ—если бы кому пришлось наблюдать, тотъ увидалъ бы самую невѣроятную вещь—Волкъ остановился на полпрыжкѣ. Онъ собирался прыгнуть, самъ не зная, на кого, и затѣмъ попытался остановиться. Въ результатѣ оказалось, что взлетѣвъ въ воздухъ футовъ на пять, онъ опустился почти на то же мѣсто, откуда поднялся.

— Человѣкъ!—бросилъ онъ.—Человѣческій щенокъ. Смотрите!

Прямо противъ него, держась за низкую вѣтку, стоялъ совершенно голый коричневый ребенокъ, только что начинающій ходить—нѣжное, хрупкое существо, какого Волкъ никогда еще не видалъ въ своемъ логовищѣ. Ребенокъ посмотрѣлъ прямо на Волка и засмѣялся.

— Это человѣческій дѣтенышъ?—спросила Волчица.—Мнѣ еще никогда не приходилось видѣть. Принеси-ка его сюда.

Волкъ, привыкшій носить собственныхъ дѣтей, можетъ, въ случаѣ надобности, держать яйцо во рту, не раздавивъ его; и хотя онъ захватилъ ребенка зубами за спину, ни одинъ зубъ даже не оцарапалъ кожи, когда онъ положилъ его къ волчатамъ.

— Какой маленькій! Совсѣмъ голый; а какой смѣлый!—ласково сказала мать-Волчица. Ребенокъ пробирался между волчатами къ тепленькому мѣстечку.

— Ага! Ѣстъ вмѣстѣ съ прочими. И это человѣческій дѣтенышъ. Былъ ли когда волкъ, который могъ похвалиться, что у него съ его дѣтьми ѣлъ человѣческій дѣтенышъ?

— Мнѣ приходилось слышать о подобныхъ вещахъ, только здѣсь я никогда ничего такого не видывалъ,—сказалъ Волкъ.— На немъ, правда, нѣтъ шерсти, и я могъ бы убить его, только тронувъ лапой. А каково: смотритъ и не боится!

Вдругъ что-то заступило лунный свѣтъ у входа въ пещеру и въ него просунулась огромная голова и плечи Ширъ-хана. Табаки пищалъ позади него:

— Господинъ! Господинъ! Онъ вошелъ сюда.

— Ширъ-ханъ оказываетъ намъ большую честь, — сказалъ Волкъ; но глаза его глядѣли очень сердито. — Что нужно Ширъ-хану?

— Мою добычу. Сюда вошелъ человѣческій дѣтенышъ,—сказалъ Ширъ-ханъ.—Его родители убѣжали. Отдайте его мнѣ.

Ширъ-ханъ прыгнулъ на погасшій костеръ дровосѣка, какъ догадался Волкъ, и разсвирѣпѣлъ отъ боли въ обожженной лапѣ. Но Волкъ зналъ, что входъ въ пещеру былъ слишкомъ узокъ, чтобы въ него могъ пролѣзть тигръ. Даже самъ онъ стоя былъ принужденъ поджать переднія лапы за недостаткомъ мѣста, какъ человѣкъ, который попытался бы бороться въ боченкѣ.

— Волки—народъ свободный,—сказалъ Волкъ.—Они повинуются главѣ джунглей, а не какому-нибудь полосатому истре-

Ревъ тигра наполнилъ пещеру громомъ

бителю скота. Человѣческій дѣтенышъ—нашъ; мы, если вздумаемъ, можемъ убить его сами.

— Если вздумаете! Что вы тамъ толкуете о томъ, что вздумается? Клянусь воломъ, котораго убилъ! Не стоять же мнѣ тутъ, у собачьей конуры, выпрашивая то, что мое по праву! Говорю я, Ширъ-ханъ!

Ревъ тигра наполнилъ пещеру громомъ. Волчица отряхнула отъ себя дѣтенышей и, прыгнувъ ко входу съ глазами, горѣвшими въ темнотѣ, какъ двѣ зеленыхъ луны, стала прямо противъ горящихъ глазъ Ширъ-хана.

— Отвѣчаю я, Ракша *). Человѣческій дѣтенышъ мой—мой собственный. Я не дамъ его убить. Онъ будетъ жить съ

*) Демонъ.

нами и охотиться съ нами; наконецъ,—слышишь ли, охотникъ за маленькими голыми дѣтенышами, жабоѣдъ, рыбникъ,—онъ станетъ охотиться за *тобой!* А теперь убирайся, а не то, клянусь Самбхуромъ, котораго я убила, (*я* не ѣмъ дохлой скотины) уберешься къ своей матери, ожегшійся звѣрь джунглей, хромающій теперь хуже, чѣмъ когда родился на свѣтъ! Уходи!

Волкъ-отецъ растерялся. Онъ почти забылъ то время, когда онъ отбилъ свою Волчицу у пяти другихъ волковъ, когда она рыскала по джунглямъ и прозвище Ракша было дано ей не какъ комплиментъ. Ширъ-ханъ могъ устоять противъ Волка, но не рѣшился бороться съ Волчицей, зная, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, всѣ преимущества положенія на ея сторонѣ, и она станетъ бороться на смерть. Поэтому онъ рыча отодвинулся отъ входа и, высвободившись, крикнулъ:

— Каждая собака знай свою конуру! Посмотримъ, что скажетъ племя на то, что вы берете на воспитаніе человѣческаго дѣтеныша. Онъ мой и въ концѣ-концовъ попадетъ мнѣ на зубы. Слышите, мохнато-хвостые воры?

Волчица упала, едва переводя духъ, среди дѣтенышей, а Волкъ-отецъ сказалъ ей серьезно:

— Ширъ-ханъ говоритъ справедливо. Дѣтеныша надо показать племени. Ты хочешь оставить его, мать?

— Оставить! — задыхаясь повторила она. — Онъ пришелъ ночью голый, одинъ и голодный; и все же не боялся. Смотри, онъ оттолкнулъ одного изъ моихъ дѣтей. А этотъ хромой живодеръ убилъ бы его, и самъ бы убѣжалъ къ Вайнгунгъ, а жители деревни въ отместку разорили бы всѣ наши логовища! Конечно, сберегу его. Лежи, лягушонокъ. Слушай ты, Маугли,—я тебя стану звать Маугли-лягушкой—придетъ время, и ты станешь гоняться за Ширъ-ханомъ, какъ онъ гонялся за тобой.

— Но что скажетъ наше племя?—спросилъ Волкъ.

По законамъ джунглей, каждому Волку разрѣшается, когда онъ женится, отдѣлиться отъ стаи, къ которой онъ принадлежитъ; но какъ только потомство подрастетъ настолько, что уже станетъ на ноги, отецъ обязанъ представить его племенному совѣту, который обыкновенно собирается разъ въ мѣсяцъ при полной лунѣ. Молодыхъ представляютъ старымъ, чтобы эти ихъ признали. Послѣ этого представленія волчата могутъ бѣжать, куда имъ угодно, и прежде чѣмъ они зарѣжутъ перваго козла, ни одинъ изъ волковъ племени ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ напасть ни на одного изъ нихъ. Если убійцу найдутъ—а это, вы сами понимаете, непремѣнно случается,—его ждетъ смерть.

Волкъ-отецъ подождалъ, пока волчата могли немного бѣгать, и въ ночь племенного собранія повелъ ихъ съ Маугли и матерью къ скалѣ собранія—холму, усѣянному камнями и обломками скалъ, за которыми могла спрятаться сотня волковъ.

Акела, большой сѣрый одинокій волкъ, властвовавшій надъ всѣмъ племенемъ силой и хитростью, лежалъ вытянувшись во всю длину на своемъ камнѣ; а кругомъ, пониже, сидѣло больше сорока волковъ различной величины и цвѣта, отъ посѣдѣвшихъ стариковъ, которые могли въ одиночку справиться съ козломъ, и кончая черными трехлѣтками, воображавшими, что и они могутъ сдѣлать то же.

Одинокій волкъ уже годъ какъ былъ ихъ вождемъ. Въ молодости онъ два раза попадалъ въ волчью яму, а одинъ разъ его такъ били, что бросили замертво; поэтому онъ хорошо зналъ всѣ людскіе пріемы и обычаи.

Разговоровъ на скалѣ было немного. Волчата возились въ центрѣ круга, образуемаго сидящими отцами и матерями, и по временамъ какой-нибудь старшій волкъ спокойно подходилъ къ какому-нибудь волчонку, внимательно осматривалъ его и безшумной поступью возвращался на свое мѣсто. Иногда мать вытаскивала какого-нибудь дѣтеныша на мѣсто, сильно освѣщенное луной, чтобы его какъ-нибудь не просмотрѣли. Акела съ своего камня кричалъ:

— Вы знаете законъ, знаете законъ! Смотрите въ оба, волки!

И заботливыя матери подхватывали:

— Смотрите, смотрите въ оба, волки!

Наконецъ—и когда наступила эта минута, шерсть на шеѣ Волчицы ощетинилась — Волкъ-отецъ толкнулъ Маугли-лягушонка, какъ они назвали мальчика-пріемыша, въ центръ, гдѣ онъ сѣлъ смѣясь и началъ играть камешками, блестѣвшими при лунномъ свѣтѣ.

Акела не поднялъ даже головы съ лапъ, но продолжалъ кричать:

— Смотрите въ оба!

Изъ-за скалы раздалось глухое рычаніе и голосъ Ширъ-хана:

— Дѣтенышъ мой! Отдайте его мнѣ! На что свободному народу человѣческій дѣтенышъ?

Акела даже не насторожился, и только сказалъ:

— Смотрите въ оба, волки! Какое дѣло свободному народу до чьихъ-либо приказаній, кромѣ приказаній свободнаго народа. Смотрите въ оба!

Отвѣтомъ былъ хоръ глухого ворчанія, но молодой волкъ по четвертому году крикнулъ Акелѣ:

— На что свободному народу человѣческій дѣтенышъ? Законъ же джунглей говоритъ, что если возникаетъ сомнѣніе въ томъ, что дѣтенышъ имѣетъ право на признаніе со стороны племени, то за него должны вступиться, по крайней мѣрѣ, два члена племени, которые ему не отецъ и не мать.

— Кто вступится за этого дѣтеныша?—спросилъ Акела.— Кто выступитъ изъ числа свободнаго народа?

Отвѣта не послѣдовало, и Волчица приготовилась, если дѣло дойдетъ до борьбы, къ борьбѣ, которая—она знала это— будетъ ея послѣдней.

Старикъ Балу поднялся на заднія лапы и проворчалъ: — Я вступаюсь за человѣческаго дѣтеныша.

Тогда единственное постороннее существо, которому разрѣшается присутствовать на волчьемъ совѣтѣ—Балу, сонный бурый медвѣдь, обучающій волчатъ законамъ джунглей; старикъ Балу, имѣющій право заходить, куда ему вздумается, потому что онъ ѣстъ только орѣхи, корни да медъ, поднялся на заднія лапы и проворчалъ:

— Человѣческій дѣтенышъ! *Я* вступаюсь за человѣчьяго дѣтеныша. Отъ человѣческаго дѣтеныша не будетъ зла. У меня нѣтъ дара слова, но я говорю правду. Пусть онъ бѣгаетъ себѣ со стаей, признайте его вмѣстѣ съ другими. Я самъ стану учить его.

— Но намъ еще надо кого-нибудь. Балу сказалъ свое мнѣніе, а онъ наставникъ нашей молодежи. Кто поддержитъ Балу?

Въ кругу появилась темная тѣнь. То была Багхира, черная пантера, вся черная какъ чернила, только мѣстами отливавшая волнистымъ лоскомъ рисунка, свойственнаго пантерѣ. Всѣ знали Багхиру, и никому неохота была вступать съ ней въ пререканія, потому что она была такъ же хитра, какъ Табаки, такъ же смѣла, какъ дикій буйволъ, и безпощадна, какъ раненый слонъ. Но голосъ у нея былъ нѣжно-сладокъ, словно медъ, падающій съ дерева, а шкура мягче пуха.

— О, Акела, и ты, свободный народъ, — промурлыкала она,—я не имѣю никакихъ правъ въ вашемъ собраніи, но законъ джунглей говоритъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ, когда нѣтъ причины умерщвлять новаго дѣтеныша, жизнь этого дѣтеныша можно выкупить. Законъ не говоритъ, кому позволяется и кому запрещается уплатить этотъ выкупъ. Права ли я?

— Хорошо, хорошо! — одобрили молодые волки. которые всегда голодны.—Слушайте Багхиру!

— Дѣтеныша можно выкупить. Таковъ законъ. Зная, что я не имѣю права говорить здѣсь, прошу разрѣшенія

— Говори же,—прокричало двадцать голосовъ.

— Убить голаго дѣтеныша—стыдъ. Кромѣ того, когда онъ выраститъ, вамъ, можетъ-быть, пріятнѣе будетъ погоняться за нимъ. Балу говорилъ за него. Если вы примете дѣтеныша по закону, я къ словамъ Балу прибавлю буйвола, жирнаго, недавно убитаго. До него не будетъ и полумили. Развѣ есть какое-нибудь затрудненіе?

Раздался гулъ голосовъ, кричавшихъ:

— Отчего не принять? Все равно онъ умретъ въ зимніе дожди. Онъ изсохнетъ на солнцѣ. Что намъ можетъ сдѣлать голый лягушонокъ? Пусть себѣ бѣгаетъ съ стаей. Гдѣ буйволъ Багхира? Примемъ его.

А затѣмъ раздался низкій голосъ Акелы:

— Смотрите хорошенько, волки!

Маугли продолжалъ забавляться камешками и не обратилъ вниманія, какъ волки подходили къ нему одинъ за другимъ, чтобы посмотрѣть на него. Наконецъ всѣ они отправились внизъ, къ убитому буйволу, и на холмѣ остались только Акела, Багхира, Балу и волки, у которыхъ пріютился Маугли. Ширъ-ханъ продолжалъ ревѣть въ темнотѣ, сердясь, что ему не отдали Маугли.

— Ну, пореви себѣ на здоровье, — сказала себѣ въ усъ Багхира, — придетъ время, когда этотъ голышъ заставитъ тебя пѣть по-иному, или я ничего не понимаю въ людяхъ.

— Мы хорошо сдѣлали,—сказалъ Акела,—люди и ихъ дѣтеныши очень умны. Со временемъ онъ можетъ быть помощью намъ.

— Да, правда, помощью, когда наступитъ нужда. Вѣдь никто не можетъ разсчитывать вѣчно предводительствовать племенемъ,—сказала Багхира.

Акела не отвѣтилъ ничего. Онъ думалъ о томъ времени, которое настаетъ для каждаго предводителя племени, когда силы оставляютъ его и онъ все слабѣетъ и слабѣетъ, пока, наконецъ, волки не убиваютъ его и его мѣсто занимаетъ новый предводитель, чтобы быть убитымъ, въ свою очередь.

— Уведи его съ собой и воспитай, какъ члена свободнаго племени,—приказалъ старый волкъ Волку-отцу.

И вотъ какимъ образомъ, благодаря доброму слову Балу и буйволу Багхиры, Маугли былъ принятъ въ племя сіонійскихъ волковъ.

. .

Теперь намъ придется пропустить цѣлыхъ десять или одиннадцать лѣтъ и только догадываться о той необыкновенной жизни, которой приходилось жить Маугли среди волковъ, потому что, если бы написать это, то одной книги оказалось бы недостаточно.

Мальчикъ выросъ съ волчатами, хотя они, конечно, стали уже взрослыми волками въ то время, какъ онъ былъ еще ребенкомъ. Волкъ-отецъ училъ его, объясняя ему значеніе каждой вещи въ джунгляхъ, пока каждый шорохъ травы, каждое дуновеніе теплаго ночного вѣтерка, каждый совиный крикъ надъ его головой, каждое царапанье когтями летучей мыши, когда она на минуту прицѣплялась къ дереву, и каждый всплескъ рыбешки въ пруду,—пока все это стало ему ясно, какъ дѣловому человѣку ясна работа его конторы.

Когда мальчикъ научился, онъ сидѣлъ на солнцѣ или спалъ, потомъ ѣлъ и опять шелъ спать; когда онъ видѣлъ, что загрязнился или ему становилось жарко, онъ плавалъ въ лѣсныхъ прудахъ, а когда ему хотѣлось меда,—Балу объяснилъ ему, что медъ и орѣхи на вкусъ не хуже сырого мяса,—онъ лазилъ за нимъ, а этому его учила Багхира. Багхира ложилась на суку и звала:

— Иди сюда, братецъ!

Сначала Маугли лазилъ какъ тихоходъ, но потомъ сталъ прыгать съ сучка на сучокъ не хуже мартышки. Во время совѣтовъ на скалѣ, гдѣ собиралось племя, онъ занималъ свое мѣсто, и здѣсь сдѣлалъ открытіе, что когда смотрѣлъ на

какого-нибудь волка, волкъ невольно опускалъ глаза, и онъ сталъ ради шутки повторять этотъ опытъ. Иногда ему приходилось вынимать большія занозы изъ лапъ своихъ друзей:

Багхира ложилась на суку и звала: — Иди сюда, братецъ!

волки страшно страдаютъ отъ колючекъ и шиповъ, вонзающихся имъ въ кожу. Ночью онъ спускался съ холмовъ въ заселенныя мѣста и съ любопытствомъ присматривался къ

людямъ, живущимъ въ хижинахъ, но остерегался ихъ, такъ какъ Багхира однажды показала ему четырехугольный ящикъ съ подъемной крышкой, такъ искусно спрятанный въ джунгли, что онъ чуть не наступилъ на него. Пантера сказала, что это капканъ

Больше всего Маугли нравилось ходить съ Багхирой по ночамъ въ темную и теплую чащу лѣса и, проспавъ весь душный день, смотрѣть на ночную охоту пантеры. Багхира убивала направо и налѣво, когда бывала голодна, и Маугли слѣдовалъ ея примѣру за однимъ исключенiемъ. Какъ только онъ подросъ настолько, чтобы понимать, Багхира объяснила ему, что онъ не долженъ касаться домашняго скота, потому что племя купило его цѣной жизни буйвола.

— Всѣ джунгли твои,—сказала пантера,—и ты можешь убивать все, съ чѣмъ въ силахъ сладить, но, помня буйвола, которымъ заплачено за тебя, ты никогда не долженъ ѣсть или убивать домашнюю скотину молодую или старую. Таковъ законъ джунглей

Маугли повиновался безпрекословно.

И онъ росъ и крѣпнулъ, какъ долженъ крѣпнуть мальчикъ, не знающiй, что онъ учится, и не имѣющiй другой заботы, какъ о своемъ пропитанiи.

Мать-Волчица говорила ему нѣсколько разъ, что Ширъ-хану не слѣдуетъ довѣряться и что со временемъ онъ долженъ убить тигра.

Молодой волкъ постоянно помнилъ бы этотъ совѣтъ, но Маугли забывалъ его, потому что былъ только мальчикомъ, хотя назвалъ бы себя, навѣрное, волкомъ, если бы могъ говорить на какомъ-нибудь человѣческомъ нарѣчiи.

Ширъ-ханъ постоянно бродилъ по джунгли, по мѣрѣ того, какъ Акела старѣлся и слабѣлъ. У хромого тигра завязывалась дружба съ молодежью изъ волчьяго племени, которая ходила съ нимъ на охоту, чего Акела никогда бы не допустилъ, если бы смѣлъ въ полной мѣрѣ пользоваться своей властью. Ширъ-ханъ льстилъ молодымъ волкамъ и выражалъ свое удивленiе, какъ такiе смѣлые охотники подчиняются умирающему волку и человѣческому дѣтенышу.

— Мнѣ говорили, что на совѣтѣ вы не смѣете взглянуть ему въ глаза,—говорилъ тигръ, и молодые волки рычали и щетинились.

Багхира, отъ глаза и слуха которой не могло укрыться ничего, провѣдала объ этомъ, и однажды прямо объяснила Маугли, что Ширъ-ханъ въ одинъ прекрасный день зарѣжетъ его, но Маугли отвѣчалъ, смѣясь:

— У меня есть мое племя и ты, и Балу; онъ, правда, лѣнтяй, но все же можетъ разъ-другой поднять свою лапу за меня. Чего же мнѣ бояться?

Въ одинъ жаркій день до Багхиры дошелъ новый слухъ: можетъ-быть, Икки-дикообразъ сообщилъ ей его. Только она сказала Маугли, когда тотъ въ глубинѣ джунгли лежалъ прижавшись головой къ ея великолѣпному черному мѣху.

— Маленькій братъ, ужъ не разъ говорила я тебѣ, что Ширъ-ханъ твой врагъ?

— Говорила столько разъ, сколько орѣховъ на этой пальмѣ,—отвѣчалъ мальчикъ, конечно, не умѣвшій считать.— Что же изъ этого? Мнѣ хочется спать, Багхира. Ширъ-ханъ только умѣетъ хвостъ распускать да хвастаться, все равно, что Мао-павлинъ.

— Не время теперь спать. Балу знаетъ это, и я знаю; все племя знаетъ; даже самый глупый-преглупый олень знаетъ. И тебѣ Табаки говорилъ.

— Хо! Хо!—отозвался Маугли.—Табаки пришелъ ко мнѣ какъ-то недавно и что-то вралъ, будто я дѣтенышъ голыхъ людей и не гожусь даже, чтобы рыть земляные орѣхи; тогда я схватилъ Табаки за хвостъ и два раза хватилъ его объ стволъ пальмы, чтобы научить его быть впередъ повѣжливѣе.

— И сдѣлалъ большую глупость. Хоть Табаки и пакостникъ, а все же онъ сказалъ бы тебѣ вещь, которая касается тебя. Открой глаза, маленькій братъ. Ширъ-ханъ не смѣетъ напасть на тебя въ джунгляхъ, но помни, Акела очень старъ, и скоро придетъ время, когда ужъ ему будетъ не подъ силу справиться даже съ оленемъ, и тогда ужъ онъ перестанетъ быть вождемъ. Многіе изъ волковъ, которые осмотрѣли тебя, когда тебя въ первый разъ привели на совѣтъ, тоже стары, а молодые волки полагаютъ, какъ научилъ ихъ Ширъ-ханъ, что человѣку не мѣсто въ племени. Ты скоро станешь мужчиной.

— Отчего же мужчинѣ не бѣгать съ своими братьями?— возразилъ Маугли.—Я родился въ джунгляхъ. Я повиновался законамъ джунглей, и нѣтъ ни одного волка въ стаѣ, у котораго я не вынулъ бы занозы изъ лапы. Конечно, они мнѣ братья!

Багхира вытянулась во всю длину и полузакрыла глаза.

— Попробуй у меня подъ челюстью, маленькій братъ,— сказала она.

Маугли протянулъ свою сильную смуглую руку и какъ разъ подъ шелковистымъ подбородкомъ Багхиры, гдѣ мускулы гигантскихъ челюстей скрывались подъ густой шерстью, ощупалъ небольшую лысинку.

— Никто во всѣхъ джунгляхъ не знаетъ, что у меня есть такая отмѣтина—слѣдъ ошейника. Я, маленькій братъ, родилась среди людей, и среди нихъ, въ клѣткѣ королевскаго дворца въ Удейпорѣ, умерла мать моя. Вотъ почему я выкупила тебя у совѣта, когда ты былъ маленькимъ голымъ дѣтенышемъ. Да, и я родилась среди людей. Я никогда не видала джунглей. Меня кормили за рѣшеткой съ желѣзнаго лотка, пока однажды ночью я не почувствовала, что я, Багхира, пантера, и не должна быть людской игрушкой. Однимъ ударомъ лапы я разбила ихъ глупый замокъ и убѣжала. И именно потому, что я знала людскія привычки, я стала въ джунгляхъ страшнѣе самаго Ширъ-хана. Не правда ли?

— Да,—отвѣчалъ Маугли,—всѣ въ джунгляхъ боятся Багхиры,—всѣ, кромѣ Маугли.

— О, *ты* человѣческій детенышъ,—сказала черная пантера очень нѣжно,—и какъ я вернулась въ мои джунгли, такъ и тебѣ, наконецъ, придется вернуться къ людямъ,—къ людямъ, твоимъ братьямъ, если тебя не убьетъ совѣтъ.

— За что же? За что кто-нибудь захочетъ убить меня?—спросилъ Маугли.

— Взгляни на меня,—сказала Багхира, и Маугли пристально посмотрѣлъ ей въ глаза

Большая пантера черезъ секунду отвернулась.

— *Вотъ почему*,—отвѣтила она, оттачивая когти о листья.— Даже я не могу смотрѣть тебѣ прямо въ глаза, хотя я родилась среди людей и люблю тебя, маленькій братъ. Другіе ненавидятъ тебя, потому что не могутъ встрѣчаться глазами съ твоими глазами, потому что у тебя есть разумъ; потому что ты вытаскивалъ занозы изъ лапъ, потому что ты человѣкъ.

— Я не зналъ всего этого,—мрачно сказалъ Маугли, нахмуривъ густыя черныя брови

— Въ чемъ законъ джунглей? Прежде всего борись, а потомъ ужъ говори. По самой твоей безпечности они узнаютъ, что ты человѣкъ. Но будь остороженъ. Я знаю въ сердцѣ, что какъ только Акела разъ упуститъ добычу, а при каждой охотѣ ему все труднѣе и труднѣе бываетъ справиться съ оленемъ, стая обратится противъ него и тебя. На скалѣ соберется совѣтъ и тогда,—тогда я знаю, что будетъ!—закончила пантера, вскакивая.—Иди скорѣй къ людскимъ домамъ въ долинѣ и захвати нѣсколько красныхъ цвѣтковъ, растущихъ тамъ, чтобы имѣть, когда наступитъ надобность, еще болѣе сильнаго друга, чѣмъ я или Балу, или тѣхъ изъ стаи, кто любитъ тебя. Достань красный цвѣтокъ.

Подъ краснымъ цвѣткомъ Багхира подразумѣвала огонь; но ни одно изъ животныхъ, населяющихъ джунгли, никогда не назоветъ его по имени. Всякій звѣрь смертельно боится огня и выдумываетъ сотни способовъ, чтобы описать его.

— Красный цвѣтокъ?—переспросилъ Маугли.—Что вырастаетъ въ сумерки около хижинъ? Принесу.

— Такъ говоритъ дѣтенышъ человѣческій,—съ гордостью сказала Багхира.—Помни, что цвѣтокъ растетъ въ горшечкахъ. Иди скорѣй, и береги его на случай нужды.

— Хорошо!—согласился Маугли.—Иду. Но увѣрена ты, моя дорогая Багхира,—онъ обнялъ ее за роскошную шею и глубоко заглянулъ въ ея большіе глаза,—увѣрена ты, что все это дѣло Ширъ-хана?

— Клянусь сломанымъ замкомъ, давшимъ мнѣ волю, что увѣрена.

— Ну, такъ клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня: я полностью заплачу Ширъ-хану, а можетъ-быть, и прибавлю кое-что,—сказалъ Маугли и побѣжалъ прочь.

„Вотъ человѣкъ! Настоящій человѣкъ,—думала Багхира, снова укладываясь.—Да, Ширъ-ханъ, никогда не было охоты неудачнѣе твоей охоты на „лягушонка“ десять лѣтъ тому назадъ!“

Маугли быстро бѣжалъ все дальше и дальше по лѣсу, и сердце въ немъ разгорячалось. Онъ добѣжалъ до родной берлоги, когда ночной туманъ началъ подниматься, и остановился, чтобы перевести духъ, смотря внизъ, въ долину. Волчатъ не было дома, но Волчица-мать, лежа въ глубинѣ пещеры, по дыханію Маугли узнала, что ея „лягушонокъ“ чѣмъ-то взволнованъ.

— Что случилось, сынъ?

— Какая-то летучая мышь насплетничала о Ширъ-ханѣ,— крикнулъ онъ ей.—Я сегодня ночью охотился на вспаханныхъ поляхъ, а онъ сбѣжалъ внизъ черезъ кусты къ рѣкѣ въ долинѣ.—Здѣсь онъ остановился, услыхавъ лай стаи, гнавшейся за оленемъ, и храпъ загнаннаго звѣря. Потомъ поднялся озлобленный вой молодыхъ волковъ: „Акела! Акела! Пусть одинокій волкъ покажетъ свою силу. Дорогу вождю стаи! Прыгай, Акела!“

Одинокій, повидимому, прыгнулъ и промахнулся, потому что Маугли слышалъ, какъ щелкнули его зубы и какъ онъ взвизгнулъ, когда Самбхуръ опрокинулъ его ударомъ передней ноги.

Маугли не сталъ ждать дольше, но пустился бѣжать. Лай стаи, гнавшейся за нимъ, сталъ ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ онъ по хлѣбнымъ полямъ приближался къ деревнѣ.

„Багхира сказала правду,—думалъ Маугли, притаившись въ ямѣ для корма скота у окна.—Завтра и Акелѣ и мнѣ придетъ послѣдній день“.

Онъ прижался лицомъ къ окну и слѣдилъ за огнемъ на очагѣ. Онъ видалъ, какъ жена хозяина вставала ночью и подбрасывала въ темнотѣ куски чего-то чернаго, а когда наступило утро и туманъ сталъ совсѣмъ бѣлый и холодный, онъ увидалъ, что хозяйскій сынъ взялъ старый котелокъ съ землей, наложилъ въ него красныхъ углей и, спрятавъ его подъ накинутое на плечи одѣяло, пошелъ въ хлѣвъ къ скоту.

— И все?—сказалъ Маугли.—Если все это можетъ продѣлать дѣтенышъ, такъ, стало-быть, нечего бояться...

Онъ повернулъ за уголъ, чтобы встрѣтиться съ мальчикомъ, взялъ горшокъ у него изъ рукъ и исчезъ въ туманѣ, между тѣмъ какъ мальчуганъ заревѣлъ отъ страха.

„Они очень похожи на меня, — раздумывалъ Маугли, дуя въ горшокъ, какъ дѣлала эта женщина.—Эта вещь умретъ, если ее не подкормить“. — И онъ бросалъ на тлѣвшіе уголья вѣтки и сухую кору. На полдорогѣ ему повстрѣчалась Багхира, мѣхъ которой сверкалъ какъ лунные камни отъ утренней росы.

— Акела промахнулся,—сказала пантера.—Они убили бы его еще прошедшей ночью; но имъ нужно было и тебя. Они искали тебя на холмѣ.

— Я ходилъ въ поля. Теперь я готовъ. Смотри!

Маугли поднялъ горшокъ съ угольями.

— Хорошо! Я видала, что люди совали сухую вѣтку въ такую вещь, и на концѣ ея сейчасъ расцвѣталъ красный цвѣтокъ. Ты не боишься?

— Нѣтъ. Чего же мнѣ бояться? Я помню—если только это не сонъ—какъ, прежде еще, чѣмъ я былъ волкомъ, я лежалъ около краснаго цвѣтка, и мнѣ было тепло и пріятно.

Весь день Маугли просидѣлъ въ пещерѣ, поддерживая огонь въ котелкѣ и бросая въ него вѣтки, чтобы посмотрѣть, что съ ними будетъ. Онъ нашелъ сучокъ, удовлетворившій его, и когда Табаки, придя вечеромъ въ пещеру, довольно грубо сообщилъ ему, что его требуютъ на совѣтскую скалу, онъ захохоталъ такъ, что Табаки убѣжалъ. Послѣ того Маугли пошелъ на совѣтъ, не переставая смѣяться.

Акела, одинокій волкъ, лежалъ возлѣ своей плиты въ знакъ того, что мѣсто предводителя стаей свободно, а Ширъ-ханъ расхаживалъ, польщенный, взадъ и впередъ въ сопровожденіи волковъ, питавшихся его объѣдками.

Багхира легла рядомъ съ Маугли, который поставилъ котелокъ съ угольями промежду колѣнъ. Когда всѣ собрались,

Ширъ-ханъ заговорилъ, чего никогда не осмѣлился бы сдѣлать, когда Акела былъ въ силѣ.

— Онъ не имѣетъ права,—прошептала Багхира.—Скажи ему. Онъ сынъ собаки. Онъ испугается.

Маугли вскочилъ.

— Свободный народъ, — крикнулъ онъ, — развѣ Ширъ-ханъ ведетъ стаю? Какое дѣло тигру до предводительства нами?

— Видя, что предводительство свободно, и получивъ приглашеніе заговорить...—началъ Ширъ-ханъ.

— Отъ кого?—спросилъ Маугли.—Что мы *всѣ* здѣсь шакалы, чтобы вилять хвостами передъ рѣзакомъ скота? Предводителемъ стаи можетъ быть только одинъ изъ племени.

Раздались крики: „Молчи, человѣческій дѣтенышъ!“ И съ другой стороны: „Дайте ему говорить. Онъ хранитъ нашъ законъ!“

Наконецъ старшіе изъ стаи крикнули:

— Пусть говоритъ мертвый волкъ!

Когда предводитель стаи упуститъ свою добычу, онъ получаетъ прозвище „мертваго волка“ до конца своей жизни, который обыкновенно бываетъ недалекъ.

Акела съ трудомъ поднялъ свою старую голову.

— Свободный народъ, и вы, шакалы Ширъ-хана, слушайте! Двѣнадцать лѣтъ водилъ я васъ на добычу и приводилъ назадъ, и во все это время ни одинъ изъ васъ не попадалъ въ капканъ и не былъ изувѣченъ. Теперь я упустилъ свою добычу. Вы знаете, какъ это было подстроено. Вы знаете, какъ вы подвели меня къ свѣжему оленю, чтобы стало извѣстно о моей слабости. Ловко было придумано. Теперь вы въ правѣ убить меня здѣсь, на совѣтской скалѣ. Поэтому я спрашиваю: кто же прикончитъ одинокаго волка? По закону джунглей, я могу требовать, чтобы вы выходили поодиночкѣ.

Наступила продолжительная тишина: ни одинъ волкъ не имѣлъ желанія выйти на смертельный бой съ Акелой. Тогда Ширъ-ханъ зарычалъ:

— Зачѣмъ намъ этотъ беззубый дуракъ? Онъ и такъ обреченъ смерти! Вотъ человѣческій дѣтенышъ жилъ черезчуръ долго. Свободный народъ! Съ самаго начала онъ долженъ былъ попасть мнѣ на зубы. Отдайте мнѣ его. Надоѣлъ мнѣ этотъ человѣкъ-звѣрь своими штуками. Десять лѣтъ онъ смущалъ покой джунглей. Отдайте мнѣ людского дѣтеныша, а не то я стану охотиться здѣсь вѣчно и не оставлю вамъ ни одной кости. Онъ—человѣкъ, человѣческій ребенокъ, и я ненавижу его до мозга своихъ костей

Больше половины стаи завыло:

Человѣкъ! Человѣкъ! Что человѣку дѣлать среди насъ? Пусть уходитъ къ своимъ.

— И приведетъ противъ насъ всѣхъ жителей деревни?— громко протестовалъ Ширъ-ханъ. —Нѣтъ! Отдайте его мнѣ! Онъ — человѣкъ, и ни одинъ изъ насъ не можетъ взглянуть ему въ глаза.

Акела снова поднялъ голову и сказалъ:

— Онъ ѣлъ нашу пищу. Онъ спалъ съ нами. Онъ загонялъ дичь для насъ. Онъ не нарушилъ ни разу закона джунглей.

— И я заплатила за него буйволомъ, когда его приняли. Буйволъ не велика цѣна; но за свою честь Багхира постоитъ,— заявила пантера самымъ мягкимъ голосомъ.

— Буйволъ, заплаченный десять лѣтъ тому назадъ! Очень намъ нужны кости, которымъ десять лѣтъ!—съ насмѣшкой заявила стая.

— А данное обѣщаніе?—спросила Багхира, оскаливъ бѣлые зубы.—И еще называетесь свободнымъ народомъ!

— Не можетъ человѣческій дѣтенышъ бѣгать съ обитателями джунглей,—вылъ Ширъ-ханъ.—Отдайте его мнѣ!

— Онъ братъ намъ по всему, кромѣ крови,—продолжалъ Акела,—а вы хотите убить его здѣсь! Правда, пора мнѣ умирать. Многіе изъ васъ стали рѣзать скотъ, а о другихъ я слышалъ, что, по наущенію Ширъ-хана, они ходятъ темной ночью и воруютъ дѣтей съ пороговъ хижинъ. Изъ этого я вижу, что вы трусы, и я говорю съ трусами. Несомнѣнно, я умру, и жизнь моя ничего не стоитъ, иначе я предложилъ бы ее вмѣсто жизни человѣческаго ребенка. Но ради чести племени—пустякъ, о которомъ вы, будучи безъ вождя, позабыли—обѣщаю вамъ, что, если вы отпустите человѣка къ его братьямъ, я не оскалю ни одного зуба противъ васъ, когда придетъ мое время умереть. Я умру не защищаясь. Такимъ образомъ, для племени сохранятся, по крайней мѣрѣ, три жизни. Большаго я не могу сдѣлать; но, если хотите, я могу избавить васъ отъ позора убить брата, на которомъ нѣтъ вины,—брата, представленнаго племени и выкупленнаго по законамъ джунглей.

— Онъ человѣкъ... человѣкъ!—выла стая, и большая часть волковъ стала собираться вокругъ Ширъ-хана, хвостъ котораго началъ двигаться.

— Теперь дѣло въ твоихъ рукахъ,—сказала Багхира Маугли.— *Намъ* только остается сражаться.

Маугли стоялъ, держа котелокъ съ углями въ рукахъ. Потомъ онъ вытянулъ руки и зѣвнулъ въ лицо совѣту; но бѣшенство и горе душили его: никогда волки, по своему волчьему нраву, не говорили ему, какъ они ненавидѣли его.

— Слушайте вы!—закричалъ онъ.—Нечего ужъ лаять по-собачьи! Ужъ слишкомъ часто вы повторяли мнѣ сегодня, что я человѣкъ—хоть, правду сказать, я могъ бы остаться съ вами волкомъ до конца жизни.—Я почувствовалъ правду вашихъ словъ. Теперь я ужъ не назову васъ братьями, но собаками, какъ слѣдуетъ человѣку. Теперь ужъ не вамъ рѣшать, какъ вы хотите поступать и какъ не хотите. Теперь это ужъ дѣло мое, и чтобы пояснить вамъ это, я, человѣкъ, принесъ вамъ нѣсколько тѣхъ красныхъ цвѣтковъ, которыхъ вы, собаки, боитесь.

Онъ бросилъ котелокъ на землю, и пучки сухого мха сразу вспыхнули отъ упавшихъ на нихъ углей. Вѣсь совѣтъ отшатнулся въ ужасѣ передъ огненными языками, лизавшими траву.

Маугли ворошилъ своимъ сухимъ сучкомъ угли, пока вѣточки на немъ не вспыхнули съ трескомъ, и тогда началъ махать имъ надъ головой поджавшихъ хвосты волковъ.

— Ты побѣдилъ,—сказала Багхира, понизивъ голосъ.— Спаси Акелу отъ смерти. Онъ всегда былъ тебѣ другомъ.

Акела, суровый старый волкъ, никогда въ жизни не просившій пощады, бросилъ жалобный взглядъ на мальчика, стоявшаго совершенно голымъ съ разсыпавшимися по плечамъ длинными волосами, при свѣтѣ горящаго сука, отъ котораго тѣни прыгали и дрожали.

— Хорошо,—сказалъ Маугли, медленно поводя глазами кругомъ.—Я вижу, что вы собаки. Я ухожу отъ васъ къ своимъ роднымъ, если они у меня есть. Джунгли заперты для меня; я долженъ забыть вашъ языкъ и дружбу съ вами; но я буду милосерднѣе васъ. За то, что я былъ вашимъ братомъ по всему, кромѣ крови, обѣщаю вамъ, что, ставъ человѣкомъ между людьми, я не предамъ васъ, какъ вы предали меня.

Онъ толкнулъ угли ногой, и искры взлетѣли снопомъ

— Мы не станемъ воевать съ племенемъ. Но вы должны заплатить мнѣ долгъ, прежде чѣмъ я уйду.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Ширъ-ханъ, глупо моргая передъ пламенемъ, и схватилъ его за пучокъ шерсти подъ подбородкомъ. Багхира послѣдовала за нимъ на случай, если бы понадобилась ея помощь.

— Вставай, песъ!—крикнулъ Маугли.—Вставай, когда говоритъ человѣкъ, а не то подпалю твою шкуру!

Уши Ширъ-хана прижались вплотную къ головѣ, и онъ закрылъ глаза, потому что горящій сукъ былъ близокъ.

— Этотъ истребитель скотины сказалъ, что убьетъ меня на совѣтѣ, потому что ему не пришлось убить меня, когда я былъ ребенкомъ. А вотъ какъ мы, когда выростаемъ, бьемъ

собакъ. Шевельни только усомъ, песъ, и я всажу тебѣ головню въ глотку!

Онъ ударилъ Ширъ-хана по головѣ сукомъ, и тигръ замигалъ и застоналъ, не помня себя отъ страха.

— Ну, убирайся теперь прочь, мѣченая джунглевая кошка! Только помни, что въ слѣдующій разъ, когда я приду на совѣтскую скалу, какъ подобаетъ мужчинѣ, на моей головѣ будетъ шкура Ширъ-хана. Акела же можетъ жить, какъ ему вздумается. Вы не убьете его, потому что *я* не хочу этого. Думаю тоже, что нечего вамъ сидѣть тутъ, высунувъ языки, словно вы что-то такое, а не собаки, которыхъ я прогоню— вотъ какъ! Убирайтесь!

Конецъ сука разгорѣлся, и Маугли махалъ имъ яростно вправо и влѣво по кругу. Волки разбѣгались съ воемъ. Искры зажигали ихъ шерсть. Наконецъ остались только Акела, Багхира и штукъ десять волковъ, стоявшихъ на сторонѣ Маугли. Но тутъ Маугли почувствовалъ внутри какую-то боль, какой никогда не испытывалъ; онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, и по щекамъ у него текли слезы.

— Что это? Что?—спрашивалъ онъ.—Мнѣ не хочется разставаться съ джунглями, и я не знаю, что это такое. Багхира, не умираю ли я?

— Нѣтъ, братецъ. Это только слезы, какія бываютъ у людей,—сказала Багхира.—Теперь я вижу, что ты мужчина, а ужъ не ребенокъ. Правда, джунгли теперь для тебя закрыты. Не мѣшай имъ течь—это только слезы.

Такъ Маугли сидѣлъ и плакалъ, будто у него сердце разрывалось. До тѣхъ поръ онъ не зналъ, что значитъ плакать.

— Ну, теперь я пойду къ людямъ,—сказалъ онъ.—Только прежде надо попрощаться съ матерью.

Онъ пошелъ въ пещеру, гдѣ Волчица жила съ Волкомъ, и плакалъ, уткнувшись въ шерсть своей кормилицы; четверо волчатъ принялись отчаянно выть.

— Вы не забудете меня?—спросилъ Маугли.

— Никогда, пока будемъ въ состояніи учуять слѣдъ,—отвѣтили волчата.—Приходи къ подножію холма, когда станешь человѣкомъ, и мы станемъ разговаривать съ тобой; а мы будемъ приходить къ тебѣ ночью на хлѣбныя поля, чтобы поиграть съ тобой.

— Приходи скорѣй!—сказалъ Волкъ-отецъ.—Приходи скорѣй, умный лягушонокъ. Мы съ матерью старѣемся.

— Приходи, мой голый сынокъ, — звала и Волчица. — Вѣдь я любила тебя, человѣческое дитя, больше, чѣмъ своихъ дѣтенышей.

— Приду навѣрное,—отвѣчалъ Маугли,—а когда приду, такъ за тѣмъ, чтобы положить шкуру Ширъ-хана на совѣтскую скалу. Не забывайте меня! Скажите и въ джунгляхъ, чтобы меня не забывали.

Заря начала заниматься, когда Маугли одинъ спустился съ холма, идя знакомиться съ тѣми таинственными существами, которыхъ звали людьми.

Охота Каа.

Все, о чемъ разсказано здѣсь, случилось за нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ Маугли пришлось проститься съ стаей сіонійскихъ волковъ, и какъ онъ отомстилъ Ширъ-хану—тигру.

Это произошло въ то время, какъ Балу обучалъ мальчика законамъ джунглей. Большой, серьезный, старый бурый медвѣдь былъ въ восторгѣ отъ такого понятливаго ученика, потому что молодые волки, обыкновенно, запоминаютъ только тѣ изъ законовъ джунглей, которые касаются ихъ собственной стаи и племени, и убѣгаютъ, какъ только въ состояніи повторить охотничью пѣсню:

„Ноги, бѣгающія безъ шума; глаза, видящіе въ темнотѣ; уши, слышащія, что шепчетъ вѣтеръ, и бѣлые острые зубы— вотъ признаки нашихъ братьевъ, кромѣ Табаки-шакала и Гіены, которую мы ненавидимъ“.

Но Маугли, какъ человѣческому дѣтенышу, надо было учиться гораздо большему. Иногда Багхира, черная пантера, кралась по джунглямъ, чтобы посмотрѣть, какъ справляется съ ученьемъ ея любимецъ, и слушала, съ мурлыканьемъ потираясь головой о дерево, какъ Маугли отвѣчалъ свой урокъ Балу. Мальчикъ лазилъ почти такъ же хорошо, какъ плавалъ, а плавалъ не хуже, чѣмъ бѣгалъ. Балу, законовѣдъ, обучалъ его законамъ лѣсовъ и водъ: какъ отличить подгнившую вѣтку отъ здоровой; какъ говорить вѣжливо съ лѣсными пчелами, когда ему случится напасть на ихъ улей въ пятидесяти футахъ надъ землей; что говорить Мангу-летучей мыши, если ему придется потревожить ее въ вѣтвяхъ среди дня; и какъ предупредить водяныхъ змѣй въ пруду, прежде чѣмъ онъ прыгнетъ туда. Обитатели джунглей не любятъ, чтобы ихъ тревожили, и всѣ они готовы обратиться въ бѣгство передъ непрошеннымъ гостемъ, появляющимся въ ихъ владѣніяхъ. Потомъ Маугли выучатъ „охотничій крикъ чужого“, который каждый изъ обитателей джунглей, охотящійся за предѣлами своей области, долженъ повторять громко, пока на него не по-

слѣдуетъ отвѣта. Крикъ этотъ въ переводѣ значитъ: „Разрѣшите мнѣ поохотиться здѣсь, потому что я голоденъ". А отвѣтъ таковъ: „Охоться ради пищи, но не ради забавы".

Изъ всего этого видно, сколько Маугли надо было усвоить себѣ, и онъ утомлялся, повторяя по сто разъ одно и то же; но какъ Балу сказалъ Багхирѣ, однажды, когда задалъ Маугли трепку, и тотъ убѣжалъ разсердившись:

— Человѣческій дѣтенышъ—человѣческій дѣтенышъ, и онъ долженъ выучить *всѣ* законы джунглей.

— Но подумай, какъ онъ малъ,—сказала черная пантера, которая стала бы баловать Маугли, если бы была ея воля,—какъ могутъ умѣститься въ его головкѣ всѣ эти длинныя правила?

— А развѣ есть въ джунгляхъ что-нибудь настолько малое, что не сможетъ убить его, нѣтъ? Вотъ почему я учу дѣтеныша этимъ вещамъ, и почему тихонько толкаю его, когда онъ забываетъ.

— Тихонько? Понимаешь ты, что значитъ „тихонько", ты, желѣзная лапа? — Багхира заворчала. — Это ты должно-быть „тихонько" расквасилъ ему всю морду сегодня. У-у!

— Лучше, если ему всѣ кости перемну я, любя его, чѣмъ съ нимъ приключится что по невѣдѣнію,—отвѣтилъ Балу съ своей обычной серьезностью.—Теперь я учу его заклинаніямъ джунглей, которыя защитятъ его отъ птичьяго и змѣинаго народа, и отъ всѣхъ охотящихся на четырехъ лапахъ, кромѣ его собственнаго племени. Теперь онъ, если только запомнитъ эти слова, можетъ обращаться за покровительствомъ къ кому хочетъ въ джунгляхъ. Развѣ не стоитъ это легкой трепки!

— Ну, такъ смотри, по крайней мѣрѣ, чтобы не убить человѣческаго дѣтеныша. Онъ не какой-нибудь пень, чтобы оттачивать на немъ твои тупые когти. А какія это такія магическія слова? Я скорѣй подамъ помощь, чѣмъ попрошу ее,—Багхира выставила лапу и любовалась серповидными, стального цвѣта когтями на своихъ лапахъ,—а все же любопытно бы узнать ихъ.

— Позови Маугли; онъ скажетъ ихъ тебѣ... если захочетъ. Иди сюди, маленькій братъ!

— У меня въ головѣ шумитъ, какъ въ пчелиномъ ульѣ,—послышался недовольный голосокъ надъ ними, и Маугли сердито спрыгнулъ съ дерева, прибавивъ, когда сталъ на землѣ: я слѣзъ для Багхиры, а не для *тебя*, жирный старикъ Балу!

— Мнѣ все одно, — отвѣтилъ Балу, хотя въ душѣ былъ обиженъ и огорченъ.—Такъ скажи Багхирѣ заклинанія джунглей, которымъ я тебя училъ сегодня.

— Заклинанія на кого?—спросилъ Маугли, довольный случаю выказать свои познанія.—Въ джунгляхъ много языковъ. *Я* знаю ихъ всѣ.

— Знаешь ты кое-что, да немного. Видишь, Багхира, никогда они не благодарятъ своего учителя: ни одинъ волченокъ еще ни разу не пришелъ поблагодарить старика Балу за наставленіе. Ну, такъ скажи слово для „охотниковъ", великій ученый.

— Всѣ мы одной крови я и вы,—сказалъ Маугли, произнося эти слова тономъ медвѣдя, какъ то въ ходу у всѣхъ охотящихся звѣрей.

— Хорошо. А теперь птичьи слова.

Маугли повторилъ ихъ, закончивъ свистомъ коршуна.

— Теперь змѣиныя,—сказала Багхира.

Въ отвѣтъ послышался неподдающійся описанію свистъ, и Маугли, отбрыкиваясь ногами и аплодируя самъ себѣ ладошами, вскочилъ на спину Багхирѣ, гдѣ усѣлся верхомъ, барабаня пятками по пушистой шерсти и корча невѣроятныя рожи Балу.

— Такъ, такъ! Стоило бы за это слегка потрепать тебя,— нѣжно проворчалъ бурый.—Придетъ день, когда ты вспомнишь меня.—И, обращаясь къ Багхирѣ, онъ разсказалъ, какъ упросилъ дикаго слона Хати, знающаго всѣ эти вещи, сказать Маугли заклинанія, и какъ Хати повелъ Маугли къ пруду, чтобы услыхать тамъ заклинанія отъ водяной змѣи, потому что Балу не могъ произнести ихъ. Онъ прибавилъ, что теперь Маугли нечего бояться въ джунгляхъ, потому что ни змѣя, ни птица, ни звѣрь не тронутъ его.

— Теперь ему никто не страшенъ,—заключилъ Балу, съ гордостью постукивая лапой по мохнатому брюху.

— Кромѣ родного племени, — прошептала Багхира, а потомъ громко сказала Маугли:—Пощади мои ребра, маленькій братъ! Чего ты расплясался?

Маугли старался обратить на себя вниманіе, теребя Багхиру за шерсть на шеѣ и сильно колотя пантеру въ бока. Когда онъ увидалъ, что оба слушаютъ его, онъ сказалъ громко, насколько хватало голосу:

— У меня будетъ скоро свое собственное племя, и я стану водить его весь день по вѣтвямъ.

— Это еще что за новыя затѣи, маленькій мечтатель?— спросила Багхира.

— Да, и мы станемъ бросать вѣтвями и всякой грязью въ старика Балу, — продолжалъ Маугли. — Они мнѣ обѣщали. Ай!

Бацъ! — огромная лапа Балу сбила Маугли со спины Багхиры, и лежа между передними лапами пантеры, мальчикъ могъ видѣть, что медвѣдь сердится.

— Маугли,—сказалъ Балу,—ты разговаривалъ съ *Бандаръ-логомъ*, обезьяньимъ народомъ.

Маугли взглянулъ на Багхиру, чтобы убѣдиться, не сердится ли она также. Глаза пантеры были жестки, какъ нефритъ.

— Ты былъ у обезьянъ, у сѣрыхъ обезьянъ, у народа, не знающаго законовъ, пожирающаго, что ни попало? Это стыдъ!

— Когда Балу ударилъ меня по головѣ,—началъ Маугли, продолжая лежать на спинѣ,—я ушелъ, а сѣрыя обезьяны спрыгнули съ деревьевъ и стали жалѣть меня. Больше никому не было дѣла до меня. Онъ слегка засопѣлъ.

— Жалость обезьянъ!—съ презрѣніемъ проворчалъ Балу.— Это все равно, что тишина горнаго потока... прохлада отъ лѣтняго солнца... Ну, а потомъ, дѣтенышъ человѣческій?

— Потомъ онѣ дали мнѣ орѣховъ и другихъ вкусныхъ вещей; подняли на руки и понесли на самую верхушку деревьевъ. Онѣ говорили, что я ихъ кровный братъ, только у меня нѣтъ хвоста; а со временемъ я стану ихъ вождемъ.

— Никакого вождя у нихъ *нѣтъ*,—сказала Багхира.—Онѣ лгутъ и всегда лгали.

— Онѣ были очень добры и приглашали меня опять къ себѣ. Отчего меня никогда не водили къ обезьяньему народу? Онѣ стоятъ на ногахъ, какъ я. Онѣ не бьютъ меня тяжелыми лапами. Онѣ весь день играютъ. Отпустите меня наверхъ къ нимъ! Злой Балу, отпусти меня! Я опять хочу играть съ ними.

— Послушай, человѣческій дѣтенышъ,—сказалъ медвѣдь, и голосъ его перекатывался, какъ громъ въ жаркую ночь.— Я научилъ тебя всѣмъ законамъ джунглей, какіе есть у разныхъ обитателей ихъ, кромѣ закона обезьяньяго народа, живущаго на высокихъ деревьяхъ. У него нѣтъ закона. Этотъ народъ отверженный. У него нѣтъ своего языка: обезьяны пользуются украденными словами, которыя они подслушиваютъ, высматривая и выжидая между вѣтвями. Онѣ живутъ не по-нашему. У нихъ вождя нѣтъ. И ничего онѣ не могутъ припомнить. Онѣ хвастаются, болтаютъ и воображаютъ себя великимъ народомъ, который можетъ совершать великія дѣла въ джунгляхъ, но паденіе орѣха заставляетъ ихъ смѣяться, и онѣ все забываютъ. Мы, жители джунглей, не водимъ съ ними знакомства. Мы не пьемъ тамъ, гдѣ пьютъ обезьяны; мы не

ходимъ дорогой, по которой ходятъ обезьяны; не охотимся, гдѣ онѣ охотятся; не умираемъ, гдѣ онѣ умираютъ. Слыхалъ ли ты, чтобы я до сегодняшняго дня упомянулъ имя *Бандаръ-логъ*?

— Нѣтъ,—шопотомъ отвѣчалъ Маугли, потому что, когда медвѣдь замолкъ, въ лѣсу стояла полная тишина.

— Жители джунглей выбросили ихъ изъ своего языка и ума. Много ихъ, этихъ зловредныхъ, грязныхъ, безстыдныхъ; и имъ, во что бы то ни стало, хочется, если только можетъ имъ хотѣться чего-нибудь опредѣленно, обратить на себя вниманіе жителей джунглей. Мы уже не обращаемъ на нихъ вниманія даже тогда, когда они бросаются въ насъ орѣхами и всякой дрянью.

Онъ едва успѣлъ заговорить, какъ черезъ вѣтви посыпался дождь орѣховъ и вѣтвей, а высоко въ воздухѣ послышался кашель, вой и перескакиванье съ сучка на сучокъ.

— Обезьяній народъ,—отверженцы, — продолжалъ Балу,— общеніе съ ними запрещено жителямъ джунглей. Помни это!

— Запрещено, — подтвердила Багхира,—и я думала, что Балу предостерегъ тебя отъ такого знакомства.

— Я? Какъ я могъ думать, что онъ станетъ играть съ такой дрянью? Обезьяны! Тьфу!

Новый дождь орѣховъ и вѣтвей посыпался на ихъ головы, и оба звѣря удалились, уводя Маугли за собой.

Сказанное медвѣдемъ объ обезьянахъ была совершенная правда. Ихъ царство—верхушки деревьевъ, а такъ какъ звѣри рѣдко взбираются туда, то обезьянамъ и обитателямъ джунглей не приходится пересѣкать другъ другу дорогу. Но если обезьянамъ случится найти больного волка, или раненаго тигра, или медвѣдя, онѣ мучаютъ его, а также, ради забавы, и чтобы обратить на себя вниманіе, бросаютъ орѣхами и палками въ каждаго проходящаго мимо звѣря. Онѣ то воютъ, то поютъ безсмысленныя пѣсни, приглашая жителей джунглей взобраться къ нимъ и сразиться съ ними; то затѣваютъ ожесточенныя безпричинныя драки между собой и оставляютъ убитыхъ обезьянъ тамъ, гдѣ жители джунглей могутъ ихъ увидать. Онѣ постоянно собираются выбрать себѣ предводителя, составить себѣ собственные законы и установить обычаи, но никогда не исполняютъ этого, потому что ничто не удерживается въ памяти ихъ до другого дня, и онѣ успокаиваются, говоря:

— Какъ *Бандаръ-логи* разсуждаютъ теперь, такъ всѣ джунгли будутъ разсуждать впослѣдствіи.

И это утѣшаетъ обезьянъ. Ни одинъ изъ звѣрей не можетъ достать ихъ, но, съ другой стороны, никто не обращаетъ на

нихъ вниманія, поэтому онѣ такъ и обрадовались, когда Маугли пришелъ поиграть съ ними; теперь онѣ услыхали, какъ на это сердился медвѣдь

Сдѣлать еще что-нибудь имъ и въ голову не приходило— *Бандаръ-логи* никогда не задумываютъ ничего заранѣе—но одной изъ нихъ взбрела затѣя, показавшаяся всѣмъ блестящей: обезьяна сообщила своимъ соплеменникамъ, что удержать Маугли было бы очень полезно, потому что онъ умѣетъ сплетать прутья для защиты отъ вѣтра. Если имъ удастся поймать его, онъ можетъ выучить этому и ихъ. Естественно, что Маугли, какъ сынъ дровосѣка, унаслѣдовалъ различные инстинкты и часто дѣлалъ шалаши изъ валявшихся прутьевъ, самъ не зная, какъ онъ научился этому, а обезьяній народъ, наблюдая за нимъ съ верхушки деревьевъ, восхищался его игрой.

— На этотъ разъ,—говорили обезьяны,—у насъ въ самомъ дѣлѣ найдется вождь, и мы станемъ умнѣйшимъ народомъ въ джунгляхъ, такимъ умнымъ, что всякій будетъ замѣчать насъ и завидовать намъ.

Поэтому они тихонько слѣдовали за медвѣдемъ, пантерой и Маугли по джунглямъ, пока не наступило время соснуть послѣ обѣда, и Маугли, очень пристыженный, задремалъ между Багхирой и Балу, рѣшивъ больше не якшаться съ обезьяньимъ народомъ.

Слѣдующимъ, что онъ помнилъ, было, какъ его схватили за руки и ноги крѣпкія, маленькія цѣпкія лапы; затѣмъ по его лицу захлестали вѣтви, и, наконецъ, сидя въ колыхавшейся чащѣ листвы, онъ услыхалъ, какъ Балу будилъ своимъ ревомъ джунгли, а Багхира неистово грызла стволъ дерева. *Бандаръ-логи* выли, торжествуя, и удирали на верхніе сучья, куда Багхира не смѣла слѣдовать за ними, и кричали:

— Балу обратилъ на насъ вниманіе! Багхира обратила на насъ вниманіе! Всѣ жители джунглей восторгаются нашей ловкостью и смѣтливостью.

Послѣ этого онѣ побѣжали, а бѣгство обезьянъ по вѣтвямъ— вещь, которую никто не въ состояніи описать. У нихъ есть свои дороги и перекрестки по холмамъ и въ долинахъ, и все это на высотѣ пятидесяти, семидесяти и ста футовъ надъ землей. По этимъ дорогамъ онѣ могутъ путешествовать даже ночью. Двѣ самыя сильныя обезьяны подхватили Маугли подъ руки и пустились съ нимъ по верхушкамъ деревьевъ, дѣлая двадцать футовъ въ одинъ скачокъ. Иди онѣ однѣ, онѣ могли бы подвигаться вдвое скорѣе, но мальчикъ былъ тяжелъ, и это задерживало ихъ. У Маугли кружилась голова, и его тошнило, но ему все же нравился этотъ быстрый бѣгъ, хотя онъ

и пугался, когда по временамъ видѣлъ сквозь вѣтви землю такъ далеко внизу, а при страшной остановкѣ на концѣ вѣтки и затѣмъ прыжкѣ надъ воздушной бездной у него захватывало духъ. Его свита взобралась съ нимъ до самой верхушки дерева, пока тонкія вѣтви не затрещали, сгибаясь подъ тяжестью, и тогда обезьяны съ крикомъ и кашлемъ начали раскачиваться въ воздухѣ, цѣпляясь руками или ногами за нижніе сучья слѣдующаго дерева. Иногда передъ глазами мальчика открывались джунгли на много миль, какъ передъ морякомъ, смотрящимъ съ вершины мачты на безпредѣльное море, а потомъ вѣтви снова хлестали ему по лицу, и онъ опускался съ несшими его обезьянами почти до земли. Такимъ образомъ, прыгая съ трескомъ, крича и визжа, вся стая *Бандаръ-логовъ* мчалась по древесной дорогѣ съ своимъ плѣнникомъ, Маугли.

Нѣкоторое время онъ боялся, что его уронятъ, потомъ разсердился, однако не рѣшился сопротивляться, и, наконецъ, сталъ раздумывать. Первою его мыслью было, какъ дать знать о себѣ Балу и Багхирѣ, потому что онъ зналъ, что его друзьямъ не угоняться за мчавшимися впередъ обезьянами. Смотрѣть внизъ было безполезно, потому что не было видно ничего, кромѣ вѣтвей; поэтому онъ сталъ глядѣть вверхъ и увидалъ далеко въ голубой высотѣ Ранна-коршуна, парившаго и кувыркавшагося надъ джунглями, высматривая, нѣтъ ли какого умирающаго звѣря. Раннъ увидалъ, что обезьяны несутъ что-то, и спустился на нѣсколько сотъ ярдовъ, чтобы посмотрѣть, не представляетъ ли ихъ грузъ чего-нибудь съѣдобнаго. Онъ свистнулъ отъ удивленія, когда увидалъ, что это Маугли, котораго обезьяны тащатъ на дерево, и услыхалъ его птичье заклинаніе: „Мы оба одной крови — я и ты!“ Волны вѣтвей сомкнулись надъ мальчикомъ, но Раннъ подлетѣлъ къ слѣдующему дереву какъ разъ во-время, чтобы увидать снова появившееся смуглое личико.

— Замѣть мой слѣдъ,—крикнулъ Маугли.—Скажи Балу изъ сіонійскаго племени и Багхирѣ съ совѣтской скалы.

— Отъ чьего имени, братъ?

Ранну никогда не приходилось видѣть Маугли, но, конечно, онъ слыхалъ о немъ.

— Отъ имени Маугли-лягушонка. Они называютъ меня человѣческимъ дѣтенышемъ. Замѣть мой слѣдъ!

Послѣднія слова онъ выкрикнулъ, когда обезьяны съ нимъ полетѣли по воздуху; но Раннъ кивнулъ головой и взвился такъ высоко, что показался не крупнѣе песчинки. Тамъ онъ парилъ, наблюдая своими дальнозоркими глазами за колебаніемъ древесныхъ верхушекъ, по которымъ мчался конвой Маугли.

— Онѣ никогда далеко не заходятъ, — съ насмѣшкой пробормоталъ коршунъ. — Нигдѣ онѣ не выполняютъ того, что предполагали. *Бандаръ-логи* вѣчно выдумываютъ что-нибудь новое. На этотъ разъ, если я не потерялъ всякую зоркость, онѣ только навязали себѣ хлопотъ на шею, потому что Балу не щенокъ, да и Багхирѣ впору справиться не только съ козломъ.

Такъ онъ плавалъ въ воздухѣ, подобравъ ноги, и ждалъ.

Между тѣмъ, Балу и Багхира выходили изъ себя отъ страха и ярости. Багхира лазила на деревья, какъ никогда, но тонкія вѣтви ломались подъ ея тяжестью, и она скользила внизъ, набравъ полные когти коры.

— Почему ты не предостерегъ человѣческаго дѣтеныша? — рычала она на бѣднаго Балу, бѣжавшаго неуклюжей рысью, надѣясь догнать обезьянъ.—Ради чего было чуть не до полусмерти колотить его, если не предостеречь?

— Поспѣши! Поспѣши!—задыхаясь, упрашивалъ медвѣдь.

— Съ тобой что! Такъ итти и раненая корова не стала бы. Законникъ... Учитель... Ты лопнешь, если еще милю, другую прокатишься такъ. Лучше сядь да сообрази! Придумай, какъ дѣйствовать. Теперь не до погони. Онѣ могутъ уронить его, если мы подберемся къ нимъ слишкомъ близко.

— *Аррула!* Уу! Онѣ ужъ, можетъ-быть, уронили его, уставъ нести. Кто станетъ довѣрять *Бандаръ-логамъ?* Брось мнѣ на голову дохлыхъ летучихъ мышей! Давай мнѣ ѣсть почернѣвшія кости! Вкати меня въ рой дикихъ пчелъ, чтобы онѣ зажалили меня до смерти, и закопай меня съ гіэнами, потому что я презрѣннѣйшій изъ медвѣдей! *Аррулама! У-у-а!* О, Маугли! Маугли! Зачѣмъ я не предостерегъ тебя противъ обезьяньяго народа, вмѣсто того, чтобы проламывать тебѣ голову! Теперь, можетъ случиться, я выбилъ у него изъ головы то, что онъ зналъ, и онъ очутится въ джунгляхъ безъ заклинаній.

Балу зажалъ лапами уши и съ воемъ катался по землѣ.

— Да вѣдь онъ еще не задолго передъ тѣмъ повторилъ мнѣ всѣ заклинанія безъ ошибки,—съ нетерпѣніемъ возразила Багхира.—Балу, у тебя нѣтъ ни памяти, ни самоуваженія. Что бы подумали въ джунгляхъ, если бы я, черная пантера, стала валяться съ воемъ по землѣ, какъ какой-нибудь дикообразъ.

— А мнѣ какое дѣло, что подумаютъ въ джунгляхъ? Теперь его, можетъ-быть, и въ живыхъ уже нѣтъ.

— Если только онѣ не уронятъ его, перескакивая съ дерева на дерево, или не убили по лѣни, я не боюсь за человѣческаго дѣтеныша. Онъ уменъ и хорошо обученъ, а, главное, у него

глаза, которыхъ жители джунглей пугаются. Но онъ во власти *Бандаръ-логовъ* и это большое несчастье, потому что этотъ народъ, живя на верхушкахъ деревьевъ, не боится никого изъ насъ.

Багхира задумчиво лизала одну изъ своихъ переднихъ лапъ.

— Дуракъ я! Дуракъ я, жирный, бурый копатель кореньевъ,— продолжалъ Балу, порывисто вскакивая. — Правду говоритъ Хати, дикій слонъ: *Каждому свой страхъ*; а они, *Бандаръ-логи*, боятся Каа, пиѳона. Онъ лазаетъ не хуже ихъ, и ночью воруетъ ихъ дѣтенышей. Отъ сказаннаго шопотомъ его имени у нихъ холодѣетъ кончикъ хвоста. Пойдемъ къ Каа.

— Что онъ сдѣлаетъ для насъ? Онъ—безногій: стало-быть, не изъ нашего племени, и глаза у него злые, — сказала Багхира.

— Онъ старъ и очень хитеръ; а, главное, вѣчно голоденъ,— возразилъ Балу, ободряя себя надеждой.—Пообѣщай ему нѣсколько козъ.

— Съѣвъ одну, онъ засыпаетъ на цѣлый мѣсяцъ. Онъ, можетъ-быть, спитъ теперь, а если проснулся, то, кто знаетъ, не предпочтетъ ли самъ поохотиться за своимъ козломъ.

Багхира, не знакомая съ Каа, естественно относилась къ змѣѣ подозрительно.

— Въ такомъ случаѣ ты да я, старый охотникъ, постараемся вразумить его.

Тутъ Балу потерся своими выцвѣтшими бурыми плечами о пантеру, и оба отправились разыскивать пиѳона Каа.

Они нашли его лежащимъ на тепломъ выступѣ скалы грѣющимся на вечернемъ солнцѣ и любующимся своимъ блестящимъ новымъ одѣяніемъ, потому что послѣдніе десять дней онъ провелъ въ уединеніи, мѣняя свою кожу, а теперь онъ лежалъ въ полномъ великолѣпіи, вытянувъ голову съ приплюснутымъ носомъ по землѣ, свивая свое тридцатифутовое тѣло въ причудливые узлы и изгибы и облизываясь при мысли о предстоящемъ обѣдѣ.

— Онъ еще не ѣлъ,—сказалъ Балу, хрюкнувъ съ облегченіемъ, когда увидалъ великолѣпную пятнистую желтокоричневую кожу пиѳона. — Берегись, Багхира! Онъ всегда бываетъ подслѣповатъ, когда перемѣнитъ кожу, и бросается иногда зря.

Каа не былъ ядовитый змѣй, онъ даже презиралъ ядовитыхъ змѣй за то, что онѣ жалятъ исподтишка. Его же сила заключалась въ могучихъ мускулахъ, и когда онъ разъ обовьется своими кольцами вокругъ животнаго, то пѣсня его жертвы спѣта.

— Хорошей охоты!—крикнулъ Балу, поднявшись на заднія лапы. Подобно всѣмъ змѣямъ своей породы, Каа былъ глуховатъ и не разслыхалъ сразу обращенія. Потомъ онъ свился, опустивъ голову и готовясь ко всякой неожиданности.

— Хорошей охоты намъ всѣмъ, — отвѣчалъ онъ.—Зачѣмъ пожаловалъ сюда, Балу? Хорошей охоты, Багхира. Одинъ изъ насъ, по крайней мѣрѣ, голоденъ. Не слыхать ли о какой дичи поблизости? О лани, или, по крайней мѣрѣ, какомъ-нибудь козленкѣ? У меня въ желудкѣ пусто, какъ въ высохшемъ колодцѣ.

— Мы шли на охоту, — отвѣтилъ Балу какъ бы мимоходомъ.—Онъ зналъ, что Каа торопить не слѣдуетъ: пиѳонъ слишкомъ великъ.

— Разрѣшите мнѣ присоединиться къ вамъ, — попросилъ Каа.—Однимъ ударомъ больше или меньше для васъ, Балу и Багхира, не расчетъ, а мнѣ приходится ждать и ждать на лѣсной дорожкѣ и лазить по цѣлымъ ночамъ изъ-за какой-нибудь молодой обезьяны. Шш! Теперь и вѣтви стали совсѣмъ другія, чѣмъ въ моей молодости. Только и есть, что гнилые сучья да сухіе кусты.

— Можетъ-быть, тутъ кое при чемъ и новая огромная тяжесть,—замѣтилъ Балу.

— Да, длина-таки порядочная—хорошая длина, — сказалъ Коа, съ нѣкоторой гордостью.—Однако все же виноватъ молодой лѣсъ. На своей послѣдней охотѣ я чуть было не свалился на землю—право! Шумъ, когда я шлепнулся,—у меня хвостъ не крѣпко обвился вокругъ ствола—разбудилъ *Бандаръ-логовъ*, и они принялись ругательски ругать меня.

— Безногій желтый земляной червякъ, — проговорила Багхира себѣ въ усы, будто пытаясь что-то припомнить.

— Шш! Онѣ называли меня *такъ?*—спросилъ Каа.

— Да, онѣ и намъ кричали что-то въ такомъ родѣ прошедшей лунной ночью; только мы не обратили вниманія. Пусть себѣ говорятъ, что хотятъ, вѣдь нахалы эти *Бандаръ-логи*—ну, хоть, напримѣръ, про тебя, что ты лишился всѣхъ своихъ зубовъ и не смѣешь напасть ни на кого, кромѣ козленка, потому что боишься роговъ взрослаго козла,—вкрадчиво продолжала Багхира.

Змѣй, особенно такой старый пиѳонъ, какимъ былъ Каа— рѣдко показываетъ, что сердится, но Балу и Багхира видѣли, какъ надулись и вспухли огромные глотательные мускулы по сторонамъ шеи Каа.

— *Бандаръ-логи* переселились въ другое мѣсто; — спокойно сказалъ онъ.—Когда я сегодня выбрался на солнце, я слышалъ, какъ онѣ кричали на верхушкахъ деревьевъ.

— Мы тоже выслѣживаемъ теперь *Бандаръ-логовъ*,—началъ было медвѣдь, но слова застряли у него въ горлѣ, потому что въ первый разъ на его памяти обитатель джунглей признался, что интересуется обезьянами.

— Конечно, не безъ важныхъ причинъ двое такихъ охотниковъ—я увѣренъ вожди въ своихъ джунгляхъ—слѣдятъ за *Бандаръ-логами*,—любезно отвѣтилъ Каа, самъ весь вспухая отъ любопытства.

— Да, правда,—началъ Балу,—я только старый, и по временамъ очень недогадливый, медвѣдь, обучающій законамъ волчатъ сіонійскаго племени; а вотъ Багхира...

— Есть Багхира,—перебила его черная пантера, щелкнувъ челюстями, такъ какъ не вѣрила въ дѣйствительность излишней скромности.—Видишь ли, Каа, въ чемъ дѣло: эти обиратели орѣховъ и обрыватели пальмовыхъ листьевъ украли нашего человѣческаго дѣтеныша, о которомъ ты, можетъ-быть, слышалъ.

— Я слышалъ отъ Икки,—онъ страшно высокаго о себѣ мнѣнія, благодаря своимъ игламъ,—будто въ стаѣ волковъ есть какой-то мальчикъ; но я не повѣрилъ. Икки разсказываетъ вещи, которыхъ самъ не дослышитъ, а тамъ еще привретъ что-нибудь.

— Но это правда. Такого дѣтеныша я и не видывалъ,—сказалъ медвѣдь.—Уменъ, смѣлъ, какъ никто. Онъ мой ученикъ и прославитъ имя Балу во всѣхъ джунгляхъ; и къ тому же я—мы—любимъ его.

— Тс! Тс!—прошипѣлъ Каа, качая головой взадъ и впередъ.—И я знаю, что значитъ любить, кое-что могъ бы и я разсказать..

— Для чего нужна свѣтлая ночь и сытые желудки, чтобы вполнѣ оцѣнить твой разсказъ,—быстро дополнила Багхира.—Нашъ человѣческій дѣтенышъ въ рукахъ *Бандаръ-логовъ*, и мы знаемъ, что онѣ изъ всѣхъ обитателей джунглей боятся только одного Каа.

— Да, онѣ боятся меня одного, и не безъ основанія,—сказалъ Каа.—Болтливы, взбалмошны эти обезьяны, и человѣку въ ихъ рукахъ можетъ прійтись плохо. Имъ надоѣдаютъ сорванные орѣхи, и онѣ ихъ бросаютъ внизъ. Иной разъ цѣлый день возятся съ какимъ-нибудь сукомъ, воображая, что сдѣлаютъ изъ него не вѣсть что, а затѣмъ вдругъ ломаютъ его пополамъ. Не позавидуешь человѣку, попавшемуся имъ. Такъ онѣ назвали меня „желтой рыбой“,—не такъ ли?

— Червякомъ—землянымъ червемъ,—поправила Багхира, да еще другими именами, которыя мнѣ совѣстно повторять

— Надо напомнить имъ, чтобы они отзывались получше о своихъ господахъ. Ао... шисъ! Надо помочь ихъ плохой памяти... Куда онѣ направились съ дѣтенышемъ?

— Однѣ джунгли знаютъ. Кажется, къ закату,— сказалъ Балу.—Мы думали, ты знаешь, Каа.

— Я? Откуда? Я ловлю ихъ, когда онѣ попадаются мнѣ на дорогѣ, но не охочусь за *Бандаръ-логами* или лягушками и всякой дрянью въ какой-нибудь лужѣ

— *Упъ! Упъ! Упъ! Хилло! Илло! Илло!* взгляни наверхъ, Балу изъ стаи сіонійскихъ волковъ!

Балу взглянулъ наверхъ, ища откуда идетъ голосъ, и увидалъ Ранна-коршуна, спускавшагося на крыльяхъ, сверкавшихъ при вечернемъ солнцѣ. Ранну уже пора было отправляться на ночной покой, но онъ облетѣлъ всѣ джунгли, отыскивая медвѣдя и не находя его за густой листвой.

— Что такое?—спросилъ Балу

— Я видѣлъ Маугли у *Бандаръ-логовъ*. Онъ приказалъ сказать тебѣ. Я караулилъ. *Бандаръ-логи* отнесли его за рѣку въ обезьяній городъ „Холодное логовище“. Онѣ, можетъ-быть, пробудутъ тамъ ночь или десять ночей, а можетъ-быть, всего одинъ часъ. Я просилъ летучихъ мышей присмотрѣть, когда наступитъ темнота. Вотъ, что мнѣ поручено. Хорошей охоты вамъ всѣмъ, тамъ внизу!

— Хорошаго ужина и спокойнаго сна тебѣ, Раннъ!—крикнула Багхира.—Я вспомню о тебѣ при своей слѣдующей охотѣ и сберегу голову для тебя одного. Ты—лучшій изъ коршуновъ!

— Ничего! Ничего! Мальчикъ зналъ заклинанія. Я не могъ сдѣлать меньше.

И Раннъ снова взвился на воздухъ.

— Онъ не забылъ пустить въ ходъ свой языкъ,—сказалъ Балу, захлебываясь отъ гордости.—Подумаешь, такой малышъ, и вспомнилъ птичье заклинаніе въ то время, какъ его перебрасывали съ дерева на дерево!

— Твердо вбилъ ты ему въ голову эту премудрость,—замѣтила Багхира,—но и я горжусь имъ. Теперь отправимся въ „Холодное логовище“.

Всѣ знали, гдѣ находится этотъ городъ, но немногіе изъ обитателей джунглей бывали тамъ, потому что это было покинутое мѣстечко, затерявшееся въ чащѣ джунглей, и звѣри рѣдко селятся въ мѣстахъ, гдѣ прежде жили люди. Дикіе буйволы дѣлаютъ это, но хищники—никогда. Кромѣ того, обезьяны жили тамъ столько же, сколько въ другихъ мѣстахъ, и ни одно уважающее себя животное не подходило къ городу

на такое разстояніе, на какое можетъ видѣть глазъ, развѣ только въ засуху, когда въ полуразвалившихся водопроводахъ и цистернахъ можно было найти немного воды.

— Туда надо итти полъ-ночи полнымъ ходомъ, — сказала Багхира, а Балу принялъ очень серьезный видъ.

— Я побѣгу насколько силъ хватаетъ, — сказалъ онъ, видимо, озабоченный.

— Намъ нельзя ждать тебя. Иди за нами, Балу, а мы съ Каа побѣжимъ со всѣхъ ногъ...

— Со всѣхъ ногъ или нѣтъ, а я все-таки могу угоняться за вашими двумя парами,—коротко заявилъ Каа.

Балу сдѣлалъ попытку поспѣшить, но запыхавшись принужденъ былъ сѣсть, и такъ они оставили его, чтобы онъ догналъ ихъ, а Багхира пустилась быстрой рысью пантеры. Каа не сказалъ ничего, но несмотря на всѣ усилія Багхиры, не отставалъ отъ нея. Когда они подошли къ горной рѣчкѣ, Багхира обогнала питона, потому что однимъ прыжкомъ перемахнула черезъ рѣку, между тѣмъ какъ удаву пришлось перебираться вплавь, держа голову и два фута шеи надъ водой. Но, выйдя на сушу, Каа догналъ свою спутницу.

— Клянусь сломаннымъ замкомъ, освободившимъ меня, ты не плохой ходокъ,—сказала Багхира, когда уже наступили сумерки.

— Я голоденъ,—сознался Каа.—Къ тому же, онѣ назвали меня пестрой лягушкой.

— Червемъ—землянымъ червемъ, совсѣмъ желтымъ.

— Все одно. Пойдемъ дальше!

И Каа, казалось, текъ по землѣ, находя своими неподвижными глазами самый короткій путь и держась его.

Въ своемъ городѣ обезьяны и думать позабыли о друзьяхъ Маугли. Онѣ принесли мальчика въ забытый городъ и были все время очень довольны собой. Маугли никогда не видалъ индусскаго города, и хотя этотъ городокъ представлялъ собою груду развалинъ, онъ показался ему чудеснымъ и великолѣпнымъ. Какой-нибудь король построилъ его давно на небольшомъ холмѣ. Видны были еще дорожки, выложенныя плитами и ведущія къ развалившимся воротамъ, гдѣ послѣдніе обломки дерева еще висѣли на перержавѣвшихъ петляхъ. Внутри стѣнъ и на самихъ стѣнахъ выросли деревья; зубцы были сбиты и разсыпались, а дикія вьющіяся растенія густыми гирляндами спускались изъ оконъ башенъ.

На вершинѣ холма возвышался большой дворецъ безъ крыши; мраморная мостовая на дворѣ и фонтаны были расколоты и покрыты красными и зелеными пятнами; даже булыжники на

дворѣ, гдѣ жили королевскіе слоны, были выворочены корнями травъ и молодыхъ деревьевъ. Отъ дворца виднѣлись ряды домовъ безъ крышъ, что придавало городу видъ пустыхъ темныхъ сотовъ; на перекресткѣ четырехъ дорогъ лежала безформенная каменная глыба, бывшая идоломъ; колодцы и водоемы на углахъ, и развалины храмовъ поросли дикими фигами. Обезьяны называли это мѣсто своимъ городомъ и дѣлали видъ, что презираютъ прочихъ обитателей джунглей за то, что тѣ живутъ въ лѣсахъ. А между тѣмъ онѣ никогда не знали ни назначенія ни употребленія всѣхъ этихъ строеній. Онѣ сидѣли кругомъ въ совѣтской королевской залѣ, ища другъ у друга блохъ и воображали себя людьми, или бѣгали толпами по домамъ безъ крышъ, собирая въ углы куски мостовой и камни, забывая потомъ, гдѣ ихъ спрятали, крича и вступая въ драки, а затѣмъ затѣвали игру на террасахъ королевскихъ садовъ, гдѣ трясли розовыя и апельсинныя деревья, чтобы посмотрѣть, какъ посыплются цвѣты и плоды. Обезьяны изслѣдовали всѣ переходы и темные коридоры дворца вмѣстѣ съ сотнями темныхъ комнатъ, но никогда не могли вспомнить, что видѣли и чего не видали, и такъ онѣ бродили поодиночкѣ, вдвоемъ или цѣлыми толпами, говоря другъ другу, что онѣ дѣлаютъ все, какъ люди. Онѣ пили въ водоемахъ, баламутя воду, а потомъ дрались тутъ же, и, наконецъ, бросались толпой, крича: „Нѣтъ никого въ джунгляхъ, кто бы могъ сравняться съ *Бандаръ-логами* по уму, силѣ, ловкости и вѣжливости!“

Потомъ все начиналось снова, пока городъ не надоѣдалъ имъ, и онѣ не возвращались на древесныя верхушки, въ надеждѣ, что обитатели джунглей обратятъ на нихъ вниманіе.

Маугли, воспитанный по правиламъ джунглей, не понималъ такой жизни, и она не нравилась ему. Обезьяны притащили его въ свой городъ поздно вечеромъ и вмѣсто того, чтобы лечь спать, какъ сдѣлалъ бы Маугли, послѣ такого долгаго путешествія, онѣ схватились за руки и принялись кружиться, распѣвая свои несвязныя пѣсни. Одна изъ обезьянъ сказала рѣчь и объяснила своимъ товарищамъ, что плѣненіе Маугли—начало новой эпохи въ ихъ жизни, потому что Маугли научитъ ихъ, какъ сплетать прутья и тростникъ, чтобы защищаться отъ дождя и холода. Маугли взялъ нѣсколько вьющихся растеній и началъ плести ихъ, а обезьяны пробовали подражать ему, но скоро интересъ ихъ къ дѣлу пропалъ, и онѣ начали таскать другъ друга за хвосты или прыгать на четверенькахъ.

— Мнѣ ѣсть хочется,—сказалъ Маугли.—Я чужой въ этихъ мѣстахъ. Принесите мнѣ чего-нибудь или позвольте поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьянъ бросились за орѣхами и дикими каштанами, по дорогой затѣяли драку, и только нѣкоторыя вернулись съ небольшимъ запасомъ, который сберегли съ трудомъ. Маугли былъ сердитъ, грустенъ и голоденъ. Онъ бродилъ по пустому городу, выкрикивая по временамъ „охотничій крикъ чужого", но никто не отвѣчалъ ему, и Маугли чувствовалъ, что попалъ въ очень плохое мѣсто.

„Все, что Балу говорилъ о *Бандаръ-логахъ*, правда,—думалъ онъ.—Онѣ не знаютъ никакихъ законовъ, никакого охотничьяго крика и не имѣютъ вождя—ничего у нихъ нѣтъ, кромѣ глупыхъ словъ и маленькихъ воровскихъ лапъ. Если я умру здѣсь съ голода или меня убьютъ, то я самъ буду виноватъ. Только мнѣ надо попытаться вернуться въ родныя джунгли. Балу, навѣрное, побьетъ меня; но это все же лучше, чѣмъ гоняться съ *Бандаръ-логами* за глупыми розовыми листьями".

Какъ только онъ подошелъ къ городской стѣнѣ, обезьяны сейчасъ же оттащили его прочь, говоря ему, что онъ не понимаетъ своего счастья, и щипля его, чтобы вызвать его благодарность. Маугли стиснулъ зубы и, не сказавъ ничего, отправился съ кричавшими обезьянами на террасу надъ водоемами изъ краснаго песчаника, наполовину полными дождевой воды. Посрединѣ террасы стояли развалины лѣтняго дома изъ бѣлаго мрамора, выстроеннаго для королевъ, умершихъ сто лѣтъ тому назадъ. Крыша съ куполомъ на половину провалилась внутрь и завалила подземный ходъ, которымъ королевы обыкновенно проходили изъ дворца, но стѣны были сдѣланы изъ мраморныхъ плитъ молочно-бѣлаго цвѣта съ кружевной рѣзьбой, чудной рѣзной работой, украшенной агатами и сердоликами, яшмой и ляписомъ-лазурью. Когда мѣсяцъ взошелъ изъ-за холмовъ, свѣтъ его падалъ черезъ рѣзьбу, и на землю ложилась тѣнь, какъ будто черная бархатная вышивка. Несмотря на все свое огорченіе, сонливость и голодъ, Маугли не могъ не засмѣяться, когда штукъ двадцать *Бандаръ-логовъ* начали за разъ разсказывать ему, какъ онѣ велики, мудры, сильны и милы, и какъ съ его стороны глупо желать уйти отъ нихъ.

— Мы велики. Мы свободны. Мы самый умный народъ во всѣхъ джунгляхъ! Всѣ мы говоримъ это, стало-быть, это правда,—кричали онѣ.

— Такъ какъ ты въ первый разъ слышишь насъ, то можешь передать наши слова жителямъ джунглей, чтобы опи впередъ обращали на насъ вниманіе, мы разскажемъ тебѣ о томъ, какой мы прекрасный народъ.

Маугли не возражалъ, и на террасѣ собрались сотни обезьянъ, чтобы послушать своихъ ораторовъ, прославлявшихъ *Бандаръ-логовъ*, и когда одинъ изъ нихъ замолкалъ, не будучи въ состояніи перевести духъ, онѣ всѣ кричали за разъ: „Правда; мы всѣ говоримъ это!"

Маугли кивалъ головой, мигалъ глазами и говорилъ „да", когда къ нему обращались съ вопросомъ, а въ головѣ у него все кружилось отъ шума.

„Табаки-шакалъ, должно-быть, искусалъ всѣхъ ихъ, и онѣ взбѣсились,—думалъ онъ.—Это, навѣрное, *девани*—бѣшенство. Неужели онѣ никогда не улягутся спать? Вотъ облако сейчасъ закроетъ мѣсяцъ. Если бы оно было довольно велико, я, можетъ-быть, попытался бы убѣжать въ темнотѣ. Но я усталъ".

За тѣмъ же облакомъ наблюдали двое друзей изъ обвалившагося рва за городской стѣной, потому что Багхира и Каа, зная, какъ опасны обезьяны, когда ихъ много, не хотѣли подвергаться риску. Обезьяны сражаются не иначе, какъ сто противъ одного, и въ такихъ условіяхъ немногіе изъ обитателей джунглей желаютъ встрѣчаться съ ними.

— Я пойду къ западному валу,—шопотомъ сказалъ Каа,—и быстро спущусь по удобному спуску. Онѣ не бросятся на *мою* спину, хотя бы ихъ была цѣлая сотня, но...

— Знаю,—отвѣчала Багхира.—Хорошо бы, если бы Балу былъ здѣсь, но мы должны сдѣлать, что можемъ. Когда это облако закроетъ мѣсяцъ, я пойду на террасу. У нихъ тамъ, должно-быть, совѣтъ о мальчикѣ.

— Хорошей охоты,—сердито отвѣтилъ Каа и поползъ къ западному валу. Случайно это было мѣсто, сохранившееся лучше всего, и большой змѣѣ пришлось потратить нѣкоторое время, прежде чѣмъ ей удалось пробраться между камнями.

Облако скрыло мѣсяцъ, и въ ту минуту, какъ Маугли раздумывалъ, что будетъ дальше, онъ услыхалъ легкіе шаги Багхиры на террасѣ. Черная пантера взобралась безшумно по скату и расправлялась лапами направо и налѣво въ кругу обезьянъ, сидѣвшихъ по пятидесяти и шестидесяти штукъ. Она находила этотъ способъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ кусаться. Поднялся испуганный злобный вой, и въ то время, какъ Багхира колотила лапой по барахтавшимся и катившимся на землю тѣламъ ближайшихъ обезьянъ, вдругъ одна изъ нихъ крикнула: „Она одна! Убьемъ ее! Убьемъ!"

Плотная масса кусающихся, царапающихся, толкающихся обезьянъ набросилась на Багхиру, между тѣмъ какъ пять или

шесть схватили Маугли, втащили его на стѣну лѣтняго дома и втиснули въ отверстіе провалившагося купола. Мальчикъ, получившій человѣческое воспитаніе, расшибся бы, упавъ съ высоты футовъ въ пятьдесятъ, но Маугли упалъ, какъ его училъ падать Балу, и сталъ на ноги.

— Оставайся здѣсь,—кричали ему обезьяны,—пока мы не убьемъ твоихъ друзей, а потомъ мы станемъ играть съ тобой, если ядовитый народъ оставитъ тебя въ живыхъ *).

— Будемъ оба одной крови, вы и я!—быстро произнесъ Маугли заклинаніе змѣй. Онъ слышалъ шорохъ и шипѣнье въ щебнѣ кругомъ себя, и для пущей безопасности повторилъ призывъ.

— Слышимъ! Спустить капюшоны!—послышались десятки тихихъ голосовъ. — Стой смирно, братецъ: ты можешь наступить на насъ.

Маугли стоялъ какъ можно тише, смотря черезъ рѣзьбу и прислушиваясь къ шуму яростнаго боя вокругъ черной пантеры, къ вою, стрекотанью и борьбѣ, къ хриплому глубокому кашлю Багхиры, когда, выгибая спину и извиваясь, она проскальзывала подъ навалившейся на нее кучей враговъ. Въ первый разъ со дня рожденія Багхира билась за свою жизнь.

„Балу, вѣроятно, недалеко; Багхира не пришла бы одна“, думалъ Маугли, и затѣмъ крикнулъ громко:

— Багхира, бѣги къ пруду. Скатись къ водоему. Скатись и нырни! Иди въ воду.

Багхира услыхала и увѣренность, что Маугли живъ, придала ей новое мужество. Она съ отчаяніемъ, дюймъ за дюймомъ, пролагала себѣ путь къ водоему, молча отбиваясь. Тутъ, со стороны разрушеннаго вала, ближайшаго къ джунглямъ, послышался воинственный крикъ Балу. При всемъ своемъ стараніи старикъ Балу не могъ поспѣть раньше.

— Багхира, — кричалъ онъ, — я здѣсь. Я лѣзу! Спѣшу! *Ахуура!* Камни катятся у меня изъ-подъ ногъ! Погодите же, негодные *Бандаръ-логи!*

Онъ ввалился на террасу, запыхавшись, но сейчасъ же исчезъ съ головой въ волнѣ обезьянъ. Однако онъ всталъ на заднія лапы и вытянувъ переднія, захватилъ сколько могъ обезьянъ, а потомъ правильнымъ *шлепъ-шлепъ*, какъ змахами лопастнаго колеса, началъ раздавать удары направо и налѣво.

По всплеску Маугли узналъ, что Багхира пробилась къ водоему, куда обезьяны не могли послѣдовать за ней. Пан-

*) Въ каждой индійской развалинѣ рано или поздно поселяются змѣи, и лѣтній домъ весь кишѣлъ кобрами.

тера лежала, съ трудомъ переводя духъ, только высунувъ голову изъ воды, между тѣмъ какъ обезьяны спустились на три каменныя ступени, подскакивая въ бѣшенствѣ, готовыя со всѣхъ сторонъ устремиться на пантеру, если бы она вздумала подняться на помощь Балу. Тогда Багхира подняла подбородокъ, съ котораго стекала вода, и въ отчаяніи крикнула заклинаніе, призывающее на помощь змѣй: „Мы всѣ одной крови, я и ты!“ Она думала, что Каа обратился вспять въ послѣднюю минуту. Даже Балу, подъ навалившимися на него на углу террасы обезьянами, прерывисто засмѣялся, услыхавъ, что пантера зоветъ на помощь.

Каа только что перебрался черезъ валъ, столкнувъ послѣднимъ усиліемъ одинъ изъ верхнихъ камней въ ровъ. Онъ намѣревался воспользоваться всѣми удобствами, которыя представляла мѣстность и разъ другой свился и развился, чтобы убѣдиться, что каждый футъ его длиннаго тѣла способенъ къ работѣ. Все это время, пока борьба съ Балу продолжалась, обезьяны кричали въ пруду вокругъ Багхиры, а Мангъ, летучая мышь, порхая взадъ и впередъ, разносила по джунглямъ слухъ о великой битвѣ, такъ что даже Хати, дикій слонъ, затрубилъ въ хоботъ. Тогда со всѣхъ сторонъ толпы проснувшагося разсѣяннаго обезьяньяго народа стали пробираться по древеснымъ дорогамъ на помощь своимъ въ обезьяньемъ городѣ, а шумъ сраженія разбудилъ всѣхъ дневныхъ птицъ на нѣсколько миль въ окружности. Тутъ выступилъ Каа, быстро, прямо, безпощадно. Сила пиѳона при нападеніи заключается въ ударѣ головой, которую поддерживаетъ вся мощь и тяжесть тѣла. Представивъ себѣ копье, таранъ или молотъ вѣсомъ около полутонны, управляемые спокойнымъ хладнокровнымъ духомъ, руководящимъ рукояткой, вы можете составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, что представлялъ собою Каа въ битвѣ. Четырехъ или пятифутовый пиѳонъ, ловко ударивъ въ грудь человѣка, сбиваетъ его съ ногъ, а Каа, какъ вы знаете, имѣлъ тридцать футовъ. Первый ударъ, направленный въ центръ обезьяньей толпы, окружавшей Балу, былъ нанесенъ молча, и второго ужъ не понадобилось. Обезьяны разбѣжались съ крикомъ: „Каа! Каа здѣсь! Бѣгите! Спасайтесь!

Многія поколѣнія обезьянъ выросли въ непоколебимой вѣрѣ къ разсказамъ старшихъ о Каа, ночномъ ворѣ, пробирающемся по вѣтвямъ такъ же неслышно, какъ растетъ мохъ, и таскающемъ самыхъ сильныхъ обезьянъ,—о старомъ Каа, принимающемъ видъ сухого сука или пня, такъ что даже самыя умныя обезьяны ошибались, пока такой сукъ не ловилъ ихъ. Обезьяны никого такъ не боялись въ джунгляхъ, какъ Каа, потому что

ни одна изъ нихъ не знала границъ его могуществу, ни одна не смѣла взглянуть ему въ лицо, и ни одна не выходила живой изъ его колецъ. И вотъ онѣ помчались, спотыкаясь отъ страха, по стѣнамъ и крышамъ домовъ, а Балу глубоко вздохнулъ съ облегченіемъ. Его мѣхъ былъ гораздо гуще, чѣмъ мѣхъ Багхиры, но и ему сильно досталось въ схваткѣ. Послѣ этого Каа открылъ пасть и произнесъ одно свистящее слово, и обезьяны, отбѣжавшія уже далеко къ городскимъ стѣнамъ, остановились, гдѣ были, съежившись, такъ что отягченныя вѣтви затрещали подъ ними. Обезьяны на стѣнахъ и въ пустыхъ домахъ замолчали, и среди тишины, водворившейся въ городѣ, Маугли разслыхалъ, какъ Багхира отряхалась, выйдя изъ водоема. Послѣ этого крикъ начался снова. Обезьяны полѣзли еще выше на стѣны; онѣ цѣплялись за шеи большихъ каменныхъ идоловъ и визжали, скользя по рубцамъ, между тѣмъ какъ Маугли, подпрыгивая въ лѣтнемъ домѣ, прикладывался къ мраморной рѣзьбѣ и кричалъ по-совиному, между передними зубами, чтобы выказать свое презрѣніе и насмѣшку.

— Достать дѣтеныша изъ западни я не въ силахъ,—задыхаясь проговорила Багхира.—Но надо достать его и уйти съ нимъ. Онѣ могутъ возобновить нападеніе.

— Онѣ не тронутся, пока я не прикажу. Стойте!—зашипѣлъ Каа, и снова въ городѣ водворилась тишина.—Я не могъ поспѣть раньше; но, мнѣ кажется, я слышалъ *твой* крикъ.— Послѣднія слова были обращены къ Багхирѣ.

— Мой крикъ? Да, можетъ-быть, я и крикнула въ свалкѣ,— отвѣтила Багхира.—Балу, ты раненъ?

— Очень похоже, что онѣ порядкомъ поцарапали меня,— серьезно отвѣтилъ медвѣдь, тряся то одной, то другой лапой.— *Уоу!* Что-то больно! Каа, мнѣ кажется, мы съ Багхирой обязаны тебѣ жизнью.

— Пустяки! Гдѣ нашъ храбрецъ?

— Здѣсь, въ ямѣ. Не могу выбраться,—крикнулъ Маугли изъ-подъ провалившагося купола.

— Возьмите его. Онъ пляшетъ какъ Мао-павлинъ. Онъ передавитъ нашихъ дѣтенышей,—кричали кобры изнутри.

— Ага!—сказалъ Каа со смѣхомъ,—у мальчугана вездѣ друзья. Отодвинься, дѣтенышъ, а вы, ядовитое племя, прячьтесь: я сломлю стѣну.

Каа внимательно осмотрѣлъ стѣну, пока не нашелъ трещину въ мраморной рѣзьбѣ, указавшую ему слабое мѣсто; тогда раза два или три легко наклонивъ голову, онъ поднялъ шесть футовъ своего тѣла отъ земли и нѣсколько разъ ударилъ носомъ изо всей силы въ камень. Рѣзьба разсыпалась и про-

валилась среди облака пыли и щебня. Маугли вылѣзъ въ образовавшееся отверстіе и, бросившись къ Балу и Багхирѣ, обхватилъ каждаго рукой за шею.

— Ты не раненъ?—спрашивалъ Балу, осторожно прижимая его къ себѣ.

— И голоденъ и порядкомъ помятъ, — отвѣтилъ мальчикъ. — А васъ обоихъ онѣ порядкомъ потрепали. На васъ кровь!

— И другимъ досталось,—сказала Багхира, облизываясь и смотря на тѣла обезьянъ, разбросанныя по террасѣ и вокругъ водоема.

— Все это ничего, пустяки, если ты здоровъ, моя гордость между всѣми лягушатами!—взвизгивалъ Балу.

— Это мы разсудимъ потомъ,—сказала Багхира сухимъ тономъ, который вовсе не понравился Маугли. — Но вотъ Каа, которому мы обязаны побѣдой, а ты—жизнью. Поблагодари его, какъ того требуетъ нашъ обычай, Маугли.

Маугли обернулся и увидалъ голову удава, качавшуюся на футъ выше его головы.

— Такъ вотъ онъ человѣческій дѣтенышъ,—сказалъ Каа.— Какая у него мягкая кожа, и какъ онъ похожъ на *Бандаръ-логовъ.* Смотри, человѣчекъ, какъ бы я не принялъ тебя въ сумерки, вскорѣ какъ смѣню кожу, за обезьяну.

— Будемъ одной крови, я и ты,—отвѣтилъ Маугли.—Сегодня я получаю жизнь отъ тебя. Моя добыча, о, Каа, будетъ твоей добычей, если ты будешь голоденъ.

— Спасибо, братецъ,—отвѣчалъ Каа, хотя глаза его блеснули. — А какую же дичину можетъ добыть такой храбрый охотникъ? Позволено мнѣ будетъ пойти за нимъ слѣдомъ, когда онъ въ первый разъ выйдетъ на промыселъ?

— Я не убиваю ничего—я еще слишкомъ малъ, но загоняю оленей къ тѣмъ, кому они нужны. Когда у тебя въ брюхѣ будетъ пусто, приходи ко мнѣ и увидишь, правду ли я говорю. Я довольно ловокъ,—онъ протянулъ руки,—и если ты когда-нибудь попадешь въ западню, я уплачу свой долгъ тебѣ, Багхирѣ и Балу. Хорошаго лова всѣмъ вамъ, мои учителя!

— Прекрасно сказано!—проворчалъ Балу, находя, что Маугли поблагодарилъ очень мило.

Пиѳонъ на минуту положилъ голову на плечи мальчика.

— Храброе сердце и вѣжливый языкъ,—проговорилъ онъ.— Они сослужатъ тебѣ хорошую службу въ джунгляхъ, человѣчекъ, а теперь убирайся отсюда скорѣй съ своими друзьями. Ступай и спи, потому что мѣсяцъ заходитъ, а того что тутъ произойдетъ, тебѣ не слѣдуетъ видѣть.

Мѣсяцъ опускался за холмы, и ряды дрожащихъ обезьянъ, столпившихся на стѣнахъ и зубцахъ, казались обтрепанной, колеблющейся бахромой какихъ-то вещей. Балу спустился къ водоему напиться, Багхира начала приводить въ порядокъ свой мѣхъ, а Каа, выползши на середину террасы, сомкнулъ челюсти съ шумомъ, заставившимъ всѣхъ обезьянъ обратить на него глаза.

— Мѣсяцъ заходитъ, — сказалъ онъ. — Видепъ ли еще свѣтъ?

Со стѣнъ донесся стонъ, будто отъ вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ:

— Мы видимъ, Каа!..

— Хорошо. Начинайте пляску — пляску Голода Каа. Сидите и смотрите!

Онъ сдѣлалъ два или три большихъ круга, качая головой справа налѣво, потомъ началъ извиваться и дѣлать тѣломъ петли въ видѣ восьмерки, мягкіе треугольники, переходившіе въ квадраты и пятиугольники или полумѣсяцы, не спѣша и постоянно напѣвая тихую, жужжащую пѣсню. Становилось все темнѣе и темнѣе, обезьяны уже не могли видѣть двигавшихся, ползавшихъ петлей, но могли слышать шуршаніе чешуй.

Балу и Багхира точно окаменѣли, ворчаніе не выходило у нихъ изъ горла; шерсть ощетинилась; а Маугли наблюдалъ и удивлялся.

— *Бандаръ-логи*, — заговорилъ, наконецъ, Каа,—можете ли вы шевельнуть рукой или ногой безъ моего приказанія? Отвѣчайте!

— Безъ твоего приказанія, о, Каа, мы не можемъ пошевельнуть ни рукой ни ногой!

— Хорошо! Подвиньтесь на шагъ ко мнѣ.

Ряды обезьянъ двинулись, колеблясь, безпомощно впередъ, и Балу съ Багхирой тоже невольно подвинулись на шагъ вмѣстѣ съ ними.

— Ближе, — шипѣлъ Каа, и всѣ обезьяны снова двинулись.

Маугли дотронулся рукой до Балу и Багхиры, приглашая ихъ уйти, и оба звѣря вздрогнули, будто пробудившись отъ сна.

— Держи руку у меня на плечѣ,—прошептала Багхира,— держи; иначе мнѣ придется итти къ Каа.

— Вѣдь это только старикъ Каа выводитъ круги на пыли,— сказалъ Маугли.—Пойдемъ!—И всѣ трое черезъ проломъ въ стѣнѣ скользнули въ джунгли.

— *Уфъ!*—перевелъ духъ Балу, когда они снова очутились подъ деревьями.—Никогда больше не стану вступать въ союзъ съ Каа, — и онъ весь затрясся.

— Питонъ знаетъ больше насъ, — сказала Багхира, тоже дрожа.—Останься я тамъ еще немного, я бы прямо пошла ему въ пасть.

— Многіе попадутъ туда прежде, чѣмъ взойдетъ опять луна,—сказалъ Балу.—У него будетъ удачная охота, на его взглядъ.

— Но что все это значитъ?—спросилъ Маугли, не знавшій ничего о способности удава очаровывать своимъ взглядомъ животныхъ. — Я только видѣлъ, что змѣя дѣлала какіе-то глупые круги, пока не стало темно. И носъ у нея былъ весь въ ссадинахъ. Хо! Хо!

— Маугли,—сердито перебила его Багхира,—носъ его былъ въ ссадинахъ изъ-за *тебя*; такъ же какъ мои уши, бока и лапы, шея и плечи Балу искусаны тоже изъ-за *тебя*. Много дней пройдетъ прежде, чѣмъ Балу и Багхира будутъ въ состояніи охотиться съ удовольствіемъ.

— Ничего,—замѣтилъ Балу,—зато дѣтенышъ опять съ нами.

— Правда; но сколько мы потратили на него времени, которое могли бы употребить на удачную охоту; сколько получили ранъ; сколькихъ волосъ лишились, у меня вся спина выщипана, и какой понесли позоръ. Помни, Маугли, я, черная пантера, была принуждена обратиться за помощью къ Каа, и Голодный танецъ превратилъ насъ обоихъ какъ будто въ глупыхъ птицъ. И все это изъ-за того, что ты вздумалъ играть съ *Бандаръ-логами*.

— Правда,—грустно согласился Маугли,—я скверный мальчишка, и въ желудкѣ мнѣ грустно.

— *Мфъ!* Что говорятъ въ этомъ случаѣ правила джунглей, Балу?

Балу не хотѣлось подвергать Маугли дальнѣйшимъ непріятностямъ, но онъ не могъ лукавить передъ закономъ и поэтому пробормоталъ:

— Печаль не избавляетъ отъ наказанія. Только помни, Багхира, онъ такой маленькій.

— Буду помнить; но онъ напроказилъ, теперь надо его вздуть. Ты имѣешь что-нибудь сказать, Маугли?

— Нѣтъ; я виноватъ. Балу и ты ранены. Вы справедливы.— Багхира нѣсколько разъ ударила его слегка. По понятіямъ пантеры, эти шлепки даже не разбудили бы ея дѣтенышей, но для семилѣтняго мальчика это было суровымъ наказаніемъ.

Когда наставленіе окончилось, Маугли чихнулъ и поднялся на ноги, не говоря ни слова.

— Теперь,—обратилась къ нему Багхира,—прыгай, маленькій братъ ко мнѣ на спину; пойдемъ домой.

Одинъ изъ прекрасныхъ обычаевъ джунглей, что наказаніе прекращаетъ всѣ счеты. Потомъ ужъ не бываетъ попрековъ. Маугли положилъ голову на спину Багхирѣ и заснулъ такъ крѣпко, что не проснулся даже тогда, когда пантера сбросила его рядомъ съ Волчицей-матерью въ родной пещерѣ.

Тигръ! Тигръ!

Теперь мы должны вернуться къ нашему первому разсказу. Выйдя изъ логовища послѣ сраженія съ стаей на совѣтской скалѣ, Маугли отправился на вспаханныя поля, гдѣ жили поселяне, но не остановился тамъ, потому что это было слишкомъ близко къ джунглямъ, и онъ зналъ, что у него въ совѣтѣ теперь найдется не одинъ врагъ. Поэтому онъ поспѣшилъ дальше, придерживаясь проселочной дороги, которая спускалась по долинѣ, и прошелъ по ней ровной рысью около двадцати миль, пока достигъ мѣстности, которой не зналъ. Долина выходила на обширную равнину, всю усѣянную скалами и перерѣзанную рвами. На одномъ концѣ помѣщалась деревушка, а на другомъ—густыя джунгли переходили въ пастбища, прекращаясь, будто обрѣзанныя заступомъ. По всей равнинѣ паслись буйволы и домашній скотъ, и когда мальчики, присматривавшіе за стадами, увидали Маугли, они бросились бѣжать съ крикомъ, а желтыя бродячія собаки, всегда живущія около деревень, подняли лай. Маугли шелъ дальше, потому что былъ голоденъ, а дойдя до деревенскихъ воротъ, онъ увидалъ, что большой терновый кустъ, которымъ ворота заставлялись въ сумерки, сдвинутъ къ сторонѣ.

— Гонъ!—сказалъ онъ, такъ какъ ему случалось не разъ перепрыгивать черезъ такія препятствія во время ночныхъ поисковъ за пищей.—И здѣсь, стало-быть, люди также боятся жителей джунглей.

Маугли сѣлъ у загородки, и когда изъ воротъ вышелъ человѣкъ, мальчикъ всталъ, открылъ ротъ и показалъ по направленію горла, чтобъ дать понять, что онъ голоденъ. Человѣкъ взглянулъ на него, а потомъ побѣжалъ по деревенской улицѣ, призывая жреца, высокаго, жирнаго человѣка, съ краснымъ и желтымъ значкомъ на лбу, одѣтаго въ бѣлую одежду. Жрецъ подошелъ къ воротамъ, а за нимъ, по крайней мѣрѣ, сотня людей. Всѣ говорили и кричали за разъ, смотря и указывая на Маугли.

„Какіе невѣжи, — подумалъ Маугли. — Только сѣрыя обезьяны могли бы держать себя такъ“.

Онъ откинулъ назадъ свои длинные волосы и вызывающе взглянулъ на толпу.

— Чего тутъ страшнаго? — сказалъ жрецъ.—Видите шрамы на его рукахъ и ногахъ—это слѣды волчьихъ укусовъ. Онъ воспитанникъ волковъ, убѣжавшій изъ джунглей.

Естественно, что, играя съ Маугли, волчата кусали его иногда сильнѣе, чѣмъ намѣревались, и всѣ его руки и ноги были покрыты бѣлыми шрамами. Но ему и въ голову не пришло бы назвать это укусами: онъ зналъ, что значитъ настоящій укусъ.

Портретъ Ширъ-хана.

— *Аррэ! Аррэ!* — за разъ сказали нѣсколько женщинъ. — Бѣдняжка! Его кусали волки! Хорошенькій мальчикъ! Глаза у него, какъ огонь. Честное слово, Мессуа, онъ похожъ на твоего мальчика, котораго унесъ тигръ.

— Дай посмотрю, — сказала женщина съ тяжелыми мѣдными кольцами на рукахъ и щиколоткахъ, смотря на Маугли изъ-подъ руки.— Нѣтъ, это не онъ. Онъ худѣе, хотя, правда, глаза у него совсѣмъ, какъ у моего мальчика.

Жрецъ былъ умный человѣкъ, и онъ зналъ, что Мессуа— жена самаго богатаго крестьянина въ деревнѣ. Онъ съ минуту посмотрѣлъ въ небо и сказалъ торжественно:

— Что джунгли взяли, то онѣ вернули. Возьми мальчика къ себѣ въ домъ, сестра, и не забудь оказать почетъ жрецу, видящему такъ далеко въ жизни людской.

„Клянусь буйволомъ, которымъ я былъ выкупленъ, всѣ эти разговоры точно вторичный осмотръ племенемъ,—подумалъ Маугли.—Хорошо: если я человѣкъ, то и долженъ быть человѣкомъ“.

Толпа разошлась, когда женщина ввела Маугли въ свою хижину, гдѣ стояла красная лакированная кровать, большой земляной закромъ съ любопытными рисунками, полдюжины мѣдныхъ котловъ для варки кушанья, изображеніе какого-то индусскаго божества въ нишѣ, а на стѣнѣ настоящее зеркало, какія продаются на деревенскихъ ярмаркахъ.

Женщина напоила мальчика молокомъ и дала ему хлѣба, а потомъ положила ему руку на голову и стала смотрѣть въ глаза, думая, что, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ ея сынъ вернулся изъ джунглей, куда его утащилъ тигръ. Она говорила:

— Нату! О Нату!—Маугли не отозвался.—Нѣтъ,—сказала она грустно,—эти ноги никогда не знали башмаковъ; а все же ты очень похожъ на моего Нату, и будешь мнѣ сыномъ.—Маугли было не по себѣ, потому что онъ еще не зналъ, что такое крыша; но, смотря на соломенную покрышку, онъ увидалъ, что можетъ снять ее какъ только захочетъ выйти, и что окна безъ запоровъ.

— Что толку быть человѣкомъ, если не понимать человѣческаго языка?—рѣшилъ, наконецъ, Маугли.—Я теперь такъ же глупъ и нѣмъ, какъ былъ бы человѣкъ у насъ въ джунгляхъ. Надо выучиться ихъ языку.

Не напрасно во время своего пребыванія въ джунгляхъ онъ учился подражать голосу дикаго козла и хрюканью поросенка. Теперь, какъ только Мессуа произносила слово, Маугли повторялъ его почти въ совершенствѣ и еще до ночи выучилъ названія многихъ вещей въ хижинѣ.

Когда наступило время ложиться спать, возникло небольшое затрудненіе: Маугли ни за что не хотѣлъ спать въ помѣщеніи, такъ похожемъ на западню пантеры, и когда заперли дверь, онъ выскочилъ въ окно.

— Пусть его,—сказалъ мужъ Мессуа.—Вспомни, что ему не приходилось еще никогда спать въ постели. Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, посланъ намъ вмѣсто сына, онъ не убѣжитъ.

Такимъ образомъ, Маугли улегся въ высокой чистой травѣ на краю поля; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ закрыть глаза, его толкнулъ подъ подбородокъ мягкій сѣрый носъ.

— Фу!—заговорилъ Сѣрый братъ,—это былъ старшій изъ волчатъ Волчицы-матери.—Плохая мнѣ награда за то, что я двадцать миль бѣжалъ по твоимъ слѣдамъ. Отъ тебя пахнетъ деревенскимъ дымомъ и скотиной, точно ужъ ты сталъ человѣкомъ. Проснись, маленькій братъ, я пришелъ съ вѣстями.

— Всѣ здоровы въ джунгляхъ?—спросилъ Маугли, ласкаясь къ нему.

— Всѣ, кромѣ волковъ, которыхъ обжегъ красный цвѣтокъ. Теперь слушай. Ширъ-ханъ ушелъ охотиться далеко, пока его шерсть не отрастетъ: ему здорово досталось. Но онъ клянется, что, вернувшись, онъ броситъ твои кости въ Вайгунгу.

— Ну, это еще надвое сказано. И я тоже далъ маленькое обѣщаніе. Но вѣсти всегда вещь хорошая. Я усталъ сегодня — усталъ отъ всего новаго, но прошу тебя приносить мнѣ вѣсти всегда.

— Ты не забудешь, что ты волкъ? Люди не заставятъ тебя забыть это? — озабоченно спрашивалъ Сѣрый братъ.

— Никогда. Я всегда буду помнить, что люблю тебя и всѣхъ въ нашей пещерѣ; но буду помнить также всегда, что племя прогнало меня.

— И что другое племя также можетъ прогнать тебя. Люди — всегда люди, братецъ, и ихъ языкъ точно языкъ лягушекъ въ пруду. Когда я приду къ тебѣ въ другой разъ, я буду ждать въ бамбукѣ, на краю пастбища.

Мѣсяца три послѣ этой ночи, Маугли почти не выходилъ за ограду деревни, такъ прилежно онъ изучалъ людскіе привычки и обычаи.

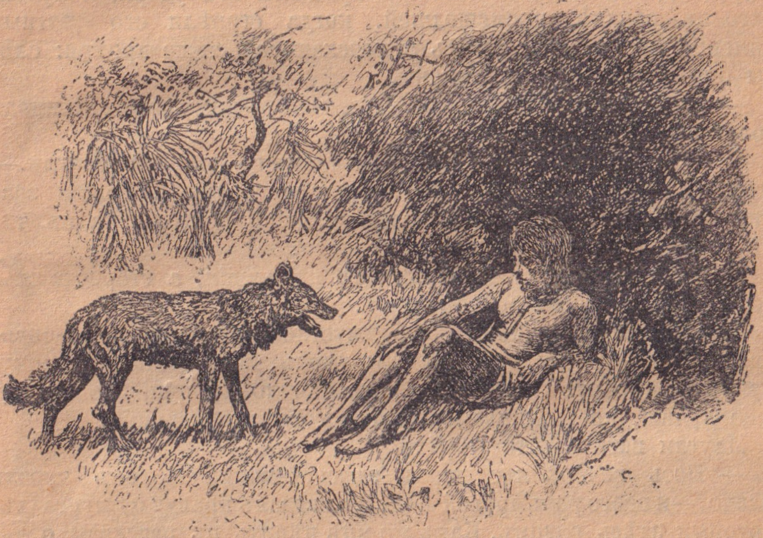
Прежде всего ему пришлось одѣться въ платье, что было ему ужасно непріятно; потомъ надо было познакомиться съ деньгами, счетъ которыхъ онъ никакъ не могъ понять, и съ пахотой, въ которой не находилъ никакой пользы. Деревенскіе ребятишки очень сердили его. Къ счастью, законы джунглей пріучили его къ сдержанности, потому что въ джунгляхъ жизнь и пища зависятъ отъ умѣнія владѣть собой; но когда дѣти поднимали его насмѣхъ за то, что онъ не хочетъ играть съ ними или запускать змѣя, или за то, что онъ не такъ произносилъ нѣкоторыя слова, тогда только знаніе, что для охотника позорно убивать голыхъ дѣтенышей, удерживало его отъ того, чтобы не схватить и не искалѣчить ихъ.

Маугли не оцѣнивалъ собственной силы. Въ джунгляхъ онъ зналъ, что былъ слабѣе другихъ животныхъ, но въ деревнѣ про него говорили, что онъ силенъ, какъ волъ.

Точно такъ же онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о различіи между людьми по кастамъ. Когда оселъ горшечника свалился въ яму для обжиганія извести, Маугли вытащилъ его за хвостъ и помогъ уложить горшки, которые онъ везъ на рынокъ въ Ханиварѣ. Это было нарушеніемъ принятыхъ обычаевъ, потому что горшечникъ принадлежитъ къ низшей кастѣ людей, а его оселъ и того хуже. Когда жрецъ сталъ бранить его, Маугли грозился, что посадитъ его самого на осла, и жрецъ посовѣтовалъ мужу Мессуа, какъ можно скорѣй

пристроить мальчика къ какой-нибудь работѣ. Тогда деревенскій староста сказалъ Маугли, что на слѣдующій день онъ пойдетъ пасти буйволовъ. Этому Маугли былъ какъ нельзя больше радъ, и ночью, какъ слуга, обязанный служить всей деревнѣ, онъ отправился въ кружокъ, собиравшійся каждый день на каменной площадкѣ подъ большой смоковницей.

Здѣсь былъ деревенскій клубъ, въ которомъ собирались покурить староста, сторожъ и цырюльникъ, знавшій всѣ мѣстныя сплетни, и старикъ Бельдео, деревенскій охотникъ, у котораго

— Проснись, маленькій братъ, я пришелъ съ вѣстями.

было кремневое ружье. На вѣтвяхъ сидѣли и болтали обезьяны, а подъ площадкой была нора, въ которой жила кобра, для которой ежедневно ставили плошку молока, потому что она была священная змѣя. Старики сидѣли вокругъ дерева и разговаривали, потягивая *хука* (кальянъ) до поздней ночи. Они разсказывали удивительныя исторіи о богахъ, людяхъ и привидѣніяхъ, а Бельдео-охотникъ разсказывалъ еще болѣе удивительныя вещи о звѣряхъ, живущихъ въ джунгляхъ, такъ что у дѣтей, сидѣвшихъ за кругомъ, глаза выкатывались на лобъ. Большинство разсказовъ касалось животныхъ, потому что джунгли были тутъ же. Дикіе олени и кабаны разрывали поля, а по временамъ тигръ уносилъ въ сумерки человѣка отъ самыхъ деревенскихъ воротъ.

Маугли, естественно знавшій кое-что о томъ, про что разсказывалъ охотникъ, былъ принужденъ закрывать лицо, чтобы не видно было, какъ онъ смѣется, и когда Бельдео, держа свое ружье поперекъ колѣнъ, переходилъ отъ одного необычайнаго разсказа къ другому, плечи Маугли тряслись.

Бельдео разсказывалъ, что тигръ унесшій сына Мессуа, былъ тигръ-привидѣніе, въ тѣлѣ котораго жилъ духъ злого стараго ростовщика, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— И я знаю, что это правда,—заключилъ онъ,—потому что Пурунъ-Дассъ остался навѣки хромымъ отъ удара, полученнаго въ свалкѣ, происшедшей, когда сгорѣли его счетныя книги; а тигръ, о которомъ я разсказываю, тоже хромой: слѣды отъ его лапъ неодинаковы.

— Правда, правда; должно-быть, такъ,—подтверждали кивая головами сѣдобородые старцы.

— Всѣ эти разсказы—паутина и бредни,—сказалъ Маугли.— Этотъ тигръ хромаетъ потому, что такъ родился. Всякій знаетъ это. Ребячество разсказывать о душѣ ростовщика въ тѣлѣ звѣря, который трусливѣе шакала.

Бельдео на минуту онѣмѣлъ отъ изумленія, а староста смотрѣлъ на мальчика во всѣ глаза.

— Ого! Это мальчишка изъ джунглей, не такъ ли?—спросилъ Бельдео.—Ну, если ты такъ уменъ, такъ доставь его шкуру въ Ханивару: правительство назначило сто рупій за него. А еще лучше, не вмѣшивайся, когда говорятъ старшіе.

Маугли всталъ, чтобы уйти.

— Весь вечеръ я слушалъ здѣсь,—крикнулъ онъ черезъ плечо,—и всего разъ другой Бельдео сказалъ правду о джунгляхъ, которыя здѣсь рядомъ. Какъ же мнѣ вѣрить въ разсказы о духахъ, богахъ и лѣшихъ, которыхъ, по его словамъ, онъ видалъ?

— Пора мальчику отправляться на пастьбу,—сказалъ староста, между тѣмъ какъ Бельдео пускалъ клубы дыма и фыркалъ на дерзость Маугли.

Въ большинствѣ индусскихъ деревень, дѣти обыкновенно выгоняютъ скотину и буйволовъ на пастбище раннимъ утромъ а загоняютъ вечеромъ, и та же скотина, которая могла бы затоптать бѣлаго человѣка до-смерти, послушно повинуется окрику дѣтей, не достающихъ ей до носа. Пока мальчики не отходятъ отъ стада, они въ безопасности, потому что даже тигръ не нападаетъ на стадо. Но если они удалятся, чтобы порвать цвѣтовъ или поохотиться за ящерицами, ихъ иногда уносятъ дикіе звѣри.

Маугли ѣхалъ по деревенской улицѣ верхомъ на Рамѣ, большомъ быкѣ изъ стада; аспиднаго цвѣта буйволы съ закину-

тыми назадъ длинными рогами и свирѣпыми глазами одинъ за другимъ вставали изъ своихъ хлѣвовъ, чтобы итти за нимъ, и Маугли очень ясно далъ понять сопровождавшимъ его дѣтямъ, что онъ глава. Онъ ударилъ буйволовъ длинной тростью изъ полированнаго бамбука и приказалъ Камiѣ, одному изъ мальчиковъ, пасти домашнюю скотину, между тѣмъ какъ онъ будетъ смотрѣть за буйволами, и при этомъ прибавилъ, чтобы тотъ былъ остороженъ и не отходилъ отъ стада.

Индусское пастбище все состоитъ изъ скалъ, мелкаго кустарника, ручьевъ и канавъ, въ которыхъ скотина разбредается и

— Всѣ эти разсказы — паутина и бредни, — сказалъ Маугли.

исчезаетъ. Буйволы обыкновенно держатся около лужъ, въ болотистыхъ мѣстахъ, гдѣ они по цѣлымъ часамъ лежатъ или валяются въ теплой грязи. Маугли погналъ ихъ на край равнины, гдѣ рѣка Вайгунга вытекала изъ джунглей. Здѣсь онъ слѣзъ со спины Рама и направился къ бамбуковой заросли, гдѣ засталъ Сѣраго брата.

— Ахъ,—сказалъ Сѣрый братъ,—много дней я жду тебя здѣсь. Что это значитъ, что ты пасешь скотину?

— Это по приказанiю, — отвѣчалъ Маугли.—Я теперь деревенскiй пастухъ. Какiя вѣсти о Ширъ-ханѣ?

— Онъ вернулся къ себѣ и долго подстерегалъ тебя здѣсь Теперь онъ опять ушелъ, потому что дичи мало. Но онъ хочетъ убить тебя.

— Отлично,—сказалъ Маугли.—Пока его нѣтъ, ты или одинъ изъ четырехъ братьевъ, садитесь на скалу, чтобы я могъ видѣть, выходя изъ деревни. Когда онъ вернется, ждите меня во рву у дерева дхакъ, посрединѣ равнины. Мы вовсе не желаемъ итти въ пасть Ширъ-хану.

Послѣ этого Маугли выбралъ тѣнистое мѣстечко и заснулъ, пока буйволы паслись вокругъ него. Стеречь стадо въ Индіи—бездѣлье. Скотина ходитъ и хруститъ зубами, потомъ ляжетъ, затѣмъ снова начнетъ бродить и даже не мычитъ. Она только хрюкаетъ, а буйволы рѣдко издаютъ какой-нибудь звукъ, но одинъ за другимъ входятъ въ болото и зарываются въ грязь, пока останутся наружѣ только носы и неподвижные синіе фарфоровые глаза. И такъ животныя лежать словно чурбаны. Отъ сильнаго нагрѣванія воздуха скалы какъ бы колеблются; дѣти, стерегущія стада, слышатъ въ воздухѣ коршуна—никогда не больше одного—свистящаго гдѣ-то въ недосягаемой высотѣ, и знаютъ, что умри они, или пади какая-нибудь скотина, этотъ коршунъ спустится, и другой коршунъ, увидавъ за много миль, что онъ спустился, послѣдуетъ за нимъ, а тамъ еще и еще, и прежде чѣмъ наступитъ полная смерть, неизвѣстно откуда наберутся цѣлыя стаи голодныхъ птицъ.

Такъ дѣти спятъ, просыпаясь, и опять засыпаютъ, плетутъ корзиночки изъ сухой травы и сажаютъ въ нихъ кузнечиковъ; или, поймавъ двухъ богомоловъ, заставляютъ ихъ сражаться между собой; или дѣлаютъ ожерелья изъ черныхъ и красныхъ орѣховъ; иногда слѣдятъ за ящерицей на камнѣ или змѣей, охотящейся за лягушкой въ болотѣ. Потомъ они поютъ длинныя, длинныя пѣсни, заканчивающіяся долгой трелью, и день имъ кажется длиннѣе, чѣмъ большинству людей вся жизнь. Случается, что они строятъ изъ грязи зàмокъ съ фигурами людей, лошадей и буйволовъ, вкладываютъ тростникъ въ руки людей и называютъ ихъ королями, а прочія фигуры—ихъ войскомъ, или воображаютъ, что это божества, которымъ надо поклоняться. Затѣмъ наступаетъ вечеръ, и дѣти кричатъ, а буйволы поднимаются изъ грязи съ шумомъ, какъ будто отъ ружейныхъ выстрѣловъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, и всѣ стягиваются по посѣрѣвшей равнинѣ, къ деревнѣ, мерцающей огнями.

День за днемъ гонялъ Маугли буйволовъ въ болота и день за днемъ видѣлъ Сѣраго брата въ полутора миляхъ отъ равнины, узнавая поэтому, что Ширъ-ханъ еще не вернулся; и день за днемъ лежалъ въ травѣ, прислушиваясь къ окружающимъ звукамъ и вспоминая о прежней жизни въ джунгляхъ.

Если бы Ширъ-ханъ сдѣлалъ своей хромой лапой невѣрный шагъ въ джунгляхъ у Вайгунга, Маугли услыхалъ бы его въ эти длинныя, тихія утра.

Наконецъ наступилъ день, когда Сѣрый братъ не пришелъ на условное мѣсто; Маугли захохоталъ и погналъ буйволовъ къ дереву *дхакъ* посрединѣ равнины, теперь покрытому сплошь золотисто-красными цвѣтами. Здѣсь сидѣлъ Сѣрый братъ, весь ощетинившись.

— Онъ цѣлый мѣсяцъ прятался, чтобы ты позабылъ осторожность. А вчера онъ прошелъ здѣсь по твоимъ горячимъ слѣдамъ, въ сопровожденіи Табаки,—разсказывалъ волкъ, запыхавшись.

Маугли презрительно захохоталъ.

— Ширъ-ханъ мнѣ не страшенъ; но Табаки—хитрецъ.

— Не бойся,—сказалъ Сѣрый братъ, слегка облизываясь,—я встрѣтился съ Табаки на зарѣ. Онъ дѣлится своей премудростью съ коршунами, но *мнѣ* онъ все разсказалъ, иначе бы я переломалъ ему ребра. Ширъ-ханъ хочетъ подстеречь тебя у деревенскихъ воротъ сегодня вечеромъ — именно тебя, и никого другого. Онъ теперь лежитъ въ большомъ сухомъ руслѣ Вайгунги.

— Ѣлъ онъ сегодня или ходитъ голодный?—спросилъ Маугли, потому что отвѣтъ значилъ для него жизнь или смерть.

— На зарѣ онъ убилъ... свинью... и напился также. Вѣдь Ширъ-ханъ не можетъ поститься, даже ради мести.

— Охъ, дуракъ, дуракъ! Просто щенокъ какой-то. Поѣлъ и напился, а теперь думаетъ, что я стану ждать, пока онъ выспится! Гдѣ онъ лежитъ теперь? Будь насъ штукъ десять, мы бы могли справиться съ нимъ, когда онъ спитъ. Мои буйволы не станутъ нападать, пока не учуютъ его, а я не говорю на ихъ языкѣ. Можемъ ли мы напасть на его слѣдъ, такъ, чтобы они учуяли его?

— Онъ добирался вплавь внизъ по Вайгунгѣ, именно чтобы предупредить это,—сказалъ Сѣрый братъ.

— Я знаю, Табаки сказалъ ему объ этомъ. Я знаю, онъ самъ никогда бы не догадался.—Маугли замолчалъ, держа палецъ во рту и раздумывая.—Въ большомъ руслѣ Вайгунги. Оно выходитъ на равнину меньше, чѣмъ въ полумилѣ отсюда. Я могу обогнать стадо кругомъ къ джунглямъ, къ началу русла, а потомъ двинуться туда; только онъ ускользнетъ съ другого конца. Мы должны закрыть этотъ выходъ. Сѣрый братъ, можешь ты для меня раздѣлить стадо надвое?

— Я, можетъ-быть, не слажу; но у меня съ собой есть умный помощникъ.—Сѣрый братъ потрусилъ прочь и исчезъ въ

норѣ. Изъ нея высунулась большая сѣрая голова, хорошо знакомая Маугли, и жаркій воздухъ наполнился самымъ отчаяннымъ крикомъ, какой знаютъ джунгли охотничьимъ крикомъ волка въ полдень.

— Акела! Акела!—воскликнулъ Маугли, всплеснувъ руками.—Я долженъ былъ знать, что ты не забудешь меня. Намъ предстоитъ большое дѣло. Акела, раздѣли стадо надвое. Пусть коровы и телята останутся вмѣстѣ, а быки и яремные буйволы—отдѣльно.

Оба волка забѣгали взадъ и впередъ, то вбѣгая въ середину стада, то выбѣгая изъ него. Скотина храпѣла, закидывая головы, и раздѣлилась на двѣ части. Въ одной собрались буйволицы и коровы, окруживъ телятъ. Онѣ ревѣли и рыли землю копытами, готовясь, если только волкъ остановится, устремиться на него и затоптать его. Столпившіеся на другой сторонѣ буйволы и молодые бычки тоже хрипѣли и топали, но, хотя видъ у нихъ былъ внушительный, они были не опасны, потому что у нихъ не было телятъ, которыхъ требовалось защищать. Шестерымъ людямъ не раздѣлить бы стадо такъ чисто.

— Что прикажешь?—задыхаясь спросилъ Акела.—Они опять хотятъ соединиться.

Маугли вскочилъ на спину Рама.

— Акэла, гони буйволовъ налѣво. Сѣрый братъ, когда мы уйдемъ, сдерживай буйволицъ и гони ихъ ко входу русла.

— Какъ далеко?—спросилъ волкъ, задыхаясь и щелкая зубами.

— Пока стѣны по сторонамъ будутъ выше, чѣмъ можетъ прыгать Ширъ-ханъ,—крикнулъ Маугли.—И держи ихъ тамъ, пока мы подоспѣемъ.

Акела сталъ загонять буйволовъ, а Сѣрый братъ двигался впереди буйволицъ. Онѣ гнались за нимъ, и онъ бѣжалъ прямо ко рву, между тѣмъ какъ Акела загонялъ свою партію все дальше налѣво.

— Отлично! Еще разъ прыгни, и они направятся куда слѣдуетъ. Будь теперь остороженъ, Акела. Одинъ лишній хватокъ, и буйволы бросятся на тебя. *Хая*! Дѣло потруднѣе, чѣмъ загонять дикаго козла. Думалъ ли ты, что эти твари могутъ бѣжать такъ быстро?—кричалъ Маугли.

— Мнѣ... мнѣ приходилось и за ними охотиться въ свое время,—задыхаясь и весь въ пыли отвѣчалъ Акела.—Не погнать ли ихъ въ джунгли?

— Ай, оберни! Оберни ихъ скорѣй! Рама разсвирѣпѣлъ. О, еслибы я могъ только сказать ему, что мнѣ надо отъ него сегодня!

Теперь волкъ заставилъ буйволовъ повернуть направо и врѣзаться въ чащу, которая затрещала. Другіе маленькіе пастухи, стерегшіе скотину въ полумилѣ оттуда, бросились къ деревнѣ, крича, что буйволы взбѣсились и убѣжали.

Планъ же Маугли былъ достаточно простъ. Ему только нужно было описать большой кругъ вверхъ по холму и добраться до выхода изъ рва, а потомъ погнать буйволовъ внизъ, такъ чтобы Ширъ-ханъ очутился между буйволами и буйволицами, такъ какъ мальчикъ зналъ, что, наѣвшись и напившись, Ширъ-ханъ не будетъ въ состояніи ни обороняться ни взобраться по откосамъ рва. Онъ голосомъ успокоивалъ буйволовъ, а Акела отошелъ назадъ, и только раза два тявкнулъ, подгоняя отстающихъ. Кругъ былъ очень большой, потому что Маугли и его помощникъ не хотѣли подходить слишкомъ близко ко рву и встревожить Ширъ-хана. Наконецъ Маугли подогналъ обезумѣвшее отъ страха стадо къ выходу изо рва, на травяную дорожку, круто спускавшуюся въ самый ровъ. Съ этой высоты можно было видѣть черезъ верхушки деревьевъ всю равнину, но Маугли вглядывался въ скаты рва и съ удовольствіемъ увидалъ, что они спускались почти отвѣсно, а свѣсившійся съ нихъ виноградъ и другія вьющіяся растенія не могли доставить опоры тигру, если бы онъ вздумалъ выбраться.

— Дай имъ вздохнуть, Акела,—сказалъ онъ, поднявъ руку.—Они еще не учуяли его. Дай имъ перевести духъ. Мнѣ надо сказать Ширъ-хану, кто идетъ. Онъ попалъ въ западню.

Онъ поднесъ руки ко рту и крикнулъ внизъ, гдѣ звукъ отдался почти какъ въ тоннелѣ, и эхо запрыгало съ скалы на скалу.

Послѣ долгаго времени со дна послышалось протяжное, сонное рычаніе наѣвшагося досыта и только что проснувшагося тигра.

— Кто зоветъ?—спросилъ тигръ, и изо рва съ крикомъ поднялся великолѣпный павлинъ.

— Я, Маугли. Воръ скотины, пора тебѣ явиться на совѣтскую скалу. Внизъ... гони ихъ внизъ, Акела! Рама, внизъ!

Стадо остановилось на мгновеніе у края ската, но Акела поднялъ полнымъ голосомъ охотничій вой, и буйволы понеслись одинъ за другимъ, какъ пароходъ по стремнинѣ; только камни и песокъ летѣли вокругъ нихъ. Разъ они понеслись, ихъ уже нельзя было остановить, и прежде чѣмъ они достигли дна рва, Рама зачуялъ Ширъ-хана и замычалъ.

— Ха! ха!—сказалъ Маугли, сидя на его спинѣ.—Теперь ты знаешь!—И потокъ черныхъ роговъ, вспѣненныхъ мордъ и

выкатившихся глазъ вихремъ помчался внизъ, какъ валуны въ приливъ; болѣе слабыхъ буйволовъ оттѣсняли къ краямъ рва, гдѣ они продирались черезъ ползучія растенія. Они знали, какое дѣло предстояло имъ — страшное нападеніе цѣлымъ стадомъ, противъ котораго не устоять никакому тигру. Ширъ-ханъ слышалъ топотъ ихъ копытъ, поднялся и заковылялъ къ выходу изо рва, оглядываясь во всѣ стороны, отыскивая лазейки. Но стѣны рва были отвѣсныя, и тигру пришлось итти прямо. Отяжелѣвшему отъ ѣды и питья звѣрю вовсе не хотѣлось бороться

Стадо, шлепая, перебѣжало черезъ прудокъ, отъ котораго онъ только что ушелъ, и все узкое ущелье наполнилось ревомъ. Маугли услыхалъ отвѣтное мычаніе, несшееся съ начала рва и увидалъ, что Ширъ-ханъ повернулся: тигръ зналъ, что въ крайнемъ случаѣ лучше встрѣтиться съ буйволами, чѣмъ съ буйволицами, при которыхъ телята. Потомъ Рама подпрыгнулъ, споткнулся и пошелъ дальше по чему-то мягкому, и вмѣстѣ съ прочими буйволами, стремившимися за нимъ, врѣзался въ стадо, шедшее навстрѣчу, между тѣмъ какъ болѣе слабые буйволы летѣли вверхъ ногами, сбитые силой натиска. Оба стада, пыхтя, храпя и бодаясь, вылетѣли на равнину. Маугли выждалъ, и соскочивъ со спины Рама, махалъ направо и налѣво палкой.

— Скорѣй, Акела! Раздѣли ихъ! Разгони, иначе они передерутся между собой. Гони ихъ прочь. *Хай*, Рама! *Хай! Хай! Хай*, дѣти. Теперь тише, тише! Все кончено.

Акела и Сѣрый братъ бѣгали взадъ и впередъ, слегка покусывая буйволовъ за ноги, и хотя стадо намѣревалось опять ринуться вверхъ по ущелью, однако Маугли удалось повернуть Раму, и всѣ прочіе послѣдовали за нимъ къ болоту.

Ширъ-хана уже нечего больше было топтать. Онъ лежалъ мертвый, и коршуны уже спускались на него.

— Братья, онъ околѣлъ какъ собака,—сказалъ Маугли, ощупывая ножъ, который всегда, съ тѣхъ поръ какъ жилъ съ людьми, онъ носилъ въ чехлѣ на шеѣ.—Онъ ни за что не сталъ бы обороняться. Красива будетъ его шкура на совѣтской скалѣ. Надо окончить эту работу поскорѣй.

Мальчику, воспитанному между людей и въ голову не пришло бы одному снять шкуру съ десятифутоваго тигра, но Маугли лучше всякаго другого зналъ, какъ прикрѣплена кожа, и какъ ее нужно снимать. Но все же работа была трудная, и Маугли цѣлый часъ ворча подрѣзывалъ и рвалъ шкуру, между тѣмъ какъ волки сидѣли, высунувъ языки, или подходили, когда онъ приказывалъ, и помогали тянуть.

Вдругъ на его плечо опустилась рука и, поднявъ глаза, онъ увидалъ Бельдео съ его ружьемъ. Дѣти разсказали въ деревнѣ о бѣгствѣ буйволовъ, и Бельдео сердито направился къ указанному мѣсту, очень довольный, что можетъ наказать Маугли за небрежную пастьбу стада. Волки исчезли, какъ только увидали приближавшагося человѣка.

— Что за сумасшествіе? — сердито сказалъ Бельдео. — Вообразить себѣ, что ты можешь снять шкуру тигра! Гдѣ его убили буйволы? Это хромой тигръ: за его голову назначено сто рупій. Ну, такъ и быть, не станемъ взыскивать съ тебя, что ты распустилъ стадо, и, можетъ-быть, я дамъ тебѣ одну-другую рупію изъ награды, когда доставлю шкуру въ Ханивару. — Онъ пошарилъ въ своемъ поясѣ кремень и огниво и спустился въ ровъ, чтобы опалить усы Ширъ-хану. Большинство туземныхъ охотниковъ опаливаютъ усы тигра, чтобы его духъ не преслѣдовалъ ихъ.

— Хмъ! — какъ бы про себя проговорилъ Маугли, обдирая одну изъ переднихъ лапъ. — Такъ ты хочешь отвезти шкуру въ Ханивару и получить награду, а мнѣ, можетъ-быть, дать одну рупію? А я рѣшилъ, что шкура нужна мнѣ самому. Эй, старикъ, убери свой огонь!

— Кто смѣетъ такъ говорить съ старшимъ охотникомъ въ деревнѣ? Счастье да глупость буйволовъ помогли тебѣ убить тигра. Онъ только что наѣлся, а иначе успѣлъ бы тѣмъ временемъ уйти за двадцать миль. Ты даже снять-то шкуру не умѣешь порядкомъ, мальчишка, а еще смѣешь запрещать мнѣ, Бельдео, палить его усы. Нѣтъ, Маугли, не аннасъ дамъ я тебѣ въ награду, а хорошую трепку. Прочь отъ трупа!

— Клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня, — сказалъ Маугли, добравшійся до плеча тигра, — нечего мнѣ тутъ цѣлый вѣкъ болтать съ старой обезьяной. Акела, этотъ человѣкъ обижаетъ меня.

Въ слѣдующее мгновеніе, Бельдео, все еще стоявшій, наклонясь надъ головой тигра, очутился барахтающимся въ травѣ подъ сѣрымъ волкомъ, стоявшимъ надъ нимъ, между тѣмъ какъ Маугли продолжалъ снимать шкуру, будто былъ одинъ во всей Индіи.

— Да, — проговорилъ онъ сквозь зубы. — Твоя правда, Бельдео: ты никогда не дашь мнѣ и анnаса изъ награды. Между мной и этимъ хромымъ тигромъ давно шла война, очень давно, и я побѣдилъ.

Надо отдать справедливость Бельдео, что, будь онъ десятью годами моложе, онъ бы помѣрялся силой съ Акелой, если бы встрѣтилъ волка въ лѣсу; но волкъ, повиновавшійся приказа-

ніямъ этого мальчика, у котораго были свои счеты съ тигромъ-людоѣдомъ, былъ не обыкновенный звѣрь.

„Это волшебство, самое черное колдовство“, подумалъ Бельдео, не зная, защититъ ли его талисманъ, висѣвшій у него на шеѣ. Онъ лежалъ тихо-тихо, ожидая каждую минуту что Маугли, въ свою очередь, превратится въ тигра.

— Магараджа! Великій король,—заговорилъ онъ, наконецъ, торопливымъ шопотомъ.

— Ну?—произнесъ Маугли, не поворачивая головы, слегка хихикнувъ.

Между тѣмъ Маугли продолжалъ снимать шкуру.

— Я старый человѣкъ. Я не зналъ, что ты не простой пастушонокъ. Позволишь ты мнѣ встать и уйти, или твой слуга разорветъ меня въ клочки?

— Иди съ миромъ. Только въ другой разъ не суйся въ мои дѣла. Акела, отпусти его!

Бельдео заковылялъ къ деревнѣ какъ только могъ скорѣе, все время оглядываясь, не превратился ли Маугли во что-нибудь ужасное. Вернувшись въ деревню, онъ разсказалъ такую исторію о колдовствѣ и очарованіи, что жрецъ призадумался.

Маугли продолжалъ свою работу, и только къ сумеркамъ ему, съ помощью волковъ, удалось окончательно снять огромную пятнистую шкуру съ тѣла Ширъ-хана.

— Теперь надо спрятать это и погнать буйволовъ домой. Акела, помоги мнѣ согнать ихъ.

Стадо собралось въ туманныхъ сумеркахъ; но при приближеніи къ деревнѣ Маугли увидалъ огни и услыхалъ, что звучатъ раковины и звонятъ колокола храма. Добрая половина деревни ждала его у воротъ.

„Это потому, что я убилъ Ширъ-хана", подумалъ онъ; но вдругъ вокругъ его ушей засвистали камни, а крестьяне закричали:

— Колдунъ! Волчье отродье! Демонъ изъ джунглей! Уходи прочь! Убирайся отсюда живо, а не то жрецъ опять превратитъ тебя въ волка. Бельдео, стрѣляй!

Старинный мушкетъ выпалилъ, и послышалось мычаніе раненаго молодого буйвола.

— Опять колдовство,—кричали крестьяне.—Онъ можетъ отвращать пули. Бельдео, это *твой* буйволъ.

— Это еще что?—съ изумленіемъ спрашивалъ Маугли, когда камни полетѣли чаще.

— Не велика разница между стаей и этими твоими братьями,—сказалъ Акела, солидно усаживаясь.—По моему разумѣнію, если пули значатъ что-нибудь, то только то, что они хотятъ изгнать тебя.

— Волкъ! Волчье отродье! Уходи!—кричалъ жрецъ, махая вѣткой священнаго растенія *тульси*.

— Опять? Прошлый разъ меня изгнали за то, что я человѣкъ. Теперь—за то, что я волкъ. Пойдемъ, Акела!

Отъ толпы отдѣлилась женщина. Это была Мессуа. Она побѣжала къ стаду, крича:

— Сынъ мой! Сынъ мой! Они говорятъ, что ты колдунъ и можешь обращаться звѣремъ, когда хочешь. Я не вѣрю; но все равно, уходи, или они убьютъ тебя. Бельдео говоритъ, что ты колдунъ, но я знаю, что ты отомстилъ за смерть Нату.

— Иди сюда, Мессуа!—кричала толпа.—Вернись, а не то, мы побьемъ тебя камнями.

Маугли захохоталъ короткимъ смѣхомъ, не похожимъ на смѣхъ, такъ какъ камень угодилъ ему въ ротъ.

— Бѣги назадъ, Мессуа. Это одна изъ ихъ глупыхъ розсказней, которыя они выдумываютъ подъ большимъ деревомъ въ сумерки. Я, наконецъ, отплатилъ за жизнь твоего сына. Прощай; бѣги скорѣй, потому что я погоню стадо живѣй, чѣмъ летятъ ихъ кирпичные обломки. Я не колдунъ, Мессуа. Прощай!

— Акела, еще разъ: загони стадо.

Буйволамъ хотѣлось попасть поскорѣй въ деревню. Вой Акелы оказался почти излишнимъ: они сами, какъ вихрь, устремились въ ворота, и толпа разступилась передъ ними.

— Сочтите!—кричалъ Маугли.—Я, можетъ-быть, укралъ одного изъ нихъ. Сочтите, потому что я больше не стану пасти вашего стада. Прощайте, дѣти человѣческія, и благодарите Мессуа, что я не сталъ съ моими волками гоняться по вашимъ улицамъ.

Онъ повернулся и ушелъ съ волками, и, смотря на звѣзды, чувствовалъ себя счастливымъ.

— Не стану я больше спать въ западнѣ, Акела. Возьмемъ шкуру Ширъ-хана и уйдемъ. Мы не тронемъ деревню, потому что Мессуа была добра ко мнѣ.

Испуганные жители увидали Маугли, идущаго въ сопровожденіи двухъ волковъ и съ узелкомъ на головѣ.

Когда мѣсяцъ выплылъ надъ равниной и все приняло молочный цвѣтъ, испуганные жители увидали Маугли, идущаго въ сопровожденіи двухъ волковъ и съ узелкомъ на головѣ быстрой волчьей рысью, пробѣгающей мили, какъ огонь. Тогда снова пуще прежняго начали трубить въ раковины и звонить въ колокола; а Мессуа плакала, между тѣмъ какъ Бельдео прибавлялъ все новые узоры къ разсказу о своемъ приключеніи въ джунгляхъ, пока, наконецъ, не оказалось, что Акела стоялъ на заднихъ лапахъ и говорилъ по-людскому.

Мѣсяцъ какъ разъ заходилъ, когда Маугли съ своими двумя волками подошелъ къ совѣтской скалѣ, остановившись по дорогѣ у пещеры Волчицы-матери

— Мать, меня изгнали изъ людского племени,—закричалъ Маугли,—но я прихожу съ шкурой Ширъ-хана, исполняя свое обѣщаніе.

Мать-Волчица вышла изъ пещеры въ сопровожденіи волчать, и глаза ея загорѣлись, когда она увидала шкуру.

— Еще въ тотъ день, когда онъ просунулъ голову и плечи въ пещеру, охотясь за тобой, лягушонокъ,—еще тогда я сказала ему, что охотникъ превратится въ добычу. Ловко сдѣлано!

— Ловко сдѣлано, маленькій братъ,—послышался низкій голосъ изъ чащи.—Мы скучали безъ тебя въ джунгляхъ,—и Багхира подбѣжала къ босымъ ногамъ Маугли. Они вмѣстѣ взобрались на совѣтскую скалу, и Маугли разостлалъ шкуру на плоскомъ камнѣ, на которомъ обыкновенно сидѣлъ Акела, и прикрѣпилъ ее четырьмя бамбуковыми кольями; Акела легъ на нее и крикнулъ обычный совѣтскій крикъ: „Смотрите, смотрите въ оба, волки!"—совершенно такъ же, какъ въ тотъ день, когда Маугли впервые былъ приведенъ на скалу.

Съ самаго того времени, какъ Акела былъ смѣщенъ, у племени не было вождя, и каждый охотился и оборонялся, какъ ему вздумается.

Многіе изъ нихъ оказались хромы, такъ какъ попадали въ капканы, другіе ковыляли отъ пулевыхъ ранъ; нѣкоторые запаршивѣли отъ дурной пищи, а многихъ и совсѣмъ не было. Но всѣ, еще оказавшіеся въ живыхъ, пришли къ совѣтской скалѣ и увидали, что полосатая шкура Ширъ-хана была разостлана на скалѣ, и огромные когти висѣли на концѣ пустыхъ, болтавшихся лапъ. Тогда-то Маугли сочинилъ пѣснь—пѣснь безъ риѳмъ, пришедшую сама собой ему въ горло, и онъ запѣлъ ее громко, ходя взадъ и впередъ по трещавшей кожѣ и отбивая тактъ пятками, пока совершенно не запыхался; а Акела и Сѣрый братъ подвывали между стихами.

— Смотрите въ оба, волки. Сдержалъ я свое слово?—спросилъ Маугли, кончивъ, и волки залаяли: „Да!" А одинъ хромой волкъ завылъ:

— Води насъ опять, Акела. Води насъ, дѣтенышъ человѣческій; намъ надоѣло это беззаконіе, и мы опять хотимъ стать свободнымъ народомъ.

— Нѣтъ,—промурлыкала Багхира,—этому не бывать. Когда вы наѣдитесь, на васъ опять можетъ найти безуміе. Не напрасно васъ называютъ свободнымъ народомъ. Вы бились за свободу, и она ваша. Пользуйтесь ею, волки!

— Племя людское и племя волчье изгнали меня; теперь я стану охотиться одинъ въ джунгляхъ,—сказалъ Маугли.

— И мы станемъ охотиться съ тобой,—отозвались четыре молодыхъ волка.

Такъ Маугли ушелъ и съ этого дня охотился въ джунгляхъ съ своими четырьмя волками. Но онъ не навсегда остался

одинъ; черезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлавшись мужчиной, *онъ* женился.

Пѣсня Маугли, которую онъ пѣлъ на совѣтской скалѣ, пляша на шкурѣ Ширъ-хана.

Пѣснь Маугли—я, Маугли, пою. Пусть джунгли слушаютъ, что я сдѣлалъ. Ширъ-ханъ сказалъ, что онъ убьетъ-зарѣжетъ. У воротъ въ сумерки онъ убьетъ Маугли, лягушонка! Онъ поѣлъ и напился. Пей вдосталь, Ширъ-ханъ, когда-то еще тебѣ придется напиться опять? Спи и грезь объ удачной охотѣ! Я одинъ на пастьбѣ. Сѣрый братъ, приди ко мнѣ. Приди ко мнѣ, волкъ одинокій, будетъ охота на крупнаго звѣря. Раздразни большихъ буйволовъ, голубо-шерстныхъ, съ злыми глазами. Гони ихъ взадъ и впередъ, по моему приказанію.

Спишь ты еще, Ширъ-ханъ? Проснись же, проснись! Вотъ иду я, а буйволы слѣдомъ. Рама, король буйволовъ, топнулъ ногой. Вода Вайгунги, куда дѣвался Ширъ-ханъ? Не Икки онъ, чтобы рыть норы, не Мао, павлинъ, чтобы на воздухъ подняться. Не Мангъ онъ, мышь летучая, чтобы повиснуть на вѣткѣ. Мелкій гибкій бамбукъ, скажи мнѣ, куда онъ бѣжалъ?

Оу! Онъ здѣсь. *Аху*! Онъ здѣсь. Подъ ногами Рамы лежитъ хромоногій! О, Ширъ-ханъ, вставай же и убей! Тутъ мясо; сломи же буйволамъ спину. *Шш*! Онъ спитъ. Не станемъ будить его; велика его сила. Спустились и коршуны, чтобы взглянуть. Подползли черные муравьи, чтобы увидать, что творится. Въ честь его большое собраніе.

Алала! Нѣтъ у меня плаща, чтобы укрыться. Коршуны увидятъ, что голъ я. Мнѣ стыдно всѣхъ собравшихся. Одолжи мнѣ свое платье, Ширъ-ханъ. Одолжи свой полосатый плащъ, чтобы я могъ пойти на совѣтскую скалу. Клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня, я далъ обѣщаніе, маленькое обѣщаніе. Только, чтобы сдержать его, мнѣ недостаетъ твоей шкуры. Съ ножомъ—ножомъ, какой употребляютъ люди, съ ножомъ охотника, я сойду за своимъ даромъ. Воды Вайгунги, будьте свидѣтельницами, что Ширъ-ханъ даетъ мнѣ свое платье изъ любви ко мнѣ. Впередъ, Сѣрый братъ! Впередъ, Акела! Тяжела шкура Ширъ-хана!

Людское племя сердится. Они бросаютъ камни и разсуждаютъ по-дѣтски. У меня изо рта кровь идетъ. Бѣжимъ прочь. Ночью, жаркой ночью, братья, бѣгите быстро со мной. Уйдемъ отъ деревенскихъ огней и пойдемъ къ мѣсяцу, низко стоящему на небѣ. Воды Вайгунги, людское племя изгнало меня. Я ничѣмъ не обидѣлъ ихъ, но они боятся меня. Почему? Племя волковъ, и вы меня также изгнали. Джунгли закрыты для меня, и ворота деревни также закрыты. За что?

Я пляшу на шкурѣ Ширъ-хана, но на сердцѣ у меня тяжело. Все лицо у меня изрѣзано и изранено камнями, но на сердцѣ легко, потому что я вернулся въ джунгли. Почему? Эти двѣ вещи борются во мнѣ, какъ змѣи дерутся весною.

Полосатая шкура Ширъ-хана была разостлана на скалѣ, и огромные когти висѣли на концѣ болтавшихся лапъ.

У меня изъ глазъ течетъ вода; она течетъ, а я смѣюсь. Почему? Во мнѣ два Маугли; но шкура Ширъ-хана у меня подъ ногами. Всѣ джунгли знаютъ, что я убилъ Ширъ-хана. Смотрите же въ оба, о, волки! *Ахе!* Тяжело мнѣ на сердцѣ отъ всего, чего я понять не могу.

Рикки-Тикки-Тави.

Это разсказъ о большой войнѣ, которую Рикки-Тикки-Тави велъ въ одиночку въ ванныхъ комнатахъ большого бунгало въ лагерѣ Сигоули. Дэрзи, славка-портной, помогалъ ему, а Шушундра, мускусная крыса, никогда не выходящая на середину пола, но всегда крадущаяся вдоль стѣнъ, давала совѣты· боролся же Рикки-Тикки.

Рикки-Тикки заглянулъ между шеей и воротникомъ мальчика.

Рикки-Тикки былъ ихневмонъ *), по мѣху и хвосту похожій на кошку, а по головѣ и привычкамъ—на хорька. Глаза и кончикъ постоянно двигавшагося носа были розовые; онъ могъ чесаться какъ угодно: передней или задней ногой; могъ распушить хвостъ такъ, что онъ походилъ на ершъ, а его военнымъ крикомъ, когда онъ быстро шнырялъ въ высокой травѣ было: *Рикки-тикки-тиккъ-тики-чикъ!*

Однажды лѣтнее наводненіе вымыло его изъ норы, гдѣ онъ жилъ съ отцомъ и матерью, и отнесло его, какъ онъ ни барахтался и ни клохталъ, въ канаву у дороги. Ему попался плававшій тамъ пучокъ травы онъ зацѣпился за него, но лишился чувствъ. Придя въ себя онъ увидалъ, что лежитъ на самомъ припекѣ, посрединѣ садовой дорожки, весь мокрый а надъ нимъ стоитъ маленькій мальчикъ, который говоритъ.

— Вотъ мертвый ихневмонъ. Надо его закопать.

— Нѣтъ,—сказала мать мальчика,—лучше возьмемъ его и обсушимъ. Можетъ-быть, онъ еще живъ.

Звѣрка внесли въ домъ, гдѣ высокій человѣкъ взялъ его въ горсть и сказалъ, что онъ еще живъ, только чуть не захлебнулся. Его обернули въ вату и стали отогрѣвать. Онъ открылъ глаза и чихнулъ.

*) Ихневмонъ или Фараонова мышь—маленькое млекопитающее, от важно истребляющее змѣй.

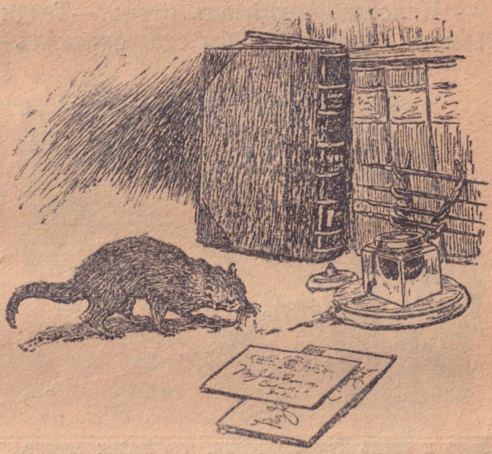
— Не пугайте его,—сказалъ высокій человѣкъ.—Это былъ англичанинъ, недавно переѣхавшій въ бунгало *). Посмотримъ, что онъ станетъ дѣлать.

Испугать ихневмона очень трудно, потому что онъ весь, съ толовы до хвоста, одно сплошное любопытство. Девизъ семейства ихневмоновъ: „Бѣгай и ищи!“ А Рикки-Тикки былъ настоящій ихневмонъ. Онъ обнюхалъ вату, рѣшилъ, что она не съѣдобна, началъ бѣгать по столу, сѣлъ, привелъ въ порядокъ свою шкурку, почесался и наконецъ прыгнулъ на плечо мальчику.

— Не бойся, Тедди,—сказалъ отецъ.—Это онъ знакомится.

— Ухъ! Онъ мнѣ щекочетъ подъ подбородкомъ,—сказалъ Тедди.

Рикки-Тикки заглянулъ между шеей и воротникомъ мальчика, подулъ ему въ ухо и сползъ на полъ, гдѣ началъ сидя потирать себѣ носъ.

Рикки вымазалъ носъ, сунувъ его въ чернильницу.

— Боже мой, неужели это дикій звѣрокъ! — воскликнула мать Тедди. — Вѣроятно, онъ оттого такой ручной, что мы приласкали его.

— Всѣ ихневмоны таковы, — отвѣтилъ мужъ. — Если Тедди не станетъ таскать его за хвостъ внизъ головой или запирать въ клѣтку, ихневмонъ весь день станетъ то убѣгать, то прибѣгать. Дайте ему поѣсть.

Рикки дали кусочекъ сырого мяса. Рикки-Тикки долго лизалъ его, и благополучно скушавъ, отправился на веранду, гдѣ усѣлся на солнцѣ и ощетинилъ шерсть, чтобы она высохла до корней. Тутъ онъ почувствовалъ себя лучше.

— Въ этомъ домѣ такъ много вещей, съ которыми надо познакомиться,—подумалъ онъ про себя,—что всей моей семьѣ во всю свою жизнь не узнать. Я останусь здѣсь и все развѣдаю.

Онъ весь день шнырялъ по дому, чуть не утонулъ въ ваннѣ, вымазалъ носъ, сунувъ его въ чернильницу на столѣ, и обжегся

*) Домъ, дача.

о сигару хозяина, когда взобрался на его колѣни, чтобы посмотрѣть, какъ пишутъ.

Ночью Рикки-Тикки забѣжалъ въ спальню Тедди, чтобы узнать, какъ горитъ керосиновая лампа, но онъ былъ безпокойный товарищъ, потому что всю ночь каждую минуту ему надо было вскакивать при малѣйшемъ шумѣ, чтобы убѣдиться, кто его производитъ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, мать и отецъ Тедди зашли взглянуть на своего мальчика и увидали, что Рикки-Тикки сидитъ на подушкѣ.

— Мнѣ это не нравится,—сказала мать Тедди.—Онъ можетъ укусить ребенка.

— Никогда,—отвѣчалъ отецъ.—Тедди безопаснѣе съ этимъ звѣркомъ, чѣмъ если бы его охранялъ волкодавъ. Если бы въ дѣтскую заползла змѣя...

Мать и отецъ Тедди увидали, что Рикки сидитъ на подушкѣ Тедди.

Но мать Тедди даже думать не хотѣла о такомъ ужасѣ.

Рано утромъ Рикки-Тикки появился къ завтраку на верандѣ, сидя на плечѣ Тедди, и его накормили бананомъ и вареными яйцами. Онъ ѣлъ, сидя поочередно на колѣняхъ у каждаго, потому что хорошо воспитанный ихневмонъ всегда надѣется рано или поздно сдѣлаться домашнимъ ихневмономъ и имѣть возможность бѣгать по комнатамъ, поэтому мать Рикки-Тикки,—она обыкновенно жила въ домѣ генерала въ Сигоули—подробно объяснила ему, какъ ему слѣдуетъ держать себя, если онъ когда-нибудь попадетъ къ бѣлымъ людямъ.

Потомъ Рикки-Тикки отправился въ садъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Садъ былъ большой, только наполовину расчищенный, съ цѣлыми бесѣдками розъ „Маршалъ Ніель“, съ апельсинными деревьями, зарослями бамбука и высокой травы. Рикки-Тикки облизнулся.

„Великолѣпное мѣсто для охоты“, подумалъ онъ, и при этой мысли хвостъ его распушился трубой, и онъ сталъ шнырять по саду, вынюхивая повсюду, пока не услыхалъ очень печальныхъ голосовъ въ одномъ терновомъ кусту.

Тамъ сидѣли Дэрзи, славка-портной, и его жена. Они устроили великолѣпное гнѣздо, скрѣпивъ два большихъ листа и сшивъ края ихъ волокнами, а середину набивъ хлопкомъ и пухомъ. Гнѣздышко качалось, птички сидѣли на краю и кричали.

— Что случилось?—спросилъ Рикки-Тикки.

— Мы очень несчастны, — отвѣтилъ Дэрзи, — вчера одинъ изъ нашихъ птенчиковъ выпалъ изъ гнѣзда, и его съѣлъ Нагъ.

— Хмъ!—сказалъ Рикки-Тикки.— Это очень печально; но я здѣсь недавно. Кто такой Нагъ?

Вдругъ Дэрзи и его жена юркнули въ гнѣздо, не отвѣчая, потому что изъ густой травы у корня послышалось тихое шипѣніе—ужасный холодный звукъ, заставившій Рикки-Тикки отскочить на два фута и, дюймъ за дюймомъ, изъ травы поднялась голова съ надутымъ капюшономъ*) Нага, большой черной кобры или очковой змѣи, имѣвшей пять футовъ длины отъ головы до хвоста. Поднявшись на одну треть своего тѣла отъ земли, змѣя стояла, покачиваясь взадъ и впередъ, словно стебель одуванчика, качающагося по вѣтру, и смотрѣла на Рикки-Тикки злыми змѣиными глазами, никогда не мѣняющимися, что бы ни думала змѣя.

Рикки-Тикки появился къ завтраку на верандѣ, сидя на плечѣ Тедди.

— Кто это Нагъ?—сказала змѣя.— Нагъ—это *я*. Великій богъ Брама отмѣтилъ весь нашъ родъ, когда первая кобра распустила свой капюшонъ, чтобы защитить отъ солнца спящаго бога. Смотри и страшись!

Змѣя до послѣдней возможности распустила свой капюшонъ, и Рикки-Тикки увидалъ на его задней сторонѣ рисунокъ очковъ, точь въ точь оправу стеколъ. Онъ испугался въ первое мгновеніе, но дольше минуты страхъ у ихневмона никогда не продолжается, и хотя Рикки-Тикки до сихъ поръ не встрѣчался съ живой коброй, но мать кормила его мертвыми змѣями этой

*) Капюшономъ у очковой змѣи называется мѣшокъ на шеѣ, вздувающійся надъ первыми ребрами.

породы, и онъ зналъ, что взрослый ихневмонъ долженъ сражаться съ змѣями и ѣсть ихъ. Нагъ зналъ это также и испугался въ глубинѣ своей холодной души.

— Хорошо,—сказалъ Рикки-Тикки, и его хвостъ снова началъ пушиться,—отмѣчены вы или не отмѣчены, развѣ вы въ правѣ ѣсть птенцовъ, выпавшихъ изъ гнѣздъ?

Нагъ не отвѣчалъ и наблюдалъ за движеніемъ травы позади Рикки-Тикки. Змѣя знала, что разъ ихневмонъ поселится въ

— Мы очень несчастны, — отвѣтилъ Дэрзи.

саду, значитъ, что ее и ея семью ждетъ рано или поздно вѣрная смерть, но она хотѣла усыпить осторожность звѣрка. Поэтому она слегка опустила голову и немного склонила ее на бокъ.

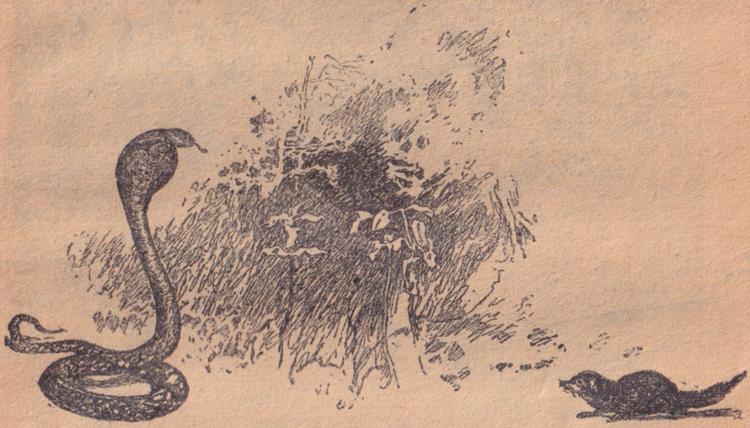
— Разсудимъ,—сказала она.—Вы ѣдите яйца. Почему мнѣ не ѣсть птицъ?

— Оглянись! Оглянись!—запѣлъ Дэрзи.

Рикки-Тикки не сталъ терять времени на разговоры. Онъ подскочилъ на воздухъ, какъ только могъ высоко, и какъ разъ надъ показавшейся головой Нагэны, злой жены Нага. Она выползла позади ихневмона, намѣреваясь покончить съ нимъ въ то время, какъ онъ говорилъ, и Рикки-Тикки услыхалъ ея злое шипѣніе, когда она промахнулась.

Онъ упалъ внизъ почти ей на спину, и будь онъ старый ихневмонъ, онъ бы зналъ, что это самая подходящая минута, однимъ разомъ перекусить змѣѣ позвоночный столбъ; но онъ боялся ужаснаго удара, которымъ кобра готовилась отвѣтить ему. Онъ все же укусилъ ее, но недостаточно глубоко и поэтому снова прыгнулъ такъ, чтобы извивавшійся хвостъ не могъ достать его, и разозлившаяся Нагэна оказалась раненой.

— Злой, злой Дэрзи! — сказалъ Нагъ, подпрыгивая насколько могъ, чтобы достать гнѣздо; но Дэрзи построилъ его такъ высоко, что змѣи не могли подскочить до него, и оно только качалось.

Нагъ—это я,—сказала змѣя.—Смотри и страшись!

Рикки-Тикки чувствовалъ, что его глаза краснѣютъ и горятъ (когда у ихневмона краснѣютъ глаза, значитъ онъ сердится), и онъ сѣлъ на хвостъ и заднія лапы, какъ маленькій кенгуру, оглядываясь и отъ ярости стуча зубами. Но Нагъ и Нагэна исчезли въ травѣ. Послѣ неудавшагося нападенія змѣя никогда ничего не говоритъ и не показываетъ, что намѣревается дѣлать дальше. Рикки-Тикки, конечно, не послѣдовалъ за ними, потому что не былъ увѣренъ, что одолѣетъ сразу двухъ змѣй. Поэтому онъ потрусилъ на дорожку передъ домомъ и сѣлъ, раздумывая. Ему предстояло серьезное дѣло.

Въ старинныхъ зоологіяхъ вы можете прочесть, что ихневмонъ, въ случаѣ, если его укуситъ змѣя, убѣгаетъ и ѣстъ какую-то траву, излѣчивающую его. Но это неправда. Побѣда зависитъ отъ быстроты глаза и ногъ: змѣя бросается на ихневмона во время прыжка его, а такъ какъ нѣтъ глаза, который

могъ бы уловить движенія змѣи, когда она бросается, то дѣло кажется гораздо чудеснѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Рикки-Тикки сознавалъ свою молодость и тѣмъ пріятнѣе было ему думать, что онъ сумѣлъ избѣгнуть нападенія сзади. Это придавало ему увѣренность въ себѣ, и когда Тедди, бѣгая по дорожкѣ, наткнулся на Рикки-Тикки, ихневмонъ съ удовольствіемъ далъ поласкать себя.

Рикки подскочилъ на воздухъ, какъ только могъ высоко, надъ головой Нагэны.

Но въ ту самую минуту, какъ Тедди нагнулся, что-то скользнуло въ пыли и тоненькій голосъ сказалъ:

— Будь остороженъ! Я смерть!

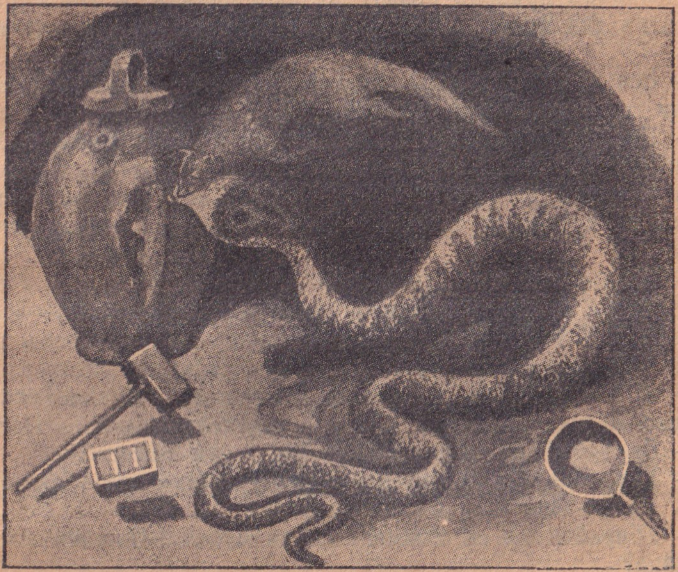
То была Карэтъ, сѣровато-бурая змѣйка, обыкновенно лежащая въ пыли на дорогѣ. Ея укушеніе ядовито не меньше, чѣмъ укушеніе кобры; но она такъ мала, что о ней забываютъ, и она наноситъ вреда больше очковой змѣи.

Глаза Рикки-Тикки опять покраснѣли, и онъ подскочилъ къ Карэтѣ покачивающимся извилистымъ движеніемъ, составляющимъ характерную черту ихъ породы. Со стороны это очень смѣшно, но это такой разсчитанный маневръ, что при немъ можно обратиться въ бѣгство подъ какимъ угодно угломъ, а

него, заставилъ звѣрка лишиться чувствъ, и огонь опалилъ ему шерсть.

Шумъ борьбы ихневмона съ змѣей разбудилъ высокаго человѣка, и онъ выпустилъ обѣ пули изъ своей винтовки въ Нага, какъ разъ позади капюшона.

Рикки-Тикки лежалъ, закрывъ глаза, увѣренный, что умеръ; но голова его не шевелилась, а высокій человѣкъ поднялъ его и сказалъ:

Змѣя начала трясти его, какъ собака трясетъ мышь.

— Алиса, вѣдь это опять ихневмонъ; теперь крошка спасъ *намъ* жизнь.

Мать Тедди вышла совсѣмъ блѣдная и смотрѣла на то, что осталось отъ Нага, а Рикки-Тикки потащился въ спальню Тедди и провелъ половину ночи, осторожно встряхиваясь, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онъ разбитъ вдребезги, какъ ему казалось, или же нѣтъ.

Утромъ его тѣло болѣло, но онъ былъ доволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ.

Теперь надо было свести счеты съ Нагэной, а съ ней труднѣе справиться, чѣмъ съ девятью Нагами, и еще не знаешь, когда вылупятся змѣеныши изъ яицъ. Ахъ, Боже мой! Надо повидаться съ Дэрзи.

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побѣжалъ къ терновому кусту, гдѣ Дэрзи во все горло распѣвалъ побѣдную пѣснь. Вѣсть о смерти Нага уже разнеслась по всему саду, потому что метельщикъ выбросилъ тѣло змѣи въ сорную кучу.

— Ахъ, ты глупый комочекъ пуха!—сказалъ Рикки-Тикки.— Время ли теперь распѣвать?

— Нагъ умеръ... умеръ... умеръ!—пѣлъ Дэрзи.—Храбрый Рикки-Тикки схватилъ его за голову и не выпустилъ. Высокій человѣкъ принесъ палку, которая палитъ, и Нагъ разлетѣлся на два куска! Никогда ужъ не ѣсть ему моихъ птенцовъ.

— Все это правда; только гдѣ Нагэна?—спросилъ Рикки-Тикки, осторожно оглядываясь.

— Нагэна подползала къ водостоку и звала Нага, а Нагъ показался на концѣ палки—метельщикъ его вынесъ и бросилъ въ сорную кучу. Будемъ пѣть славу великому Рикки-Тикки съ красными глазами.—И Дэрзи опять запѣлъ во все горло.

— Если бы я могъ добраться до твоего гнѣзда, я бы повышвырялъ всѣхъ твоихъ птенцовъ!—сказалъ Рикки.—Ты не знаешь, что когда ко времени. Хорошо тебѣ въ твоемъ гнѣздѣ, а меня здѣсь, внизу, ждетъ война. Помолчи минуту.

— Помолчу ради великаго, прекраснаго Рикки-Тикки,— сказалъ Дэрзи.—Въ чемъ дѣло, побѣдитель ужаснаго Нага?

— Въ третій разъ спрашиваю тебя: гдѣ Нагэна?

— У мусорной кучи за конюшней—оплакиваетъ Нага. Великъ Рикки-Тикки съ бѣлыми зубами.

— Убирайся ты съ моими бѣлыми зубами! Знаешь ты, гдѣ ея яйца?

— Въ тыквенномъ огородѣ, на краю, у стѣны, гдѣ солнце печетъ почти весь день. Ужъ много недѣль, какъ она спрятала ихъ тамъ.

— И ты ни разу не счелъ нужнымъ сообщить мнѣ? У стѣны, говоришь ты, на концѣ огорода?

— Рикки-Тикки, неужели ты хочешь съѣсть ея яйца?

— Нѣтъ, не то, чтобы съѣсть. Дэрзи, если у тебя есть хоть крошка сообразительности, ты полетишь къ конюшнѣ и притворишься, что у тебя сломано крыло, и заставишь Нагэну погнаться за тобой въ тотъ кустъ! Мнѣ надо пробраться въ огородъ, и если я пойду сейчасъ, она меня увидитъ.

Дэрзи былъ легкомысленъ, и въ его головкѣ никогда не умѣщалось больше одной мысли за разъ; а такъ какъ онъ зналъ, что дѣти Нагэны рождались изъ яицъ, какъ его собственныя, онъ сначала подумалъ, что жаль убивать ихъ. Но

его жена была умная птица и знала, что изъ яицъ кобры со временемъ выведутся молодыя кобры; поэтому она вылетѣла изъ гнѣзда, предоставивъ Дэрзи согрѣвать птенцовъ и продолжать свою пѣснь о смерти Нага. Дэрзи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ таковъ же, какъ и многіе мужчины.

Жена Дэрзи стала прыгать передъ Нагэной у мусорной кучи, крича:

— Охъ, у меня сломано крыло! Мальчикъ изъ дома бросилъ въ меня камнемъ.

И она стала отчаянно хромать.

Нагэна подняла голову, зашипѣла и двинулась къ женѣ Дэрзи, скользя по пыли.

Нагэна подняла голову и зашипѣла:

— Ты предостерегла Рикки-Тикки, когда я хотѣла убить его. Плохое ты выбрала мѣсто, чтобы скакать на сломаной ногѣ.

И она двинулась къ женѣ Дэрзи, скользя по пыли.

— Мальчикъ сломилъ мнѣ ногу камнемъ!—закричала жена Дерзи.

— Ну, можетъ-быть, для тебя будетъ имѣть значеніе узнать передъ смертью, что я сведу счеты съ мальчуганомъ. Мужъ мой лежитъ теперь въ мусорной кучѣ, но еще раньше ночи мальчикъ изъ дома не станетъ ужъ бѣгать. Чего ты пытаешься убѣжать? Я все равно поймаю тебя. Дурочка, взгляни на меня!

Жена Дэрзи знала, что именно *этого* не слѣдуетъ дѣлать, потому что птица, взглянувъ въ глаза змѣѣ, такъ пугается,

что не можетъ пошевелиться. Жена Дерзи порхнула дальше, жалобно пища и не взлетая отъ земли, а Нагэна поползла еще скорѣе.

Рикки-Тикки, слышавшій, какъ они двигались по дорожкѣ отъ конюшенъ, во всю прыть пустился въ конецъ огорода, къ стѣнѣ. Здѣсь, на теплой грядкѣ, между арбузами, онъ нашелъ искусно спрятанныя двадцать пять яицъ величиной съ яйцо бентамской курицы, но въ мягкой бѣловатой кожѣ, вмѣсто скорлупы.

— Самое время,—сказалъ Рикки-Тикки: онъ видѣлъ маленькихъ кобръ, свернувшихся подъ оболочкой яйца и зналъ, что какъ только онѣ вылупятся, онѣ могутъ убить и человѣка и ихневмона. Онъ началъ какъ можно быстрѣе разгрызать верхушки яицъ, стараясь раздавить при этомъ молодыхъ кобръ, и по временамъ оглядывалъ гряду, чтобы убѣдиться, что онъ не оставилъ ни одного. Наконецъ осталось только три яйца, и Рикки-Тикки началъ посмѣиваться про себя, когда услыхалъ крикъ жены Дэрзи:

— Рикки-Тикки, я подвела Нагэну къ дому, и она пошла на веранду. Иди скорѣй: она хочетъ убить!

Рикки-Тикки раздавилъ два яйца, скатился съ грядки, неся третье во рту, и помчался что силы было къ верандѣ. Тамъ за завтракомъ сидѣлъ Тедди съ отцомъ и матерью; но Рикки-Тикки увидалъ, что никто ничего не ѣлъ. Они сидѣли, какъ окаменѣлые, и лица у нихъ были совсѣмъ бѣлыя. Нагэна лежала свернувшись на цыновкѣ у ногъ Тедди, такъ что каждую минуту могла ужалить его голыя ножки, и, раскачиваясь взадъ и впередъ, пѣла свою торжествующую пѣснь.

— Сиди смирно, сынъ большого человѣка,—шипѣла она.— Я еще не готова. Подожди немного. Сидите тихо, всѣ вы трое. Если вы двинетесь, я ужалю, и если не двинетесь, тоже ужалю. Глупые вы, что убили моего Нага.

Тедди не сводилъ глазъ съ отца, а отецъ могъ только сказать:

— Сиди тихо, Тедди. Не шевелись! Сиди смирно!

Въ эту минуту Рикки-Тикки вбѣжалъ на веранду съ крикомъ:

— Обернись, Нагэна, обернись и защищайся!

— Всему свое время,—отвѣтила она, не отводя глазъ отъ людей.—Я сейчасъ сведу и съ *тобой* счеты. Взгляни на своихъ друзей: они сидятъ, не шелохнувшись, и всѣ поблѣднѣли, потому что боятся. Они не смѣютъ пошевельнуться, а если ты сдѣлаешь хоть шагъ, я ужалю кого-нибудь изъ нихъ.

— Посмотри, что съ твоими яйцами на грядахъ у стѣны,— сказалъ Рикки-Тикки.—Поди и посмотри, Нагэна.

Огромная змѣя повернулась въ полоборота и увидала яйцо на верандѣ.

— А! а! Отдай мнѣ яйцо!—прошипѣла она.

Рикки-Тикки держалъ яйцо между лапами, и глаза у него налились кровью.

— Какая цѣна за змѣиное яйцо? За молодую кобру? За молодую королевскую кобру? За послѣднюю, самую послѣднюю изъ выводка? Муравьи поѣдаютъ всѣхъ остальныхъ на грядѣ въ тыквенномъ огородѣ.

Нагэна рѣзко повернулась, позабывъ все ради этого единственнаго яйца, а Рикки-Тикки увидалъ, какъ отецъ Тедди, протянувъ большую руку, схватилъ сына за плечо и перетащилъ черезъ столикъ, на которомъ стояла чайная посуда, въ такое мѣсто, гдѣ его не могла достать Нагэна.

— Попалась! Попалась! *Рикки-тикки-тики-чикъ*,—смѣялся Рикки-Тикки.—Мальчикъ живъ, а это я схватилъ Нага за шиворотъ прошлой ночью въ ванной комнатѣ.—Потомъ Рикки началъ прыгать сразу на всѣхъ четырехъ ногахъ и, опускаясь, прижимался головой къ самому полу.

— Онъ бросалъ меня во всѣ стороны, но не вырвался у меня. Онъ ужъ былъ мертвъ, прежде чѣмъ высокій человѣкъ разбилъ его надвое. Я убилъ его, я! *Рикки-тикки-тики-чикъ*! Иди же, Нагэна, иди биться со мной, недолго тебѣ жить вдовой!

Нагэна увидала, что упустила случай убить Тедди, а яйцо Рикки держалъ въ лапахъ.

— Отдай мнѣ яйцо, Рикки-Тикки; отдай послѣднее изъ моихъ яицъ; я уйду и никогда больше не приду,—сказала змѣя, опустивъ капюшонъ.

— Да, уйдешь и никогда не придешь больше, потому что отправишься въ мусорную кучу, гдѣ лежитъ Нагъ. Бейся, вдова! Высокій человѣкъ пошелъ за ружьемъ. Бейся!

Рикки-Тикки вертѣлся вокругъ Нагэны, держась на такомъ разстояніи, чтобы она не могла ужалить его. Глаза звѣрка горѣли какъ уголья. Нагэна подобралась и бросилась на него. Рикки-Тикки то наскакивалъ, то отскакивалъ назадъ. Она бросалась опять и опять, и каждый разъ ея голова съ тупымъ звукомъ ударялась о цыновку веранды, и змѣя свертывалась, какъ часовая спираль. Тогда Рикки-Тикки началъ плясать, стараясь забѣжать ей сзади, и Нагэна стала быстро вертѣться, стараясь, чтобы ея голова приходилась въ ту же сторону, что и его голова, и хвостъ ея шуршалъ по террасѣ, какъ сухіе листья, гонимые вѣтромъ.

Онъ забылъ про яйцо. Оно еще лежало на верандѣ, и Нагэна все ближе и ближе подвигалась къ нему, пока, наконецъ,

воспользовавшись мгновеніемъ, когда Рикки-Тикки остановился, чтобы перевести духъ, не схватила его. Тогда, повернувъ къ ступенькамъ веранды, она помчалась, какъ стрѣла, по дорожкѣ. Рикки-Тикки послѣдовалъ за ней. Когда кобра спасается бѣгствомъ отъ смерти, она мчится съ быстротой лассо, обвивающагося вокругъ шеи лошади.

Рикки-Тикки зналъ, что ему во что бы то ни стлоа надо догнать ее, или опять всѣ бѣды начнутся снова. Нагэна спѣшила въ высокую траву подъ терновымъ кустомъ, и, пробѣгая мимо этого куста, Рикки-Тикки слышалъ, что Дэрзи все еще поетъ свою глупую торжествующую пѣснь. Но жена Дэрзи была умнѣе. Она слетѣла съ гнѣзда и стала хлопать крыльями надъ головой Нагэны. Если бы Дэрзи помогъ, имъ бы вдвоемъ удалось заставить змѣю вернуться; но теперь Нагэна только спустила капюшонъ и продолжала скользить дальше. Однако эта минутная задержка, позволила Рикки-Тикки догнать змѣю и, когда она скользнула въ нору, гдѣ жила съ Нагомъ, его маленькіе бѣлые зубы уже впились въ ея хвостъ, и Рикки послѣдовалъ за ней. Послѣдовать за коброй въ ея нору отважится не всякій ихневмонъ, какъ бы уменъ и старъ онъ ни былъ.

Нагэна помчалась, какъ стрѣла по дорожкѣ. Рикки-Тикки послѣдовалъ за ней.

Въ норѣ было совершенно темно, и Рикки-Тикки не думалъ, чтобы нора гдѣ-нибудь расширилась настолько, чтобы На-

гэнѣ возможно было повернуться и броситься на него. Онъ отчаянно цѣплялся на темномъ скатѣ ногами за горячую, сырую землю и не выпускалъ хвоста змѣи.

Наконецъ трава при входѣ въ нору перестала колебаться, и Дэрзи сказалъ:

— Все кончено для Рикки-Тикки! Надо пѣть пѣсню на смерть его. Умеръ храбрый Рикки-Тикки! Нагэна навѣрное убила его подъ землей. И онъ запѣлъ печальную пѣснь, сочиненную имъ мгновенно, и какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ

— Все кончено,—сказалъ Рикки-Тикки.

дошелъ до самаго трогательнаго мѣста, трава снова заколыхалась: изъ норы медленно выползъ Рикки-Тикки и сталъ облизываться. Дэрзи оборвался, вскрикнувъ. Рикки-Тикки слегка отряхнулъ пыль съ мѣха и чихнулъ...

— Все кончено,—сказалъ онъ.—Вдова ужъ никогда не вылѣзетъ.

Красные муравьи, живущіе въ травѣ, услыхали его и потянулись вереницей въ нору, чтобы убѣдиться, правду ли сказалъ Рикки.

Онъ же свернулся въ травѣ и заснулъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ проспалъ не открывая глазъ до вечера, потому что хорошо поработалъ въ этотъ день.

— А теперь,—сказалъ онъ,—пойду въ домъ. Дэрзи, скажи котельщику, а онъ ужъ разскажетъ всѣмъ въ саду, что Нагэна умерла.

Котельщикъ—птица, которая издаетъ звуки совершенно похожіе на ударъ молоточкомъ по мѣдному котлу. Онъ—глашатай каждаго индійскаго города и разсказываетъ новости каждому, кто хочетъ слушать его. Идучи дорожкой, Рикки-Тикки слышалъ первымъ призывныя ноты котельщика, похожія на тонкій ударъ обѣденнаго гонга; а затѣмъ послѣдовали, постоянно повторяясь: „*Дингъ-донгъ-токъ*! Нагъ умеръ! *донгъ*! Нагэна умерла! *Дингъ-донгъ-токъ*!“ Тутъ всѣ птицы въ саду запѣли, а лягушки заквакали, потому что Нагъ и Нагэна поѣдали лягушатъ такъ же, какъ птенцовъ

Когда Рикки подошелъ къ дому, Тедди, его мать—она была еще очень блѣдна, потому что пролежала въ обморокѣ—и отецъ вышли ему навстрѣчу и чуть не заплакали надъ нимъ. Вечеромъ онъ ѣлъ все, что ему давали, до тѣхъ поръ, пока ужъ не могъ больше, а потомъ уснулъ на плечѣ Тедди, гдѣ мать увидала его тогда, когда пришла взглянуть на сына поздно ночью.

— Онъ спасъ намъ жизнь и Тедди также,—сказала мать мужу.—Подумать только: спасъ насъ всѣхъ!

Рикки-Тикки проснулся и вскочилъ: у ихневмоновъ сонъ чрезвычайно чуткій.

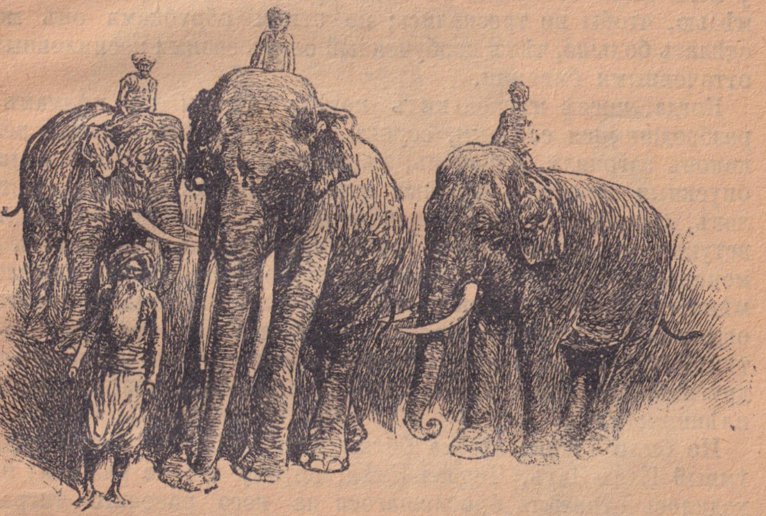
— А, это вы?—сказалъ онъ.—И чего вы тревожитесь? Всѣ кобры умерли; а если бы и не умерли, то вѣдь я здѣсь!

Рикки-Тикки имѣлъ право гордиться; но онъ не возгордился, но содержалъ садъ въ порядкѣ, какъ обязанъ дѣлать всякій ихневмонъ, пуская въ ходъ и зубы и проворство, и ни одна кобра не осмѣливалась больше просунуть голову черезъ ограду.

Тумаи Слоновый.

Кала-Нагъ, что значитъ „черная змѣя“, служилъ индусскому правительству всѣми способами, какими слонъ можетъ служить, въ продолженіе сорока семи лѣтъ, и такъ какъ ему было почти двадцать лѣтъ, когда его поймали, то теперь ему шелъ уже семидесятый годъ—зрѣлый возрастъ для слона. Онъ помнилъ, какъ съ большой кожаной повязкой на головѣ толкалъ пушку, завязшую въ глубокой грязи, что было передъ афганской войной въ 1842 г., когда онъ еще не вошелъ въ полную силу. Мать его, Радха-Піари-Радха, милочка, пойманная на одной охотѣ съ Кала-Нагомъ, сказала ему, еще прежде, чѣмъ

выпали его молочные клыки, что слонамъ, которые боятся, всегда приходится плохо, и Кала-Нагъ убѣдился, что это наставленіе очень справедливо, такъ какъ въ первый разъ, какъ передъ нимъ разорвало снарядъ, онъ отшатнулся, вскрикнувъ, и наткнулся прямо на стойку ружей, штыки которыхъ укололи самыя мягкія его части. Такимъ образомъ, еще раньше, чѣмъ ему минуло двадцать пять лѣтъ, онъ пересталъ пугаться и за это сталъ любимымъ слономъ на службѣ у индусскаго правительства и пользовался самымъ лучшимъ уходомъ. Во время похода въ Сѣверной Индіи онъ носилъ на своей спинѣ палатки.

Кала-Нагъ имѣлъ до плеча полныхъ десять футовъ; клыки у него были отпилены на пять футовъ и на концахъ окованы мѣдью.

по тысячѣ двѣсти пудовъ палатокъ; его поднимали съ помощью лебедки на корабль и нѣсколько дней везли по водѣ; а затѣмъ онъ носилъ на спинѣ мортиру въ чужой, гористой странѣ, очень далеко отъ Индіи, и видѣлъ, какъ императоръ абиссинскій Θеодоръ палъ мертвымъ въ Магдалѣ. Потомъ онъ вернулся на родину опять на пароходѣ, и солдаты говорили, что ему назначена медаль за абиссинскую войну. Десять лѣтъ спустя, онъ видѣлъ, какъ его товарищи, слоны, умирали отъ холода, голода и падучей болѣзни въ мѣстности, называемой Али-Мужжидъ; а потомъ его отправили на нѣсколько тысячъ миль южнѣе, чтобы таскать и складывать въ лѣсныхъ складахъ Мульмсина огромныя балки тековаго дерева. Тутъ онъ

чуть не убилъ непослушнаго молодого слона, который лѣниво исполнялъ свою долю работы.

Послѣ этого его взяли съ лѣсного склада и, вмѣстѣ съ нѣсколькими обученными слонами, употребляли для ловли дикихъ слоновъ въ холмахъ Гаро. Индусское правительство очень охраняетъ слоновъ. Есть цѣлое вѣдомство, которое только тѣмъ и занимается, что охотится за ними, ловитъ ихъ, приручаетъ и разсылаетъ во всѣ мѣста страны, гдѣ ихъ работа нужна.

Кала-Нагъ имѣлъ до плеча полныхъ десять футовъ; клыки у него были отпилены на пять футовъ и на концахъ окованы мѣдью, чтобы не трескались; но этими обрубками онъ могъ сдѣлать больше, чѣмъ необученный слонъ своими неспиленными, отточенными бивнями.

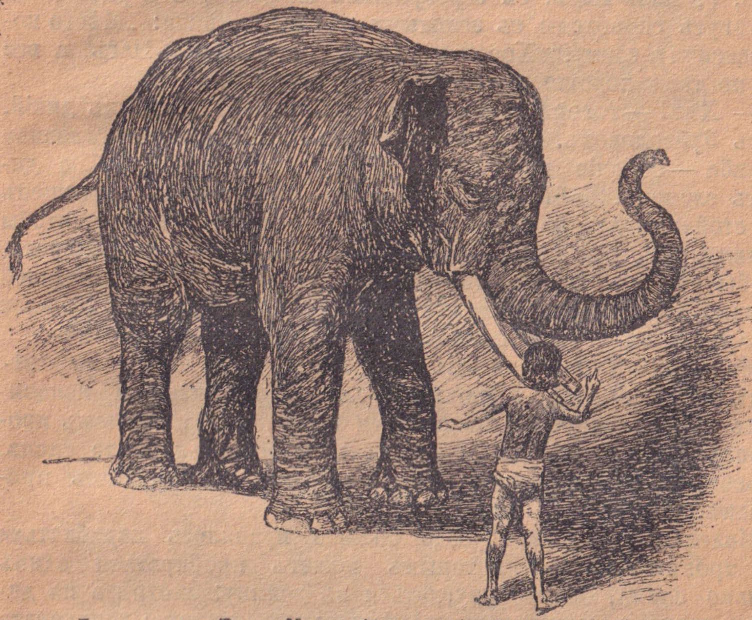
Когда, послѣ нѣсколькихъ недѣль погони по холмамъ за разбредшимися слонами, сорокъ или пятьдесятъ дикихъ великановъ загоняли, наконецъ, въ послѣднюю ограду, и огромныя опускныя ворота, сдѣланныя изъ связанныхъ древесныхъ стволовъ, съ шумомъ запирались за ними, Кала-Нагъ по командѣ вступалъ въ кругъ разсвирѣпѣвшихъ, громко кричавшихъ демоновъ—обыкновенно ночью, когда мерцающій огонь факеловъ мѣшалъ опредѣлить разстояніе,—и выбравъ самаго дикаго и огромнаго изъ стада, начиналъ колотить и тѣснить его до тѣхъ поръ, пока тотъ не затихалъ, между тѣмъ какъ люди на другихъ слонахъ стреноживали и связывали менѣе сильныхъ плѣнниковъ.

Не было такого пріема битвы, какого бы не зналъ старый, умный Кала-Нагъ, Черная Змѣя, потому что не разъ ему приходилось отражать бросившагося на него раненаго тигра, и онъ, поднявъ свой мягкій хоботъ, чтобъ звѣрь не могъ достать его, на полдорогѣ ловилъ прыгающаго хищника особеннымъ боковымъ движеніемъ головы, придуманнымъ имъ самимъ. Сбивъ тигра съ ногъ, онъ опускался на него громадными колѣнями и держалъ подъ собой, пока жизнь звѣря не улетала со вздохомъ и воемъ, и на землѣ оставалась полосатая мохнатая туша, которую Кала-Нагъ поднималъ за хвостъ.

— Да,—говорилъ Большой Тумаи, его вожакъ, сынъ Чернаго Тумаи, возившаго Кала-Нага въ Абиссинію, и внукъ Тумаи Слоноваго, присутствовавшаго при его поимкѣ,—ничего не боится Черная Змѣя, кромѣ меня. Три наши поколѣнія кормили и ухаживали за нимъ; да онъ увидитъ еще и четвертое.

— И меня онъ боится,—говорилъ Маленькій Тумаи, меньшой, опоясанный только тряпкой вмѣсто всякой другой одежды,

вытягиваясь во всю высоту своихъ четырехъ футовъ. Ему, старшему сыну Высокаго Тумаи, было восемь лѣтъ, и, по обычаямъ страны, онъ долженъ былъ, выросши, занять мѣсто отца на широкой шеѣ Кала-Нага и вооружиться *анкусомъ*—тяжелой желѣзной палкой съ остреемъ на концѣ, которое уже притупили его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ. Тумаи зналъ, что говорилъ, потому что онъ родился въ тѣни Кала-Нага, игралъ концомъ его хобота, прежде чѣмъ научился ходить, водилъ

— Да,—говорилъ Тумаи Маленькій,—онъ боится меня, и онъ подходилъ большими шагами къ слону.

слона на водопой, какъ только сталъ на ноги, и Кала-Нагу точно такъ же не пришло бы никогда въ голову ослушаться пискливыхъ приказаній мальчика, какъ не могло прійти на мысль убить его въ тотъ день, когда Большой Тумаи поднесъ смуглаго ребенка подъ клыки Кала-Нага и приказалъ послѣднему привѣтствовать своего будущаго повелителя.

— Да,—говорилъ Тумаи Маленькій,—онъ боится *меня*.—И онъ подходилъ большими шагами къ слону, называлъ его жирной старой свиньей и заставлялъ поднимать одну ногу за другой.

— У! ты, большой слонъ,—говорилъ Тумаи Меньшой, вертя своей пушистой головой и повторяя слышанное имъ отъ

отца.—Правительство хотя и платитъ за слоновъ, но хозяева ихъ мы, махауты *). Когда ты состарѣешься, Кала-Нагъ, придетъ какой-нибудь богатый раджа, и купитъ тебя у правительства за то, что ты такой большой и умѣешь такъ хорошо вести себя, и тогда тебѣ только и будетъ дѣла, что носить золотыя серьги въ ушахъ, золотую палатку на спинѣ, а на бокахъ попону изъ краснаго сукна, расшитую золотомъ и итти впереди королевскаго шествія. Тогда я буду сидѣть у тебя на шеѣ, о, Кала-Нагъ, съ серебрянымъ *анкусомъ*, а передъ нами побѣгутъ скороходы съ золотыми палками, крича: „Мѣсто королевскому слону!“ Хорошо будетъ тогда, Кала-Нагъ, а все же не такъ хорошо, какъ охота въ джунгляхъ!

— Хмъ! — говоритъ Большой Тумаи. — Ты мальчикъ дикій, какъ буйволенокъ. Не самая еще важная правительственная служба — бѣганіе въ горахъ. Я старѣюсь и не люблю дикихъ слоновъ. Дайте рядъ большихъ кирпичныхъ конюшенъ съ стойломъ для каждаго слона и крѣпкими тумбами, чтобы привязывать животныхъ, а также ровныя, широкія дороги, чтобы обучать ихъ, и это будетъ куда лучше вашей бродячей жизни. Хороши были бараки въ Каунпорѣ. Рядомъ помѣщался базаръ, и въ недѣлю приходилось работать всего три дня.

Маленькій Тумаи помнилъ казармы въ Каунпорѣ и не отвѣтилъ ничего. Онъ предпочиталъ лагерную жизнь и ненавидѣлъ широкія дороги, ежедневныя поѣздки за сѣномъ въ продовольственные склады и долгіе часы бездѣлья около слона, перебирающаго ногами у тумбы, къ которой онъ былъ привязанъ.

Маленькому Тумаи гораздо больше нравилось карабкаться по тропинкамъ, по которымъ можетъ пробираться одинъ только слонъ, быстро спускаться въ долину; смотрѣть на дикихъ слоновъ, пасущихся въ нѣсколькихъ миляхъ; вспугивать дикихъ свиней и павлиновъ, взлетавшихъ изъ-подъ ногъ Кала-Нага; ему нравилось мокнуть подъ теплымъ проливнымъ дождемъ, когда всѣ окрестные холмы и долины кажутся затянутыми дымомъ; онъ любилъ чудныя туманныя утра, когда не знаешь, гдѣ будешь ночевать слѣдующую ночь, гоняясь осторожно и упорно за дикими слонами, и, наконецъ, отчаянный натискъ, гиканье и игру въ рожокъ послѣдней ночи, когда слоны вкатывались въ изгородь, какъ камни въ обвалы, замѣчали, что уже не могутъ выйти обратно и бились о тяжелые столбы, отъ которыхъ ихъ отгоняли криками, маханіемъ горящихъ факеловъ и холостыми залпами.

*) *Махаутъ* (карнакъ)—слоновожатый на Цейлонѣ.

Кала-Нагъ спустилъ Тумаи на землю; онъ снова поклонился до земли и ушелъ за отцомъ, а серебряный аннасъ отдалъ матери, няньчившей меньшого сына. Потомъ вся семья

— Нѣтъ, не зеленое зерно, покровитель бѣдныхъ, а дыни, — отвѣчалъ Маленькій Тумаи.

взобралась на спину Кала-Нага, и вся вереница хрюкающихъ, визжащихъ слоновъ стала спускаться по горной тропинкѣ въ равнину. Переходъ былъ очень оживленный, благодаря новымъ

слонамъ, съ которыми приходилось возиться на каждомъ шагу, то лаская ихъ, то ударами заставляя ихъ итти.

Большой Тумаи кололъ Кала-Нага, потому что сердился; зато Маленькій Тумаи былъ слишкомъ счастливъ, чтобы говорить. Петерсенъ-саибъ замѣтилъ его и далъ ему денегъ, поэтому онъ чувствовалъ себя какъ рядовой, котораго главнокомандующій вызвалъ бы изъ рядовъ и похвалилъ передъ всѣми.

— Что это Петерсенъ-саибъ сказалъ о „пляскѣ слоновъ"?— спросилъ онъ, наконецъ, тихонько мать.

Большой Тумаи услыхалъ его и проворчалъ.

— Значитъ, что никогда тебѣ не бывать однимъ изъ тѣхъ горныхъ буйволовъ—загонщиковъ. Вотъ, что онъ хотѣлъ сказать. Эй, вы, тамъ впереди, кто загородилъ дорогу?

Одинъ изъ слоновожатыхъ, ассамецъ, ѣхавшій на два-три слона впереди, обернулся и сердито крикнулъ:

— Подведи Кала-Нага, пусть онъ образумитъ моего слоненка. И вздумалось же Петерсенъ-саибу выбрать меня, чтобы сопровождать васъ, ословъ, съ рисовыхъ полей. Тумаи, направь твою скотину сюда, пусть она поработаетъ своими бивнями. Клянусь всѣми горными богами, въ этихъ слоновъ вселился бѣсъ или они чуютъ своихъ товарищей въ джунгляхъ.

Кала-Нагъ ткнулъ молодого слона въ ребро и сразу выбилъ изъ него дурь, какъ выразился Большой Тумаи.

— Мы очистили холмы отъ дикихъ слоновъ въ послѣднюю охоту. А ты самъ не умѣешь управлять слономъ. Мнѣ, что ли, поддерживать порядокъ по всей линіи?

— Слушай его!—вмѣшался другой вожакъ.—*Мы* очистили! Хо! Хо! Нечего сказать, хитры вы, жители равнины. Только земляная голова, которой никогда не приходилось видать джунглей, не знаетъ, что *имъ* очень хорошо извѣстно, что охота на этотъ годъ кончена. Поэтому всѣ дикіе слоны сегодня ночью... Да чего мнѣ тратить мудрость передъ рѣчной черепахой?

— Что они будутъ дѣлать сегодня ночью?—воскликнулъ Маленькій Тумаи.

— А! И ты здѣсь, малышъ? Ну, хорошо: я разскажу тебѣ, потому что у тебя голова въ порядкѣ. Слоны будутъ сегодня плясать и совѣтую твоему отцу, который очистилъ *всѣ* холмы отъ *всѣхъ* слоновъ, затянуть свои колья двойной цѣпью на сегодняшнюю ночь.

— Что ты тамъ болтаешь?—сказалъ Большой Тумаи.— Сорокъ лѣтъ мы съ отцомъ ходили за слонами и никогда не слыхали такой чепухи о пляскѣ.

— Да; человѣкъ, живущій въ хижинѣ посреди равнины, не знаетъ ничего дальше четырехъ стѣнъ своего дома. Хорошо, оставь своихъ слоновъ на свободѣ сегодня ночью и посмотри, что будетъ. А что до пляски, я и мѣсто видалъ, гдѣ... *Бапри-банъ!* Да сколько поворотовъ у этой рѣки Диханга! Опять бродъ; опять переправлять слонятъ. Эй вы, тамъ позади, остановитесь!

Разговаривая, перебраниваясь, барахтаясь въ рѣкахъ, они подошли къ первой станціи для новыхъ слоновъ, но еще задолго до прибытія туда, всѣ потеряли терпѣніе.

Тутъ слоновъ приковали за заднія ноги къ большимъ тумбамъ и кольямъ, а на новыхъ слоновъ надѣли особыя путы и положили передъ ними кормъ. Послѣ этого горцы отправились подъ вечеръ обратно къ Петерсенъ-саибу и совѣтовали вожакамъ изъ равнины быть особенно осторожными этой ночью, смѣясь, когда тѣ спрашивали о причинѣ.

Маленькій Тумаи посмотрѣлъ, какъ Кала-Нагъ поужиналъ и потомъ весь вечеръ бродилъ въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа по лагерю, отыскивая *тамъ-тамъ*. Когда сердце индусскаго ребенка переполнено, онъ не станетъ кричать и шумѣть безъ толку. Онъ садится и наслаждается втихомолку. А сегодня съ Тумаи говорилъ Петерсенъ-саибъ! Но найди онъ того, чего искалъ, я думаю, онъ бы не выдержалъ. Но торговецъ сладостями на стоянкѣ одолжилъ ему то, что ему было нужно: маленькій *тамъ-тамъ*, барабанчикъ, по которому ударяютъ ладонью, и когда стали загораться звѣзды, онъ усѣлся, поджавъ ноги, передъ Кала-Нагомъ съ *тамъ-тамомъ* на колѣняхъ, и сталъ колотить въ него. И чѣмъ больше онъ думалъ о великой чести, оказанной ему, тѣмъ сильнѣе ударялъ онъ въ *тамъ-тамъ*, сидя на сѣнѣ, предназначенномъ для слона. Не было ни словъ ни мелодіи, но самое битье доставляло мальчику безконечное удовольствіе.

Новые слоны натягивали веревки и время отъ времени трубили въ хоботы и стонали; Тумаи слышалъ, какъ мать его убаюкивала его братишку старинной-старинной пѣснью о великомъ богѣ Шивѣ, который нѣкогда сказалъ всѣмъ животнымъ, что имъ ѣсть. Это была усыпляющая пѣсенка и въ первомъ ея стихѣ говорится: „Шива, разсыпавшій щедрой рукой урожай и заставившій дуть вѣтеръ, сидя давнымъ-давно у порога дня, далъ каждому его долю и пищи и труда и судьбы, начиная съ короля на тронѣ, и кончая нищимъ у воротъ. Все сдѣлалъ онъ, Шива, сохранитель—все сотворилъ онъ: и колючки для верблюда, и кормъ для коровы, и материнское сердце для сонной головки, мой милый сынокъ!“

Маленькій Тумаи весело стучалъ въ свой *тамъ-тамъ* при концѣ каждаго стиха, пока ему не захотѣлось спать, и тогда онъ растянулся на сѣнѣ у ногъ Кала-Нага.

Наконецъ слоны начали ложиться одинъ за другимъ, какъ обыкновенно, пока, наконецъ, на ногахъ не остался одинъ Кала Нагъ на правой сторонѣ ряда. Онъ медленно раскачивался изъ стороны въ сторону, нахлобучивъ уши напередъ, чтобы прислушиваться къ слабому ночному вѣтру, дувшему изъ горъ.

Воздухъ былъ полонъ всѣхъ тѣхъ ночныхъ шумовъ, которые, вмѣстѣ взятые, составляютъ великое молчаніе: звономъ стволовъ тростника, ударяющихся одинъ о другой, шуршаніемъ чего-то живого въ зарасляхъ, царапаньемъ и легкимъ крикомъ полупроснувшейся птицы,—птицы просыпаются ночью гораздо чаще, чѣмъ мы себѣ представляемъ это,—и паденіемъ воды гдѣ-то далеко-далеко.

Маленькій Тумаи спалъ нѣкоторое время. Когда онъ проснулся, мѣсяцъ свѣтилъ ярко, а Кала-Нагъ все продолжалъ стоять, нахлобучивъ уши. Тумаи перевернулся на другой бокъ, шурша сѣномъ, и посмотрѣлъ на изгибъ широкой спины слона, заслонявшей половину звѣздъ на небѣ, и прислушавшись онъ услыхалъ вдали, такъ далеко, что звукъ, какъ будто тонкая иголка пронизывалъ воздухъ, крикъ дикаго слона, трубящаго въ хоботъ.

Всѣ слоны въ ряду вскочили, будто отъ выстрѣла, и ихъ крики разбудили, наконецъ, спавшихъ махаутовъ; они вышли съ большими молотами, которыми глубже вколотили тумбы, еще туже привязали веревки и подождали, пока все успокоилось. Одинъ изъ новыхъ слоновъ почти выворотилъ свою тумбу, и Большой Тумаи, снявъ цѣпь съ ногъ Кала-Нага, стреножилъ у молодого слона заднюю ногу съ передней; вокругъ же ногъ Кала-Нага обмоталъ веревку, свитую изъ травы, и напомнилъ ему, что онъ связанъ крѣпко. Онъ зналъ, что онъ самъ, и его отецъ и его дѣдъ сто разъ дѣлали то же. Кала-Нагъ не отвѣтилъ на его слова своимъ обычнымъ ворчаніемъ. Онъ стоялъ тихо, нѣсколько поднявъ голову, оттопыривъ уши, какъ вѣера, и всматриваясь въ лунный свѣтъ по направленію къ холмамъ Гаро.

— Присмотри за нимъ, если онъ станетъ безпокоиться ночью,—сказалъ Большой Тумаи сыну и ушелъ въ хижину, гдѣ опять улегся спать. И маленькій Тумаи также засыпалъ, какъ вдругъ услыхалъ звукъ лопнувшей кокосовой веревки, и Кала-Нагъ сталъ отходить отъ своего столба такъ же медленно и безшумно, какъ облако, выходящее изъ ущелья. Маленькій

Тумаи зашлепалъ за нимъ своими босыми ногами по дорогѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, шопотомъ прося:

— Кала-Нагъ! Кала-Нагъ! Возьми меня съ собой!

Слонъ обернулся, не издавъ ни одного звука, сдѣлалъ три шага обратно къ мальчику по залитой луннымъ свѣтомъ дорожкѣ, опустилъ хоботъ, захватилъ имъ Тумаи и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ расправить колѣни, направился въ лѣсъ.

Со стороны лагеря донесся взрывъ слоновьяго рева, затѣмъ все погрузилось въ тишину, и Кала-Нагъ пошелъ. По временамъ густая высокая трава ложилась вдоль его боковъ, какъ волна ложится вдоль бортовъ корабля; по временамъ лоза дикаго винограда хлестала вдоль его спины или трещалъ бамбукъ, когда слонъ задѣвалъ его плечомъ, но все это время онъ шелъ, буквально не издавая ни звука, скользя по густому лѣсу, какъ дымъ. Онъ шелъ въ гору, но, несмотря на то, что Тумаи всматривался въ звѣзды между вѣтвями деревьевъ, онъ не могъ опредѣлить направленія.

Наконецъ Кала-Нагъ взялъ послѣдній подъемъ и остановился на минуту; Маленькій Тумаи могъ видѣть освѣщенныя луннымъ сіяніемъ темныя пятна густой чащи древесныхъ верхушекъ, тянувшихся на много миль и голубовато-бѣлый туманъ надъ рѣкой въ ущельи. Тумаи нагнулся впередъ и, вглядѣвшись, замѣтилъ, что лѣсъ подъ нимъ не спитъ, а живетъ и кишитъ живыми существами. Большая бурая летучая мышь, питающаяся плодами, задѣла, пролетая мимо, его за ухо; иглы дикобраза зашуршали въ травѣ, а въ темнотѣ, между стволами деревьевъ, мальчикъ услыхалъ, какъ барсукъ рылъ влажную теплую землю, громко фыркая.

Затѣмъ вѣтви снова сомкнулись надъ его головой, и Кала-Нагъ началъ спускаться въ долину на этотъ разъ не спокойно, но какъ сорвавшаяся пушка, скатывающаяся по крутому скату, почти бѣгомъ. Огромныя конечности работали правильно, какъ поршни, дѣлая по девяти футовъ однимъ шагомъ, и сморщенная кожа на колѣнныхъ суставахъ шуршала. Кустарникъ по обѣ стороны слона разступался съ шумомъ разрываемой ткани; молодыя деревца, которыя онъ раздвигалъ на пути своими плечами, снова принимали прежнее положеніе, хлеща его по бокамъ, а длинныя спутанныя вѣтви вьющихся растеній повисали у него на клыкахъ, когда онъ поворачивалъ голову изъ стороны въ сторону, пролагая себѣ дорогу. Тумаи прижался къ широкой шеѣ слона, чтобы какая-нибудь вѣтвь не снесла его; въ душѣ онъ желалъ бы поскорѣй вернуться на стоянку.

Трава стала рѣдѣть, и ноги Кала-Нага ступая начали шлепать и вязнуть, а ночной туманъ пронизывалъ Маленькаго Тумаи холодомъ до мозга костей. Послышался всплескъ и топанье, шумъ текущей воды, и Кала Нагъ сталъ перебираться черезъ рѣку, осторожно ощупывая дно на каждомъ шагу. Сквозь шумъ воды, кружившейся вокругъ ногъ слона, Тумаи могъ разобрать плескъ и слоновьи крики, несшіеся внизъ и вверхъ по рѣкѣ, глухое хрюканье и сердитый храпъ, а весь туманъ кругомъ, казалось, наполнился колеблющимися, перекатывающимися тѣнями.

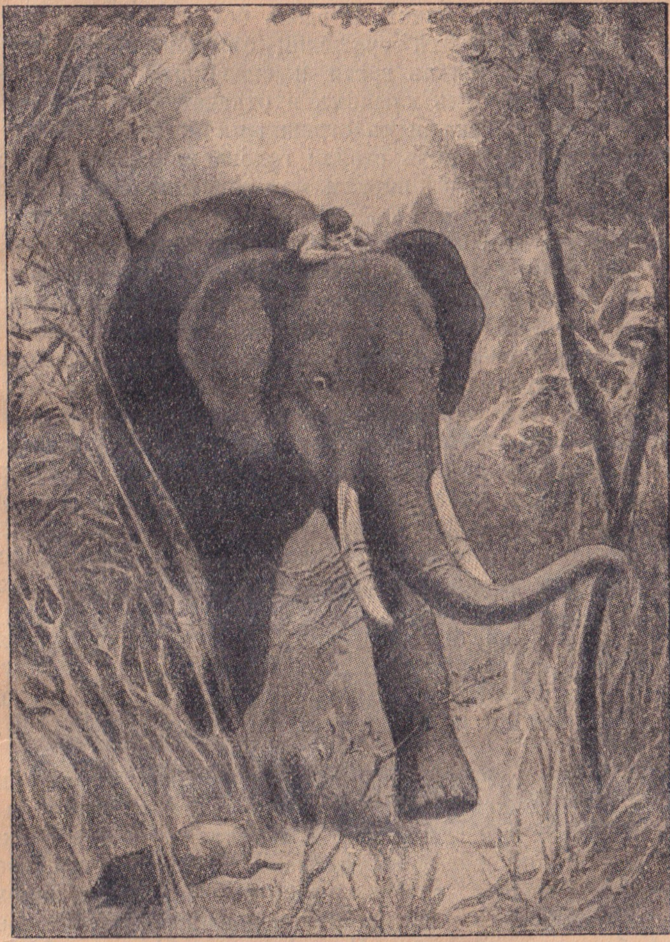
— Ай!—вполголоса вскрикнулъ мальчикъ.—Слоны освободились сегодня ночью. Стало-быть, будетъ пляска.

Кала-Нагъ вылѣзъ изъ воды, продулъ хоботъ и снова началъ подниматься въ гору, но на этотъ разъ онъ уже былъ не одинъ, и ему не приходилось пролагать себѣ дорогу. Впереди лежала просѣка шести футовъ ширины, гдѣ притоптанная трава пыталась снова подняться и оправиться. Много слоновъ, повидимому, прошло здѣсь всего нѣсколько минутъ тому назадъ. Тумаи оглянулся и увидалъ позади себя огромнаго дикаго слона съ свиными глазками, горящими какъ раскаленные угли, подымающагося изъ рѣки, покрытой туманомъ. Потомъ деревья снова сомкнулись и слоны опять съ трескомъ шли вверхъ, трубя въ хоботы, и по обѣ стороны раздавался шумъ отъ ломавшихся вѣтвей.

Наконецъ Кала-Нагъ остановился между двумя древесными стволами на самой вершинѣ холма. Эти деревья составляли часть древеснаго круга, обхватывавшаго пространство около десятины, и на всей этой площадкѣ земля, какъ увидалъ Тумаи, была притоптана плотно, какъ кирпичный полъ. Посрединѣ росло нѣсколько деревьевъ, но ихъ кора была ободрана, и бѣлое дерево подъ ней сверкало при лунномъ свѣтѣ, какъ полированное. Съ верхнихъ вѣтвей спускались ползучія растенія, и ихъ цвѣты, большіе бѣлые колокольчики, похожіе на ландыши, висѣли внизъ будто объятые сномъ, но на всей площадкѣ не было ни одного зеленаго листочка—всюду одна вытоптанная трава.

При лунномъ свѣтѣ на всемъ лежалъ желѣзно-сѣрый оттѣнокъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли слоны, и ихъ тѣни выдѣлялись черными пятнами. Тумаи смотрѣлъ, затаивъ дыханіе; глаза у него вылѣзли на лобъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ вглядывался, все новые и новые слоны выходили на площадку изъ промежутковъ между древесными стволами. Тумаи умѣлъ считать всего до десяти; онъ снова и снова пересчитывалъ по пальцамъ, пока не потерялъ счетъ десяткамъ и у

него не закружилась голова. Онъ слышалъ, какъ, поднимаясь по скату холма, слоны сокрушали молодую заросль, но выйдя на открытое мѣсто, они двигались безшумно, какъ привидѣнія.

Тумаи прижался къ широкой шеѣ слона, чтобы какая-нибудь вѣтвь не снесла его.

Тутъ были дикіе самцы съ бѣлыми бивнями, всѣ осыпанные листьями, вѣтвями и орѣхами, застрявшими въ морщинахъ ихъ шеи и складкахъ ушей; жирныя, медленныя на ходу самки, съ безпокойными черно-розоватыми слонятами фута въ

три-четыре высоты, бѣжавшими у нихъ подъ брюхомъ; молодые слоны съ только что пробивающимися клыками, которыми они очень гордились; дряблыя старыя слонихи, съ обвисшей кожей и бивнями, шероховатыми, какъ кора; дикіе старые слоны, покрытые отъ плечъ и вдоль боковъ рубцами и шрамами, слѣдами бывалыхъ сраженій, съ грязью, засохшей на плечахъ послѣ валянія въ грязи и спадавшей кусками; былъ одинъ съ обломленнымъ клыкомъ и отпечаткомъ лапы—ужаснымъ шрамомъ, оставленнымъ страшными когтями тигра.

Всѣ эти сотни слоновъ стояли голова въ голову или прохаживались по площадкѣ парами или раскачивались и бродили по одиночкѣ.

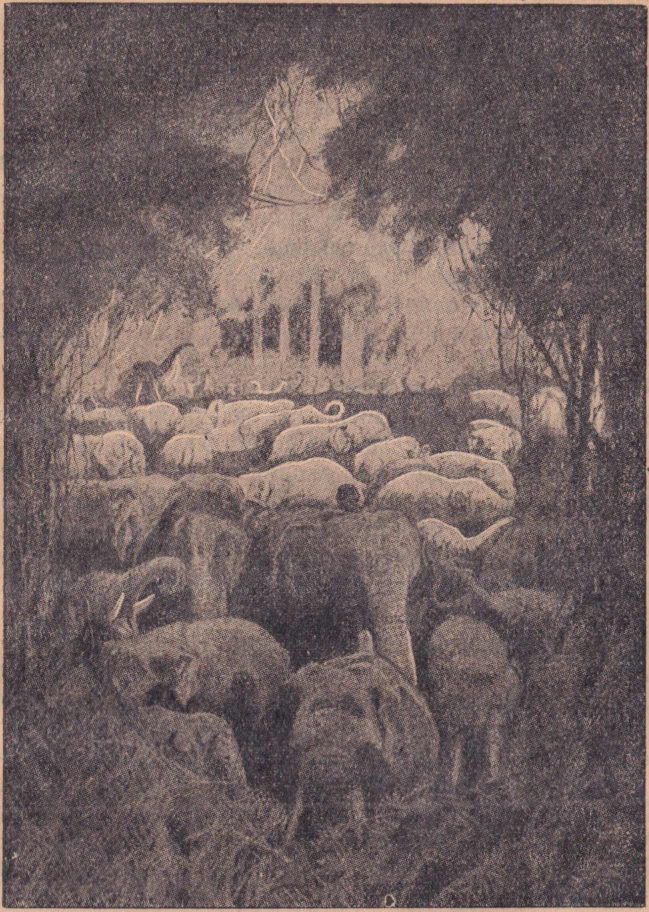
Тумаи зналъ, что, пока онъ лежитъ на шеѣ Кала-Нага, съ нимъ ничего не случится, потому что даже въ свалкѣ и сумятицѣ загона дикій слонъ не стащитъ хоботомъ человѣка со спины ручного слона, а эти слоны и думать позабыли о людяхъ въ эту ночь. Однажды они насторожились и сдвинули уши напередъ, услыхавъ звукъ желѣзной цѣпи въ лѣсу, но то оказалась Пудмини—любимая слониха Петерсена-саиба, которая, хрипя и пыхтя, взбиралась по холму, таща за собой обрывокъ цѣпи. Она, вѣроятно, сломала столбъ, къ которому была привязана, и шла прямо изъ лагеря Петерсена-саиба; кромѣ того, Маленькій Тумаи увидалъ другого слона, незнакомаго ему, съ глубокими ссадинами отъ веревки на спинѣ и груди; и этотъ, повидимому, убѣжалъ также изъ какого-нибудь лагеря въ холмахъ.

Наконецъ уже не было слышно слоновъ, двигавшихся по лѣсу, и Кала-Нагъ выступилъ изъ промежутка между деревьями и вмѣшался въ середину слоновъ, курныча и клохча, и всѣ слоны начали разговаривать на своемъ языкѣ и двигаться.

Тумаи, все лежа, смотрѣлъ сверху на десятки широкихъ спинъ, колыхавшихся ушей, поднимающихся хоботовъ и маленькихъ бѣгавшихъ глазъ. Онъ слышалъ звонъ бивней, когда одинъ изъ слоновъ нечаянно задѣвалъ другого, сухой трескъ ломающихся стволовъ, треніе одинъ о другой огромныхъ боковъ и плечъ въ тѣснотѣ и безпрестанный свистъ и лязганье въ воздухѣ большихъ хвостовъ. На мѣсяцъ набѣжало облако, и все погрузилось въ глубокій мракъ; но быстрый, постоянный шорохъ отъ движенія и курлыканье продолжались. Тумаи зналъ, что Кала-Нагъ окруженъ слонами, и что его невозможно вывести изъ собранія; поэтому онъ лежалъ, сжавъ зубы и дрожа. Въ *Кеддѣ* былъ, по крайней мѣрѣ, свѣтъ отъ факеловъ и люди перекликались, здѣсь же онъ очутился одинъ

въ темнотѣ, а разъ какъ-то свалившійся сукъ задѣлъ его по колѣну.

Послышался трубный звукъ слона, и всѣ трубили въ одинъ голосъ цѣлыхъ пять минутъ. Роса падала съ деревьевъ какъ

Тумаи, все лежа, смотрѣлъ сверху на десятки широкихъ спинъ, колыхавшихся ушей, поднимавшихся хоботовъ и маленькихъ бѣгавшихъ глазъ.

дождь на невидимыя спины; послышался глухой гулъ, сначала не громкій,—Тумаи не могъ понять что это такое,—но затѣмъ все громче и громче. Кала-Нагъ сталъ поочередно поднимать одну, и опускать то одну, то другую изъ своихъ переднихъ

ногъ съ правильностью бабъ, вбивающихъ сваи. Теперь всѣ слоны топотали заразъ и получался звукъ въ родѣ барабана. Роса падала съ деревьевъ, пока уже нечему было падать; гулъ продолжался; земля дрожала и колебалась, и Тумаи схватился за уши руками, чтобы не слышать всего этого гула. Но все его тѣло встряхивало одно гигантское сотрясеніе—этотъ топотъ сотенъ тяжелыхъ ногъ на твердой землѣ. Раза два Тумаи почувствовалъ, какъ Кала-Нагъ и всѣ другіе слоны рванулись впередъ и топотъ превратился въ хряскъ уничтожаемой сочной зелени; но спустя минуту топотъ возобновился. Гдѣ-то вблизи его затрещало и застонало дерево. Онъ вытянулъ руку и ощупалъ кору, но Кала-Нагъ двинулся дальше, все продолжая топать, и Тумаи не могъ опредѣлить, на какомъ мѣстѣ площадки они находились. Слоновъ не было слышно, только разъ, другой двa-три слоненка взвизгнули сразу. Послѣ того послѣдовалъ толчокъ и перемѣщеніе, а потомъ покачиваніе продолжалось. Такъ прошло, по крайней мѣрѣ, два часа; у Тумаи не оставалось мѣста живого на тѣлѣ. По запаху же ночного воздуха, онъ чувствовалъ, что заря близка.

Утро занялось желтой полосой за зелеными холмами, и съ первыми лучами солнца пляска прекратилась, какъ будто свѣтъ былъ приказомъ. Прежде чѣмъ звонъ улегся въ ушахъ Тумаи, прежде даже чѣмъ онъ успѣлъ перемѣнить положеніе, не осталось на мѣстѣ ни одного слона, кромѣ Кала-Нага, Пудмини и слона со ссадинами отъ веревокъ, а по скатамъ холма не слышно было ни шороха ни шопота, которые указали бы, куда дѣвались другіе.

Маленькій Тумаи все смотрѣлъ и смотрѣлъ. Насколько онъ помнитъ, площадка расширилась за ночь. Посрединѣ оказалось больше деревьевъ, но заросль и высокая трава по краямъ отодвинулись дальше. Тумаи еще разъ взглянулъ. Онъ понялъ причину топота. Слоны расширяли площадку: они вытоптали густую траву и сочный тростникъ превратили въ солому, расщепленную солому—въ тонкія нити, а нити утоптали въ твердую землю.

— Ай! Ай! — сказалъ Тумаи, глаза котораго слипались.— Кала-Нагъ, господинъ мой, пойдемъ за Пудмини въ лагерь Петерсенъ-саиба; а не то я свалюсь съ твоей спины.

Третій слонъ посмотрѣлъ вслѣдъ двумъ удалившимся товарищамъ, фыркнулъ, повернулся и пошелъ своей дорогой. Онъ, можетъ-быть, принадлежалъ какому-нибудь изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, имѣвшихъ свою резиденцію миляхъ въ шестидесяти или ста.

Два часа спустя, когда Петерсенъ сидѣлъ за утреннимъ завтракомъ, слоны, прикованные въ прошлую ночь двумя цѣ-

пями, начали трубить, и Пудмини, выпачканная до плечей, вступила въ лагерь въ сопровожденіи Кала-Нага, сильно разбитаго на ноги.

Лицо Маленькаго Тумаи посѣрѣло, глаза ввалились; волосы были перепутаны съ листьями и мокры отъ росы. Однако онъ попытался привѣтствовать Петерсенъ-саиба и слабо крикнулъ:

— Плясали... Слоны плясали! Я видѣлъ... Умираю!

Кала-Нагъ присѣлъ, мальчикъ свалился съ его шеи въ глубокомъ обморокѣ.

Но такъ какъ туземныя дѣти вообще не нервны, то черезъ два часа мальчуганъ лежалъ весьма уютно въ гамакѣ Петерсена-саиба съ охотничьей курткой Петерсена-саиба подъ головой, а возлѣ стоялъ стаканъ теплаго молока; передъ тѣмъ онъ уже проглотилъ немного водки съ дозой хинина. Кругомъ сидѣли старые, бородатые, покрытые шрамами охотники джунглей и смотрѣли на него, будто онъ былъ духъ; онъ же въ короткихъ словахъ, по-дѣтски, разсказывалъ происшедшее съ ними и закончилъ:

— Если я хоть одно слово совралъ, пошлите кого-нибудь посмотрѣть; и онъ увидитъ, что слоны вытоптали себѣ залу побольше, и найдетъ слѣдъ десяти, и еще разъ десяти, и много разъ десяти слоновъ, который ведетъ къ залу, гдѣ они плясали. Они все утаптывали, чтобы было побольше мѣста. Я видѣлъ. Кала-Нагъ привезъ меня туда, и я видѣлъ. И Кала-Нагъ очень усталъ.

Тумаи улегся и проспалъ до самыхъ сумерекъ; а пока онъ спалъ Петерсенъ-саибъ и Махуа Аппа прошли много миль по слоновымъ слѣдамъ. Петерсенъ-саибъ девятнадцать лѣтъ ловилъ слоновъ и только одинъ разъ ему пришлось видѣть слоновый танцовальный залъ. Махуа Аппѣ стоило только взглянуть на просѣку или поцарапать пальцемъ сбитую, утоптанную землю, чтобъ понять, что было сдѣлано.

— Мальчикъ говоритъ правду,—сказалъ онъ.—Все это сдѣлано прошедшей ночью, и я счелъ семьдесятъ слѣдовъ у брода. Взгляните, саибъ, вотъ гдѣ цѣпь Пудмини содрала кору дерева. Да, и наша слониха была здѣсь.

Они смотрѣли другъ на друга, изумляясь: человѣкъ, будь онъ бѣлый или темнокожій, никогда не въ состояніи вполнѣ изучить умъ слона.

— Сорокъ пять лѣтъ ходилъ я за своимъ господиномъ, слономъ,—заговорилъ Махуа Аппа,—но никогда не слыхалъ, чтобы кому либо приходилось видѣть то, что видѣлъ этотъ мальчикъ. Клянусь всѣми горными богами!—Что можно подумать про это?—И онъ покачалъ головой.

Когда они вернулись въ лагерь, было время ужинать. Петерсенъ-саибъ ужиналъ одинъ въ своей палаткѣ, но онъ отдалъ приказаніе, чтобы людямъ выдали двухъ барановъ и домашней птицы, а также двойную порцію муки, риса и соли, такъ какъ зналъ, что будетъ пиръ.

Большой Тумаи прибѣжалъ изъ стоянки въ равнинѣ, отыскивая сына и слона. Теперь, увидавъ ихъ обоихъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, будто боясь ихъ. Вокругъ горящихъ костровъ, передъ рядами привязанныхъ къ тумбамъ слоновъ, шелъ пиръ, и Ма-

Весь рядъ слоновъ, вскинули свои хоботы такъ, что кончикъ касался лба, и полнымъ голосомъ затрубили привѣтствіе въ честь Маленькаго Тумаи.

ленькій Тумаи былъ героемъ его. Высокіе темнокожіе загонщики слоновъ, выслѣживатели, ловцы и люди, умѣвшіе укротить самаго дикаго слона, передавали мальчика другъ другу. Они сдѣлали ему на лбу знакъ кровью убитаго дикаго пѣтуха, въ знакъ того, что онъ лѣсной житель, посвященный и свободный.

Наконецъ, когда огни погасли, и отъ багроваго отблеска головешекъ слоны казались будто облитыми кровью, Махуа Аппа, начальникъ загонщиковъ всѣхъ *Кедда*,—Махуа Аппа, второй Петерсенъ-саибъ, не видавшій сорокъ лѣтъ проложенной дороги; Махуа Аппа такой знаменитый, что у него не было другого имени, кромѣ Махуа Аппа—самъ Махуа Аппа всталъ и, держа Маленькаго Тумаи высоко надъ головой, сказалъ:

— Послушайте, братья; послушайте и вы, мои повелители, стоящіе тамъ въ рядахъ, потому что я, Махуа Аппа, хочу говорить! Теперь этого мальчика ужъ не будутъ больше звать Маленькій Тумаи, но Тумаи Слоновымъ, какъ звали до него его прадѣда. Онъ въ длинную ночь видѣлъ то, чего никогда не видалъ человѣкъ: его полюбили слоны и боги джунглей. Изъ него выйдетъ великій охотникъ; онъ будетъ даже знаменитѣе меня—меня, Махуа Аппа! Онъ свѣтлымъ глазомъ опредѣлитъ и новый и старый, и смѣшанный слѣдъ! Ему ничего не сдѣлается, когда онъ въ *Кедда* станетъ пробираться подъ брюхами слоновъ, чтобы связать стараго самца съ огромными бивнями; а если ему придется поскользнуться у ногъ передового слона, этотъ вожакъ узнаетъ, кто онъ, и не раздавитъ его. *Айхэ!* Повелители мои въ цѣпяхъ—обратился онъ къ ряду слоновъ—вотъ малютка, видѣвшій, какъ вы плясали въ своемъ потаенномъ мѣстѣ, видѣвшій то, чего не видалъ ни одинъ человѣкъ! Отдайте ему честь, повелители! *Салаамъ каро*, дѣти мои! Привѣтствуйте Тумаи Слоноваго! Гунга Першэдъ, *ахаа!* Хира Гуй, Бирчи Гуй, Кутюгаръ Гуй, *ахаа!* Пудминита видѣла его на пляскѣ, и ты также, Кала-Нагъ, жемчужина между слонами!—*ахаа!* Всѣ за разъ! Въ честь Тумаи Слоноваго. *Баррао!*

При послѣднемъ дикомъ возгласѣ весь рядъ слоновъ вскинулъ свои хоботы такъ, что кончикъ касался лба, и полнымъ голосомъ затрубилъ привѣтствіе — оглушительный трубный залпъ, который слышитъ только индусскій вице-король—*саламутъ Кедды*.

И все это въ честь Маленькаго Тумаи, видѣвшаго то, чего не видалъ ни одинъ человѣкъ передъ тѣмъ,—пляску слоновъ ночью, когда онъ очутился одинъ въ глуши холмовъ Гаро!

Слуги ея величества.

Цѣлый мѣсяцъ дожди лили, не переставая, на лагерь въ мѣстности, называемой Раваль Пайнди, гдѣ тридцать тысячъ человѣкъ, тысячи верблюдовъ, слоновъ, лошадей, воловъ и муловъ было собрано для смотра вице-королемъ Индіи. Вице-король принималъ у себя эмира афганскаго—дикаго повелителя дикой страны, а съ эмиромъ прибылъ отрядъ тѣлохранителей изъ восьмисотъ человѣкъ и лошадей, никогда еще не видавшихъ ни лагеря ни локомотива—дикихъ людей и дикихъ лошадей изъ разныхъ глухихъ мѣстностей Центральной Азіи. Каждую ночь, то лошади срывались съ коновязей и мча-

лись по лагерю въ грязи и темнотѣ, то вырывались верблюды и, мечась по лагерю, падали, спотыкаясь о веревки палатокъ. Можете себѣ представить, какъ это было пріятно для людей, хотѣвшихъ спать. Моя палатка стояла поодаль отъ помѣщенія верблюдовъ, и я думалъ, что ей не грозитъ никакой опасности; но однажды ночью, черезъ полы входа просунулась голова человѣка, и онъ крикнулъ:

— Вставайте! Скорѣй! Они мчатся сюда! Мою палатку ужъ опрокинули!

Я догадался, кто это „они"; надѣлъ сапоги, накидку и вышелъ подъ ливень. Маленькая Виксенъ, мой фоксъ-терьеръ, выбѣжала съ другой стороны, а затѣмъ послышался ревъ, фырканье, шлепанье; моя палатка перекувырнулась, и вырванные шесты заплясали въ воздухѣ, какъ привидѣнія. На палатку налетѣлъ верблюдъ, и, весь мокрый и разсерженный, я не могъ удержаться отъ смѣха. Потомъ я побѣжалъ, не зная, сколько верблюдовъ вырвалось, и скоро потерялъ изъ виду лагерь, бредя по грязи.

Наконецъ я упалъ, наткнувшись на казенную часть пушки, и по этому догадался, что нахожусь гдѣ-нибудь около артиллерійскихъ линій, гдѣ пушки составлялись на ночь. Такъ какъ мнѣ вовсе не было желательно бродить дальше въ темнотѣ по грязи, то я повѣсилъ свой непромокаемый плащъ на дуло одной изъ пушекъ и съ помощью двухъ-трехъ найденныхъ жердей, которыя положилъ на дуло другой пушки, устроилъ себѣ родъ шалаша. Меня занималъ вопросъ, гдѣ я могъ быть, и куда дѣвалась Виксенъ.

Только что я было началъ дремать, какъ услыхалъ бряцаніе сбруи и мимо меня пробѣжалъ мулъ, отряхая свои мокрыя уши. Онъ былъ изъ батареи нарѣзныхъ орудій: я слышалъ бряцаніе колецъ, цѣпочекъ и различныхъ принадлежностей у его сѣдла. Нарѣзныя пушки—изящныя орудія, состоящія изъ двухъ частей, которыя соединяются вмѣстѣ, когда наступаетъ время пустить ихъ въ ходъ. Ихъ употребляютъ въ горахъ, вообще вездѣ, гдѣ можетъ пройти мулъ, и они очень удобны при войнѣ въ гористыхъ мѣстностяхъ.

За муломъ послѣдовалъ верблюдъ, шлепавшій и скользившій въ грязи на своихъ большихъ мягкихъ ногахъ и вертѣвшій во всѣ стороны своей длинной шеей, какъ заблудившаяся курица. Къ счастью, я отъ туземцевъ настолько познакомился съ языкомъ животныхъ,—конечно, не дикихъ звѣрей, но домашнихъ животныхъ,—что могъ понять, чего хотѣлъ верблюдъ.

Вѣроятно, это былъ одинъ изъ тѣхъ, которые налетѣли на мою палатку, потому что онъ кричалъ мулу:

— Что мнѣ дѣлать? Куда итти? Я сражался съ какой-то бѣлой вещью, которая взлетѣла на воздухъ, схватила палку и ударила меня по шеѣ. (То была сломаная жердь отъ моей палатки, и я былъ радъ, что это случилось). Бѣжать намъ дальше?

— А, такъ это ты съ своими друзьями взбудоражилъ весь лагерь? Отлично! Утромъ васъ за это вздуютъ, а я, съ своей стороны, тоже проберу тебя.

Я услыхалъ, какъ опять залязгала сбруя мула, когда онъ два раза лягнулъ верблюда въ бока, такъ что отдалось, точно ударъ по барабану.

— Не станешь бѣгать ночью по батареямъ, будоража всѣхъ. Сиди и держи смирно свою упрямую шею.

Верблюдъ поджался по-верблюжьи, какъ складной футъ, и сидѣлъ хныча. Въ темнотѣ послышались мѣрные удары копытъ, и къ намъ подскакала большая полковая лошадь такимъ ровнымъ аллюромъ, какъ будто на парадѣ, перескочила черезъ лафетъ и остановилась возлѣ самаго мула.

— Безобразіе,—начала она, раздувая ноздри,—опять эти верблюды проскакали по нашимъ линіямъ—третій разъ въ одну недѣлю. Ну, какъ лошади соблюдать себя въ порядкѣ, если ей не даютъ спать? Кто тутъ?

— Это я, вьючный мулъ при пушкѣ номеръ 2 изъ первой нарѣзной батареи,—сказалъ мулъ,—а другой,—одинъ изъ вашихъ друзей. И меня они разбудили. Кто вы?

— Номеръ пятнадцатый. Эскадрона Е, девятаго уланскаго полка, лошадь Дика Кенлиффа. Отстранитесь-ка немного.

— О, извините,—сказалъ мулъ.—Такъ темно, что ничего не разсмотришь. И что за противныя животныя эти верблюды. Я вышелъ изъ своихъ линій, чтобы нѣсколько успокоиться и отдохнуть здѣсь.

— Господа,—покорно возразилъ верблюдъ,—намъ въ прошлую ночь снились дурные сны, и мы очень испугались. Я простой вьючный верблюдъ 39 туземнаго пѣхотнаго полка, и не такой храбрый, какъ вы.

— Такъ какого же чорта ты не остался возить вьюки 39 полка, а вздумалъ бѣгать по лагерю?—сказалъ мулъ.

— Ужъ очень страшные сны намъ снились, — оправдывался верблюдъ.—Теперь я раскаиваюсь. Послушайте! Что это? Развѣ намъ опять надо бѣжать?

— Присядь, — сказалъ мулъ, — иначе запутаешься своими долговязыми ногами между орудіями.—Онъ насторожилъ одно изъ своихъ длинныхъ ушей, прислушиваясь.—Волы!—сказалъ онъ,—вьючные волы. Да, ты и твои друзья перебудили весь лагерь. Не мало надо шума, чтобы разбудить вола.

Я услыхалъ звукъ цѣпи, тащившейся по землѣ, и показалась пара большихъ яремныхъ бѣлыхъ воловъ, которые возятъ тяжелыя орудія на переднія позиціи, куда слоны отказываются итти. Они шли вмѣстѣ, плечо о плечо, и почти наступая на ихъ цѣпь, за ними слѣдовалъ еще мулъ, громко призывавшій какого-то „Билли".

— Это одинъ изъ нашихъ новобранцевъ, — объяснилъ старый мулъ лошади.—Онъ зоветъ меня. Ну, перестань скулить, юнецъ; темнота еще никому не вредила.

Волы улеглись рядомъ и принялись пережевывать жвачку, а молодой мулъ присосѣдился къ Билли.

— Да; дѣла, Билли! Страшно! Они ворвались въ наши линіи, когда мы спали. Не убьютъ они насъ?

— Слѣдовало бы тебя отлягать хорошенько, — отвѣчалъ Билли.—Подумаешь, такой обученный мулъ, и роняетъ репутацію всей батареи передъ этимъ господиномъ!

— Тише, тише!—прервалъ конь.—Они вѣдь всегда таковы въ началѣ. Въ первый разъ, какъ мнѣ пришлось увидать человѣка—это случилось въ Австраліи, когда мнѣ было три года,—такъ и я пробѣгалъ цѣлыхъ полдня, а если бы увидалъ верблюда, то, вѣроятно, бѣгалъ бы еще и теперь.

Почти всѣхъ лошадей для индійской кавалеріи привозятъ изъ Австраліи, и ихъ уже объѣзжаютъ солдаты на мѣстѣ.

— Ваша правда,—согласился Билли.—Ну, перестань же трястись, юнецъ. Въ первый разъ, какъ на меня надѣли полную сбрую со всѣми цѣпями, я сталъ бить задомъ и сбросилъ все дочиста. Тогда я еще не умѣлъ брыкаться какъ слѣдуетъ, но батарея говоритъ, что никогда не видала ничего подобнаго.

— Но теперь вѣдь звенѣла не сбруя,—возразилъ молодой мулъ.—Ты вѣдь знаешь, Билли, что я ужъ привыкъ. А тамъ было что-то въ родѣ деревьевъ, что падало по всѣмъ линіямъ и плескалось; веревка, на которой я былъ привязанъ, оборвалась, и я не могъ найти своего погонщика, не могъ найти и тебя, Билли; поэтому я убѣжалъ съ этими джентльменами.

— Хмъ!—проговорилъ Билли.—Какъ только я услыхалъ, что верблюды сорвались, я и самъ ушелъ не торопясь. Когда батарейный мулъ—мулъ, ходящій подъ нарѣзнымъ орудіемъ, называетъ вьючныхъ воловъ „джентльменами", это значитъ, что онъ очень потрясенъ. Это что за народъ тутъ разлегся?

Волы проглотили жвачку и отвѣтили за разъ:

— Седьмое ярмо первой пушки тяжелой артиллеріи. Мы спали, когда налетѣли верблюды, они начали насъ топтать; вотъ мы встали и ушли. Лучше лежать спокойно въ грязи,

чѣмъ каждую минуту подвергаться непріятностямъ на хорошей подстилкѣ. Мы говорили вашему другу, что нечего бояться, но онъ вѣдь умный, и поэтому думаетъ иначе. Муу.

Они снова принялись за жвачку.

— Вотъ что значитъ пугаться,—сказалъ Билли.—Тебя насмѣхъ поднимаютъ вьючные волы. Какъ тебѣ это нравится, юнецъ?

У молодого мула зубы стучали, и онъ пробормоталъ что-то въ родѣ того, что не боится никакого мясистаго вола на свѣтѣ; волы только толкнулись рогами и продолжали жевать жвачку.

— Ну, теперь еще сердится, послѣ того, какъ провинился? Ужъ это крайняя трусость,—сказала полковая лошадь.—Я думаю, что всякаго можно извинить, если его испугали ночью, и если онъ увидалъ вещи, которыхъ не понимаетъ. Одинъ разъ въ Австраліи насъ сорвалось съ коновязей цѣлыхъ четыреста пятьдесятъ штукъ изъ-за того, что одинъ новичокъ вздумалъ разсказывать разныя вещи о змѣяхъ, и мы до смерти испугались свободныхъ концовъ веревокъ, которыми были привязаны: они показались намъ змѣями.

— Все это очень хорошо въ лагерѣ,—сказалъ Билли.—Я и самъ иной разъ пугаюсь, когда дня два не выхожу изъ конюшни; ну, а какъ же вы, на службѣ?

— О, тутъ дѣло совсѣмъ иное,—отвѣчала лошадь.—Тогда Дикъ Кенлиффъ сидитъ на мнѣ и сжимаетъ мнѣ бока колѣнями; мнѣ остается только смотрѣть, куда я ступаю, не бить задними ногами и слушаться узды.

— Что значитъ слушаться узды?—спросилъ молодой мулъ.

— Вы не знаете?— насмѣшливо спросилъ конь. — Неужели васъ не учатъ слушаться узды? Какъ же вы можете сдѣлать что-нибудь, если не умѣете повернуться сейчасъ же, лишь только поводъ натянется у васъ на шеѣ? Тутъ дѣло идетъ о жизни и смерти для сѣдока и для тебя самого. Слѣдуетъ обернуться сейчасъ же, хорошенько поджавъ заднія ноги, какъ только почувствуешь, что поводъ натянулся. Если мѣсто не позволяетъ сдѣлать оборотъ, надо подняться немного на дыбы и повернуться на заднихъ ногахъ. Вотъ что значитъ слушаться узды.

— Насъ этому не учили,—холодно сказалъ мулъ Билли.— Мы должны повиноваться человѣку, который ведетъ насъ: итти впередъ, когда онъ прикажетъ, и останавливаться, тоже когда прикажетъ. Мнѣ думается, это сводится къ одному. Ну хорошо, а кромѣ исполненія этой воображаемой обязанности и подниманія на дыбы, что, должно-быть, очень вредно для вашихъ поджилокъ,—*что* вы дѣлаете?

— Это смотря по обстоятельствомъ,—сказалъ конь.—Мнѣ чаще всего приходится попадать въ толпу кричащихъ бородатыхъ людей съ ножами — длинными блестящими ножами, уже ножей коноваловъ, и я долженъ заботиться, чтобы сапогъ Дика какъ разъ касался сапога ѣдущаго рядомъ, не надавливая его. Я вижу копье Дика направо отъ моего праваго глаза и знаю, что мнѣ не грозитъ опасности. Не желалъ бы я быть человѣкомъ или конемъ, идущимъ противъ Дика или меня, когда Дикъ спѣшитъ.

— А ножи развѣ не ранятъ?—спросилъ молодой мулъ.

— Разъ одинъ полоснулъ меня по груди; но тутъ Дикъ не былъ виноватъ.

— Вотъ я ужъ, кажется, не сталъ бы разбирать, чья тутъ была вина, если бы меня ранили,—сказалъ молодой мулъ.

— Нельзя такъ,—отвѣтилъ боевой конь.—Если не довѣрять своему сѣдоку, такъ лучше ужъ убѣжать съ самаго начала. Такъ и поступаютъ нѣкоторыя лошади, и я не обвиняю ихъ. Какъ я сказалъ, Дикъ тутъ не былъ виноватъ: человѣкъ лежалъ на землѣ, я вытянулся, чтобы не наступить на него, а онъ полоснулъ меня снизу. Въ слѣдующій разъ, когда мнѣ придется проходить по лежащему человѣку, я прямехонько наступлю на него.

— Хмъ!—сказалъ Билли.—Какъ странно! Ножи, впрочемъ, всегда скверная вещь. Самое лучшее дѣло—это взбираться вверхъ по горѣ съ сѣдломъ, ровно нагруженнымъ съ обѣихъ сторонъ, осторожно ступая всѣми четырьмя ногами и, настороживъ уши, ползти и карабкаться, пока не очутишься на сотни футовъ надъ всѣми, на площадкѣ, гдѣ ровно столько мѣста, чтобъ могли стать твои четыре ноги. Тутъ ты останавливаешься и не шелохнешься,—и никогда не проси человѣка держать тебя. Стоишь смирно, пока пушки не соединятъ, а потомъ наблюдаешь, какъ крохотные снаряды падаютъ далеко внизу между верхушками деревьевъ.

— А тебѣ никогда не приходилось поскользнуться?—спросила лошадь.

— Говорятъ, что, если мулъ поскользнется, то ужъ никому тамъ не пройти,—отвѣтилъ Билли.—Случается, что плохо нагруженное сѣдло перетянетъ мула; но это бываетъ очень рѣдко. Жаль, что я не могу показать вамъ нашу работу. Великолѣпіе! Три года я старался понять, какъ люди прицѣливаются. Весь секретъ въ томъ, чтобы никогда не выдѣляться на линіи горизонта, потому что иначе въ васъ сейчасъ могутъ начать стрѣлять. Помни это, юнецъ. Всегда старайся скрываться насколько возможно, даже если тебѣ ради этого при-

шлось отойти на милю отъ прямой дороги. Когда мнѣ случается взбираться во главѣ батареи, я всегда иду такимъ образомъ.

— Подвергаться выстрѣламъ, не будучи въ состоянiи врѣзаться въ толпу стрѣляющихъ,—я бы не вынесъ этого,—сказалъ конь,—я бы захотѣлъ атаковать, вмѣстѣ съ Дикомъ.

— Нѣтъ; не говорите; вы знаете, что какъ только орудiя установлены, они *начинаютъ* обстрѣливать. Это научно и ловко. Но ножи—фи!

Уже нѣсколько времени вьючный верблюдъ качалъ головой взадъ и впередъ, пытаясь вставить свое слово. Наконецъ я услыхалъ, какъ онъ сказалъ, нервно откашлявшись:

— Мнѣ... мнѣ... тоже приходилось принимать участiе въ сраженiи, но я при этомъ не лазилъ на высоту и не бросался впередъ.

— Нѣтъ? Къ слову сказать, взглянувъ на тебя, сразу угадаешь, что ты не способенъ лазить, да и бѣгать... не очень-то гораздъ,—сказалъ Билли.—Ну, такъ разскажи же, старая копна сѣна!

— Удобнѣе всего,—началъ верблюдъ,—всѣмъ присѣсть...

— О, мой подхвостникъ и грудной ремень!—шопотомъ проговорилъ конь.—Присѣсть?..

— Мы присѣдали всѣ—сотни изъ насъ присѣдали,—продолжалъ верблюдъ,—большимъ квадратомъ; а люди складывали наши сѣдла и тюки снаружи и стрѣляли изъ-за нашихъ спинъ—это люди-то со всѣхъ сторонъ квадрата.

— Какiе люди? Первые встрѣчные?—сказалъ конь.—Въ манежахъ насъ учатъ ложиться, и наши хозяева стрѣляютъ изъ-за насъ; но Дикъ Кенлиффъ—единственный человѣкъ, котораго я допустилъ бы сдѣлать это. Ружье щекочетъ мнѣ бокъ да къ тому же еще ничего не видишь, лежа головой на землѣ.

— Не все ли равно, кто стрѣляетъ черезъ васъ,—сказалъ верблюдъ.—Кругомъ много людей и рядомъ другiе верблюды, и вездѣ облака дыма. Тогда мнѣ ужъ не страшно. Я сижу и жду.

— А все же вамъ снятся страшные сны, и вы будоражите весь лагерь по ночамъ!—сказалъ Билли.—Ну, хорошо, хорошо! Вотъ, если бы мнѣ пришлось лечь, ужъ не говорю сѣсть, чтобы человѣкъ стрѣлялъ изъ-за меня, такъ его головѣ пришлось бы познакомиться прежде съ моими копытами. Слыхано ли такое безобразiе!

Наступило продолжительное молчанiе, а затѣмъ одинъ изъ воловъ поднялъ свою большую голову и сказалъ:

— Очень глупо, дѣйствительно. Существуетъ только одинъ способъ сраженія...

Продолжай, пожалуйста,—обратился къ нему Билли.—Прошу, не стѣсняйтесь меня. Мнѣ кажется, ваша братія сражается, упершись хвостомъ въ землю?

— Единственный возможный для насъ способъ принимать участіе въ сраженіи, это...—подхватили оба вола за разъ.—(Они, вѣроятно, были близнецы).—Это, когда насъ по двадцати паръ запрягутъ въ большую пушку, какъ только затрубитъ „Двухвостый“. („Двухвостымъ“ на солдатскомъ жаргонѣ называютъ слона).

— Зачѣмъ же трубитъ Двухвостый? — спросилъ молодой мулъ.

Чтобы показать, что онъ не намѣренъ подходить ближе къ дыму съ непріятельской стороны. Двухвостый — большой трусъ. И вотъ тогда мы тащимъ огромную пушку всѣ вмѣстѣ. *Хейя! Улла! Хейя!* Мы не карабкаемся, какъ кошки, и не бѣгаемъ, какъ телята. Мы идемъ по равнинѣ, всѣ двадцать паръ, пока съ насъ не снимутъ ярма и не пустятъ пастись; а въ то время большія пушки разговариваютъ съ какимъ-нибудь городомъ, окруженнымъ земляными стѣнами. Куски стѣны вываливаются, и поднимается такая пыль, будто идетъ домой цѣлое стадо телятъ.

— О! И вы можете въ это время пастись?—спросилъ молодой мулъ.

— Въ это время и во всякое другое. Поѣсть всегда хорошо. Мы ѣдимъ, пока насъ опять не поставятъ подъ ярмо и мы снова не привеземъ пушку къ тому мѣсту, гдѣ ее ждетъ Двухвостый. Иногда въ городѣ тоже оказывается большая пушка; она отвѣчаетъ и убиваетъ нѣкоторыхъ изъ насъ. Ну, что же? Только больше травы остается для другихъ: это судьба—не что иное, какъ судьба. А все же Двухвостый—большой трусъ. Только такъ можно принимать участіе въ сраженіи. Мы—братья изъ Хапура. Нашъ отецъ былъ священнымъ воломъ Сивы. Мы кончили.

— Вотъ мнѣ пришлось отъ васъ услыхать кое-что новое сегодня ночью,—сказалъ конь.—А вы, господа, ходящіе подъ нарѣзными пушками, чувствуете желаніе ѣсть, когда въ васъ стрѣляютъ изъ большихъ орудій, а Двухвостый за вами?

— Ровно такое же, какое чувствуемъ къ тому, чтобы присѣдать и дозволять людямъ палить черезъ насъ, или къ тому, чтобы бѣгать посреди ножей. Никогда не слыхалъ подобной нелѣпицы. Дайте мнѣ горную тропинку, хорошо уравновѣшанный вьюкъ и вожака, который предоставитъ мнѣ самому вы-

бирать дорогу, и я готовъ служить. Ну, а что касается всего прочаго—извините!—сказалъ Билли, топая ногой

— Конечно, не всѣ созданы по одному образцу,—отвѣтилъ конь,—и я вполнѣ понимаю, что вашему семейству съ отцовской стороны не понять очень многаго.

— Какое вамъ дѣло до моей семьи съ отцовской стороны?—сердито сказалъ Билли: мулы не любятъ, когда имъ напоминаютъ, что ихъ отецъ—оселъ.—Мой отецъ былъ джентльменъ—южанинъ; онъ могъ забить и закусать любую лошадь. Помните это, верзила Брумби!

Брумби называютъ дикихъ, еще не объѣзженныхъ лошадей. Вообразите себѣ, что почувствовалъ бы скаковой конь, если бы какая-нибудь водовозка назвала его „клячей", и вы сможете представить себѣ, что сдѣлалось съ австралійскимъ уроженцемъ. Я видѣлъ, какъ бѣлки его глазъ сверкнули въ темнотѣ.

— Смотри ты, сынъ вывезеннаго изъ Малаги осла!—пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Запомни, что я по матери состою въ родствѣ съ Карбайномъ, взявшимъ мельбурнскій призъ, и въ той странѣ, откуда я, мы не привыкли, чтобы насъ лягалъ какой-нибудь зубоскалъ-мулъ съ свиной головой, служащій въ батареѣ карманныхъ пушекъ, стрѣляющихъ горохомъ. Готовься!

— Поднимайся на заднія ноги!—отчаянно взвизгнулъ Билли. Они оба поднялись на дыбы другъ противъ друга, и я ожидалъ ожесточенной схватки, какъ вдругъ справа изъ темноты раздался глухой, гортанный голосъ:

— Изъ-за чего вы деретесь, дѣти? Тише!

Оба животныя опустились, фыркнувъ съ отвращеніемъ, потому что и лошадь и мулъ одинаково не выносятъ голоса слона.

— Это Двухвостый!—сказалъ конь.—Терпѣть не могу его. Хвостъ спереди, хвостъ сзади—красиво, не правда ли?

— Совершенно раздѣляю ваше мнѣніе,—сказалъ Билли, присоединяясь къ лошади,—между нами и вами все же есть много общаго.

— Должно-быть, то, что мы наслѣдовали отъ нашихъ матерей.—Не стоитъ намъ ссориться. Эй, Двухвостый, ты отвязался?

— Да,—отвѣчалъ Двухвостый, смѣясь во весь хоботъ.—Меня на ночь привязываютъ къ тумбѣ. Я слышалъ, что вы говорите между собой. Ну, не пугайтесь. Я не пришелъ разгонять васъ.

Волы и верблюдъ проговорили вполголоса:

— Бояться Двухвостаго—какая глупость!—А волы продолжали:—Очень жаль, что ты слышалъ; но все сказанное—правда. Двухвостый, почему ты боишься, когда стрѣляютъ?

— Не знаю... поймете ли вы, если я вамъ скажу,—отвѣтилъ Двухвостый, потирая одной задней ногой о другую, какъ мальчикъ, собирающійся говорить стихотвореніе.

— Да, мы не понимаемъ; но вѣдь намъ приходится возить пушки,—сказали волы.

— Знаю, и знаю, что вы гораздо храбрѣе, чѣмъ сами думаете. Я—другое дѣло. Мой батарейный командиръ назвалъ меня на-дняхъ „толстокожимъ анахронизмомъ“.

— Это, должно-быть, какой-нибудь новый способъ сраженія?—спросилъ Билли, нѣсколько приходя въ себя.

— Вы, конечно, не понимаете, что это значитъ; а я понимаю. Это значитъ середка на половинѣ, какъ разъ, что я изъ себя представляю. Я могу себѣ представить въ своемъ мозгу, что случится, когда снарядъ разорвется; а вы, волы, не можете.

— Я тоже могу,—сказалъ конь.—По крайней мѣрѣ, слегка; но я стараюсь не думать объ этомъ.

— Мнѣ видно больше, чѣмъ вамъ, и я *думаю* о томъ, что вижу. Я знаю, что самъ долженъ заботиться о себѣ и никто, заболѣй я, не сумѣетъ вылѣчить меня. Все, что они могутъ сдѣлать—это удерживать жалованье моего вожатаго, пока я не поправлюсь, и я не могу довѣрять своему вожатому.

— Да, этимъ все объясняется,—сказалъ конь.—А я могу довѣриться своему Дику.

— У меня на спинѣ можетъ помѣщаться цѣлый полкъ Диковъ, и я отъ того не буду чувствовать себя лучше. Я знаю достаточно, чтобы безпокоиться, и не достаточно, чтобы пренебрегать тѣмъ, что знаю.

— Мы васъ не понимаемъ,—сказали волы.

— Знаю, что не понимаете. Я и не говорю съ вами. Вы не знаете, что такое кровь.

— Мы знаемъ,—отозвались волы.—Это такое красное, что всасывается въ землю и пахнетъ.

Конь лягнулъ, подскочилъ и захрапѣлъ.

— Не говорите объ этомъ,—сказалъ онъ.—У меня ужъ появляется запахъ въ ноздряхъ, когда только подумаю объ этомъ. Не сиди на мнѣ Дикъ, я бы сейчасъ готовъ броситься прочь, чтобъ ускакать отъ этого запаха.

— Да вѣдь здѣсь этого запаха нѣтъ,—сказалъ верблюдъ и волы.—Что это вамъ пришла такая глупость въ голову?

— Скверная это вещь,—подтвердилъ Билли.—Я не собираюсь бѣжать, но тоже не люблю, когда говорятъ объ такихъ вещахъ.

— Добрались?—спросилъ Двухвостый.

— Ну, да. И всю ночь лежимъ здѣсь,—отвѣчали волы.

Двухвостый топнулъ ногой, такъ что желѣзное кольцо на ней зазвонило.

— Не съ вами говорятъ. Вы не можете видѣть, что творится у васъ въ головѣ.

— Нѣтъ; но мы смотримъ въ четыре глаза,—отвѣчали волы,— и смотримъ прямо передъ собой.

— Если бы я могъ ограничиваться только этимъ, вамъ бы не приходилось таскать большихъ пушекъ. Если бы я былъ, какъ мой полковникъ—онъ все видитъ у себя въ головѣ прежде, чѣмъ начинается стрѣльба, и весь трясется; но не убѣгаетъ; онъ знаетъ слишкомъ много, чтобы убѣжать—такъ вотъ, говорю я, будь я таковъ, и я могъ бы возить пушки. Впрочемъ, если бы я былъ дѣйствительно умнѣе всѣхъ, вы бы не увидали меня здѣсь: я былъ бы царемъ лѣса, какъ прежде, спалъ бы половину дня и купался, когда вздумается. Цѣлый мѣсяцъ теперь не купался, какъ слѣдуетъ.

— Все это очень хорошо,—сказалъ Билли,—но какими громкими именами не называй вещи, суть отъ этого не измѣнится.

— Штъ!—сказалъ конь.—Мнѣ кажется, я понимаю, что хочетъ сказать Двухвостый.

— Черезъ минуту поймешь еще лучше,—сердито сказалъ слонъ.—Объясни-ка мнѣ почему ты не любишь *этого!*

Онъ началъ яростно трубить въ свой хоботъ.

— Перестань!—въ одинъ голосъ сказали Билли и конь, и я слышалъ, какъ они топали и вздрагивали. Крикъ слона всегда непріятенъ, особенно темной ночью.

— Нѣтъ, не перестану,—заявилъ Двухвостый.—Извольте объяснить! *Ррpмпъ! Ррртъ! Ррpмпъ! Ррра-а!*

Тутъ онъ вдругъ оборвался; я услыхалъ въ темнотѣ тихій визгъ, показавшій мнѣ, что Виксенъ, наконецъ, нашла меня. Она знала, такъ же, какъ я, что слонъ больше всего на свѣтѣ боится лающей собаки, и поэтому рѣшила загнать Двухвостаго къ его тумбѣ и отчаянно тявкала у его огромныхъ ногъ. Слонъ захрапѣлъ и взвизгнулъ:

— Уходи, собачонка! Не обнюхивай моихъ копытъ, а не то я толкну тебя. Ну, хорошо: хорошая собачка, милая собачка! Иди себѣ домой, звѣрокъ! Охъ, отчего ее никто не уберетъ отсюда! Она сію минуту укуситъ меня.

— Мнѣ кажется, что нашъ другъ Двухвостый боится многаго. Вотъ если бы меня кормили досыта за каждую собачонку, которой доставалось отъ моихъ копытъ на плацъ-парадѣ, такъ я бы растолстѣлъ, какъ два Двухвостыхъ.

Я свистнулъ, и Виксенъ подбѣжала ко мнѣ вся грязная и стала лизать меня въ носъ, разсказывая мнѣ длинную исторію, какъ она разыскивала меня по всему лагерю. Я никогда не показывалъ ей, что понимаю языкъ животныхъ, иначе она стала бы позволять себѣ всякія вольности. Я посадилъ ее за пазуху подъ пальто, а Двухвостый топалъ, пыхтѣлъ и ворчалъ про себя:

— Удивительно! Просто изумительно! Это у насъ семейная черта. Куда же теперь дѣвалась эта гадкая звѣрушка?

Я слышалъ, какъ онъ шарилъ кругомъ хоботомъ.

— У каждаго изъ насъ, повидимому, есть свои странности,— продолжалъ онъ, выдувая воздухъ изъ ноздрей.—Вы, господа, напримеръ, нѣсколько встревожились, когда я затрубилъ?

— Нѣтъ, не то, чтобы встревожились,—отвѣтилъ конь,—но у меня появилось такое чувство, будто у меня ползали шершни на мѣстѣ сѣдла. Не труби больше.

— Меня пугаетъ собачонка, а верблюда—страшные сны.

— Счастье для насъ, что намъ всѣмъ не приходится ходить на войну одинаковымъ способомъ,—сказалъ конь.

— Вотъ мнѣ бы хотѣлось знать,—заговорилъ молодой мулъ, молчавшій долгое время,—очень хотѣлось бы знать: зачѣмъ намъ вообще ходить на войну?

— Потому что намъ приказываютъ,—сказалъ конь, презрительно фыркнувъ.

— Приказываютъ,—повторилъ мулъ Билли и щелкнулъ зубами.

— *Хукмъ хаи*! *)—сказалъ верблюдъ, и у него въ горлѣ булькнуло. Двухвостый и волы повторили за нимъ: *хукмъ хаи*!

— Да; но кто же приказываетъ?—спросилъ мулъ-новичокъ.

— Человѣкъ, который ведетъ тебя, или сидитъ у тебя на спинѣ, или держитъ веревку, продернутую черезъ твои ноздри, или тащитъ тебя за хвостъ,—сказалъ Билли, конь, волы и верблюдъ одинъ за другимъ.

— А ему кто приказываетъ?

— Ужъ слишкомъ ты любопытенъ, юнецъ,—отвѣтилъ Билли,—а за это бьютъ. Твое дѣло только слушаться человѣка, который ведетъ тебя за узду, и не задавать вопросовъ.

— Совершенно справедливо,—подтвердилъ Двухвостый.—Я не могу всегда повиноваться, потому что я середка на половинѣ; но Билли правъ. Повинуйся тому, кто сейчасъ надъ тобой, иначе задержишь всю батарею, ужъ не говоря о томъ, что вздуютъ.

*) Таковъ приказъ.

Волы поднялись, готовясь уйти.

— Утро близко,—сказали они.—Мы пойдемъ на свои линіи. Правда, мы знаемъ только то, что видимъ, и мы не умны; но все же мы единственные, не напугавшіеся сегодня ночью. Прощайте, храбрецы.

Никто не отвѣтилъ, а конь сказалъ, чтобы перемѣнить разговоръ:

— Куда дѣвалась собачонка? Гдѣ есть собака, тамъ, навѣрное, и человѣкъ недалеко.

— Вотъ я,—затявкала Виксенъ,—подъ пушкой, съ хозяиномъ. Ты, косолапое животное, верблюдъ, опрокинулъ нашу палатку. Хозяинъ очень сердится!

— Фу!—сказали волы.—Онъ у тебя бѣлый?

— Само собой разумѣется, — отвѣчала Виксенъ.—Ужъ, конечно, не какой-нибудь черномазый погонщикъ воловъ.

— *Хуа! Уахъ!—Уу!*—отвѣтили волы. — Пойдемте скорѣй прочь.

Они двинулись по грязи, но какъ-то задѣли ярмомъ за дышло фуры съ боевыми снарядами и застряли.

— Ну вотъ, теперь *сами* виноваты,—спокойно сказалъ Билли.—Не рвитесь. Теперь провисите до разсвѣта. Не велика бѣда!

Волы начали отчаянно ревѣть протяжнымъ ревомъ индійскаго скота; они рвались, рыли землю ногами, скользили и чуть не падали по грязи.

— Вы себѣ свернете шеи,—сказалъ конь.—Отчего вы такъ боитесь бѣлыхъ?

— Они ѣдятъ насъ. Ну, налегай!—сказалъ ближайшій волъ. Ярмо затрещало, разлетѣлось въ куски, и они оба вырвались. Я никогда не зналъ до тѣхъ поръ, почему индійскій скотъ такъ боится англичанъ. Оказывается потому, что англичане ѣдятъ мясо, котораго не касается ни одинъ погонщикъ воловъ, и понятно, что это не по душѣ скотинѣ.

— Пусть меня отдуютъ моими собственными цѣпями!—проговорилъ Двухвостый.—Кто бы могъ подумать, что два такіе огромные увальня могутъ до такой степени растеряться?

— Пусть ихъ. Я пойду взгляну на этого человѣка. У бѣлыхъ людей всегда бываютъ въ карманахъ вкусныя вещи,— сказалъ конь.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте. Про себя скажу, что и я не особенно долюбливаю ихъ. А кромѣ того, бѣлый человѣкъ, которому негдѣ спать ночью, скорѣй всего воръ, а у меня на спинѣ не мало всякаго казеннаго добра. Пойдемъ, юнецъ, на свои линіи. Прощайте, Австралія! Вѣроятно, увидимся завтра на парадѣ. Прощай, старая сѣнная копна!—Постарайся впе-

редъ сдерживать свои чувства! Прощай Двухвостый! Проходя мимо насъ завтра по плацу, не труби, пожалуйста. Это разстраиваетъ наши ряды.

Билли затрусилъ прочь разбитымъ шагомъ старой полковой лошади, а я почувствовалъ, что конь обнюхиваетъ мнѣ грудь. Я угостилъ его сухарями, между тѣмъ какъ Виксенъ—очень тщеславная собачонка—стала разсказывать ему небылицы о множествѣ лошадей, которыхъ мы съ ней держимъ.

— Я завтра пріѣду на парадъ въ шарабанѣ,—говорила она.— Гдѣ ты будешь?

— На лѣвомъ флангѣ второго эскадрона. Я направляю весь свой эскадронъ, маленькая лэди,—вѣжливо сказалъ конь.— Ну, теперь мнѣ пора къ Дику. У меня весь хвостъ въ грязи, и ему придется часа два провозиться со мной, чтобы вычистить меня къ смотру.

Послѣ полудня этого дня былъ назначенъ большой смотръ всѣмъ тридцати тысячамъ человѣкъ, и у меня съ Виксенъ оказалось хорошее мѣсто рядомъ съ вице-королемъ и эмиромъ афганскимъ.

Первая половина смотра прошла при яркомъ солнцѣ, и полки, точно катящіяся мимо волны, проходили нога въ ногу, держа ружья на одной линіи, такъ что у насъ даже въ глазахъ зарябило. Послѣ этого пододвинулась кавалерія своимъ красивымъ легкимъ галопомъ, и Виксенъ, сидя въ шарабанѣ, насторожилась. Подходилъ второй эскадронъ улановъ, и впереди его выступалъ боевой конь съ хвостомъ, какъ пряденый шелкъ, съ круто выгнутой шеей, съ однимъ ухомъ впередъ, другимъ назадъ, мѣрно отбивая тактъ всему эскадрону, поднимая ноги какъ бы вальсируя. Потомъ послѣдовали орудія, и я увидалъ Двухвостаго и еще двухъ другихъ слоновъ, запряженныхъ въ сорокафунтовыя осадныя орудія; позади же шли двадцать паръ воловъ подъ ярмомъ. На седьмой парѣ было новое ярмо, и волы имѣли видъ утомленный. Шествіе заключали нарѣзныя пушки, и Билли-мулъ держалъ себя будто командовалъ всѣмъ войскомъ, а сбруя его была смазана мазью и вычищена такъ, что блестѣла. Я про себя привѣтствовалъ Билли, онъ же прошелъ мимо не поведя глазомъ ни направо ни налѣво.

Опять начался дождь, и изъ-за него невозможно было разсмотрѣть, что дѣлали войска. Они обогнули большимъ полукругомъ равнину и вытягивались въ линію. Эта линія все росла и росла, пока не достигла трехъ четвертей мили отъ одного крыла до другого, образуя одну сплошную стѣну людей, лошадей и пушекъ. Затѣмъ она стала подвигаться къ вице-королю и эмиру, и по мѣрѣ того, какъ она приближа-

лась, почва начинала дрожать, какъ палуба парохода, когда машина пущена полнымъ ходомъ.

Не видавъ такого зрѣлища, вы не можете себѣ представить, какое устрашающее впечатлѣніе производитъ это безостановочное наступленіе войска, даже когда зритель знаетъ, что это не болѣе, какъ смотръ. Я взглянулъ на эмира. До тѣхъ поръ онъ не проявлялъ никакого знака удивленія или другого чувства; но теперь его глаза начали все больше и больше расширяться, онъ подобралъ поводья съ шеи своей лошади и оглянулся. Казалось, одно мгновеніе, что онъ онъ готовъ выхватить саблю и проложить себѣ дорогу черезъ массу экипажей за линіей, изъ которыхъ англичане и англичанки смотрѣли на парадъ.

Наступленіе остановилось, земля перестала дрожать, вся линія отдала честь, и тридцать оркестровъ заиграли сразу. Это означало конецъ смотра, и полки стали расходиться подъ дождемъ по своимъ стоянкамъ, и одинъ изъ пѣхотныхъ оркестровъ заигралъ:

Всѣ скоты прошли попарно.
Ура!
Всѣ прошли они подвое,
И слоны и мулы, поскорѣй спѣша
Какъ бы имъ укрыться отъ дождя.

Я услыхалъ, какъ одинъ сѣдой длинноволосый начальникъ изъ Центральной Азіи, состоявшій въ свитѣ эмира, спросилъ туземнаго офицера:

— Скажите, какъ достигли такой удивительной вещи!

Офицеръ отвѣчалъ:

— Было приказано, и всѣ повиновались.

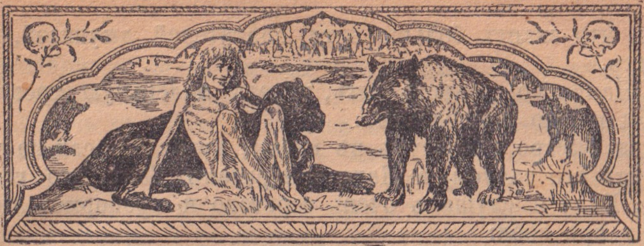
— Но развѣ животныя такъ же понимаютъ, какъ люди.

— И они повинуются, такъ же, какъ люди. Мулъ, лошадь, слонъ, волъ,—каждая скотина слушается своего погонщика, а ея погонщикъ своего сержанта, сержантъ — поручика, поручикъ—капитана, капитанъ—майора, майоръ—полковника, полковникъ — бригаднаго, командующаго тремя полками, а бригадный — генерала, который повинуется вице-королю — слугѣ императрицы. Вотъ какъ это достигается.

— Хорошо, если бы такъ было и въ Афганистанѣ!—сказалъ начальникъ.—Тамъ каждый повинуется только своему собственному желанію.

— И поэтому вашему эмиру, котораго вы не слушаетесь, приходится пріѣзжать сюда и выслушивать приказанія нашего вице-короля,—отвѣтилъ офицеръ, закручивая усы.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Откуда взялся страхъ.

Такъ какъ законъ джунглей — древнѣйшій изъ всѣхъ законовъ на свѣтѣ, то онъ предусматриваетъ почти всѣ случаи, какіе только могутъ приключиться съ обитателями джунглей, и теперь это самое современное законодательство, какое можетъ создать время и обычай.

Если вы читали о Маугли, то, вѣроятно, помните, что онъ долгое время жилъ съ сіонійскими волками, учась закону у Балу, бураго медвѣдя. И Балу же объяснилъ ему, когда мальчику надоѣдало постоянно заучивать правила, что законъ все равно какъ удавъ, который можетъ упасть на спину каждому, но отъ котораго никто не можетъ вырваться.

— Когда ты поживешь съ мое, Маленькій братъ, такъ увидишь, какъ всѣ джунгли повинуются одному закону. Но это будетъ зрѣлище вовсе не пріятное,—говорилъ Балу.

Однако Маугли принималъ эти слова въ одно ухо, а выпускалъ въ другое, потому что мальчикъ, который только и знаетъ въ жизни, что ѣду да сонъ, не задумывается надъ чѣмъ-нибудь, пока не встрѣтится лицомъ къ лицу съ жизнью. Но пришло такое время, когда слова Балу оправдались, и Маугли увидалъ, что всѣ джунгли повинуются одному закону.

Началось это зимой. Дождя почти не было, и Икки, дикобразъ, повстрѣчавши Маугли въ бамбуковой заросли, сообщилъ ему, что дикій ямсъ засыхаетъ. Не всѣмъ извѣстно, что Икки большой привередникъ въ своей пищѣ и ѣстъ только все самое лучшее и спѣлое. Маугли засмѣялся и сказалъ:

— А мнѣ что изъ этого?

— *Теперь*-то, пока, ничего, — отвѣтилъ Икки, безпокойно тряся своими иглами,—а потомъ увидишь. А можно, Маленькій братъ, еще нырять въ горномъ пруду у Пчелиныхъ скалъ?

— Нѣтъ. Глупая вода вся ушла, и я не хочу разбивать себѣ голову о дно,—заявилъ Маугли, воображавшій въ это

время, что знаетъ больше пяти обитателей джунглей, вмѣстѣ взятыхъ.

— Напрасно; можетъ-быть, черезъ маленькую трещину въ нее бы вошло немного ума.

Икки быстро шмыгнулъ въ кусты, чтобъ Маугли не успѣлъ схватить его за усы, а Маугли передалъ Балу, что говорилъ Икки. Балу выслушалъ очень серьезно и пробормоталъ наполовину про себя:

— Будь я одинъ, я бы перемѣнилъ мѣсто охоты прежде, чѣмъ другіе станутъ раздумывать. Но охота на чужихъ земляхъ всегда ведетъ къ дракѣ; и человѣческаго дѣтеныша могутъ обидѣть. Подождемъ и посмотримъ, какъ зацвѣтетъ *мохва*.

Но въ эту весну *мохва*, которую Балу такъ любилъ, вовсе не зацвѣла. Жаръ убивалъ зеленовато-бѣлые, какъ бы восковые бутоны, прежде, чѣмъ они успѣвали налиться, и когда медвѣдь, поднявшись на заднія лапы, трясъ дерево, на землю падало только немного дурно пахнувшихъ лепестковъ. И постепенно, шагъ за шагомъ, зной забирался въ самое сердце джунглей, все окрашивая сначала въ желтый, потомъ въ бурый, и наконецъ въ черный цвѣтъ. Зеленыя заросли по откосамъ канавъ превратились отъ жары въ прутья, перепутанный бурьянъ и совершенно засохли; дно скрытыхъ подъ зеленью прудовъ обнажилось и затянулось твердой корой, сохранивъ послѣдніе слѣды подходившихъ животныхъ, будто отлитые въ чугунѣ; сочныя вьющіяся растенія сваливались съ деревьевъ, за которыя цѣплялись, и умирали у ихъ корня. Бамбукъ съеживался и трещалъ, когда его качало горячимъ вѣтромъ, и мохъ сползалъ со скалъ, которыя оставались обнаженными и пыхтѣли жаромъ, такъ же, какъ валуны на днѣ высохшаго рѣчного русла.

Птицы и обезьяны въ этомъ году рано переселились къ сѣверу, потому что знали, чего можно ждать; а олени и кабаны заходили далеко на высохшія деревенскія поля, умирая иногда передъ глазами людей, у которыхъ не хватало силъ убивать ихъ. Чиль, коршунъ, ѣлъ вволю и жирѣлъ, находя вдоволь падали, и вечеръ за вечеромъ приносилъ звѣрямъ, слишкомъ ослабшимъ, чтобы искать новыхъ мѣстъ для охоты, вѣсти, что солнце убило джунгли на три дня бѣга во всѣхъ направленіяхъ.

Маугли, никогда не знавшій, что значитъ настоящій голодъ, принужденъ былъ довольствоваться старымъ трехлѣтнимъ дикимъ медомъ, который онъ выскребалъ изъ опустѣвшихъ трещинъ въ скалахъ. Медъ былъ черенъ, какъ тернъ, и сверху

весь засахарился. Мальчикъ охотился также за жуками, далеко забиравшимися подъ древесную кору, и уничтожалъ личинки осъ. Вся дичь въ джунгляхъ была кожа да кости, и Багхира, убивъ за ночь трехъ животныхъ, едва наѣдалась досыта. Но хуже всего былъ недостатокъ воды, потому что, хотя населеніе джунглей пьетъ рѣдко, оно пьетъ много за разъ.

Зной все держался и впиталъ всю влагу, пока, наконецъ, главное русло Вайнгунга осталось единственной водяной жилой, въ которой еще пробиралась струйка влаги между мертвыми берегами, и когда Хати, дикій слонъ, живущій по сту лѣтъ и болѣе, увидалъ длинную синюю гряду скалъ, обнажившуюся по самой серединѣ русла, онъ узналъ въ ней скалу Мира, и, поднявъ хоботъ возвѣстилъ „водяное перемиріе", какъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, возвѣстилъ его отецъ. Олень, кабанъ и буйволъ хрипло отвѣтили на этотъ крикъ, а Чиль, коршунъ, описывая широкіе круги въ воздухѣ, свистѣлъ и рѣзко выкрикивалъ свое предостереженіе.

По закону джунглей, убивающій у воды во время „водяного перемирія" самъ наказывается смертью. Причина та, что питье важнѣе ѣды. Каждый изъ обитателей джунглей можетъ еще пробиться при недостаткѣ дичи; но вода всегда остается водой, и если ее можно достать только въ одномъ мѣстѣ, всякая охота прекращается въ то время, какъ обитатели джунглей спускаются къ водопою. Когда все идетъ своимъ порядкомъ и воды много, приходящіе пить изъ Вайнгунга или вообще изъ какой-нибудь рѣки, рискуютъ при этомъ своей жизнью, и этотъ рискъ придаетъ не мало привлекательности ночной жизни. Спуститься такъ ловко, чтобы не задѣть ни листочка; бродить по колѣни по руслу рѣки, гдѣ шумъ воды заглушаетъ всякій другой внѣшній звукъ; пить, постоянно оглядываясь черезъ плечо, держа всякій мускулъ въ напряженіи, чтобы при первой тревогѣ сдѣлать отчаянный скачокъ; валяться по песчаному берегу и возвращаться съ мокрой мордой и раздувшимися боками къ стаду, дивившемуся храбрости смѣльчака— было наслажденіемъ для всей оленьей молодежи, именно потому, что всѣ знали, что Багхира и Ширъ-ханъ могутъ каждую минуту выскочить изъ кустовъ и утащить свою добычу.

Но теперь всякой игрѣ жизнью и смертью пришелъ конецъ, и жители джунглей—тигры, медвѣди, олени, буйволы и кабаны сходились у пересохшей рѣки, рядомъ пили застоявшуюся воду и ложились тутъ же, не находя въ себѣ силъ, чтобы итти дальше.

Олени и кабаны цѣлый день бродили, ища чего-нибудь питательнѣе высохшей коры и свернувшихся отъ жары листьевъ.

Буйволы не находили себѣ болотъ, чтобы освѣжиться, зарывшись въ нихъ, или зеленаго хлѣба, чтобы воровать его. Змѣи выползали изъ джунглей къ рѣкѣ, въ надеждѣ найти какую-нибудь заблудшую лягушку. Онѣ обвивались вокругъ сырыхъ камней и не жалили, когда роющій землю кабанъ задѣвалъ ихъ рыломъ. Багхира, самая ловкая изъ охотниковъ, уже давно истребила всѣхъ черепахъ, а рыбы зарылись глубоко въ сухую грязь. Только Скала мира лежала какъ длинная змѣя на мѣстѣ бывшаго брода, и мелкія струйки прикасаясь къ ея горючимъ краямъ, высыхали съ шипѣніемъ.

Сюда приходилъ и Маугли, ища общества и прохлады. Самые голодные изъ враговъ мальчика не обращали на него вниманія. Благодаря своей голой кожѣ, онъ казался худѣе и несчастнѣе прочихъ своихъ товарищей. Волосы его выцвѣли на солнцѣ до цвѣта пакли; ребра выступали, какъ ребра корзины, а мѣшки кожи на колѣняхъ и локтяхъ—онъ часто пробирался на четвереенькахъ—придавали его членамъ видъ узловатыхъ травяныхъ стеблей. Но глаза смотрѣли спокойно и холодно изъ-подъ волосъ, заплетенныхъ на лбу. Въ это тяжелое время Багхира была его руководительницей и совѣтовала ему ходить тихо, охотиться медленно и ни въ какомъ случаѣ не горячиться.

— Плохое время,—говорила Багхира въ одинъ вечеръ, когда воздухъ былъ жарокъ, какъ въ истопленной печи,—но ничего еще, если какъ-нибудь дотянемъ до конца. Полно ли у тебя брюхо, дѣтенышъ?

— Кое-что есть; только толку какъ-то мало. Ты какъ думаешь, Багхира, дожди забыли насъ и никогда не вернутся?

— Нѣтъ! Мы опять увидимъ, какъ зацвѣтетъ *мохва*, и какъ молодыя лани разжирѣютъ на свѣжей травѣ. Пойдемъ къ Скалѣ мира и послушаемъ, какія тамъ новости. Прыгай ко мнѣ на спину, Маленькій братъ.

— Не время теперь носить тяжести. Я еще могу стоять на ногахъ; но правду сказать—не жирны мы съ тобой оба.

Багхира взглянула на свои вытертые пыльные бока.

— Вчера я убила буйвола подъ ярмомъ. До того я ослабла, что, кажется, не осмѣлилась бы прыгнуть, если бы онъ не былъ на привязи. *Ву!*

Маугли засмѣялся.

— Да, нечего сказать сильные мы охотники теперь,—сказалъ онъ.—Я тоже очень смѣло хожу... на червяковъ.

Оба спустились по трещавшему подъ ихъ ногами вереску къ берегу рѣки, гдѣ отмели тянулись какъ кружево во всѣхъ направленіяхъ.

— Вода не проживетъ долго, — сказалъ Балу, подходя къ нимъ.—Взгляните. Тамъ словно человѣческіе слѣды.

На ровной поверхности противоположнаго берега жесткая джунглевая трава умерла стоя. Протоптанныя къ ней оленями и кабанами тропинки, тянувшіяся къ рѣкѣ, прорѣзывали эту безцвѣтную равнину пыльными желобками среди травы, достигавшей десяти футовъ высоты, и въ этотъ ранній часъ по нимъ тянулись звѣри, спѣшившіе поспѣть первыми къ водѣ. Слышно было, какъ лани и телята кашляли отъ пыли, мелкой какъ нюхательный табакъ.

Вверхъ по теченію рѣки, гдѣ застоявшаяся вода огибала Скалу мира, стоялъ охранитель перемирія, дикій слонъ Хати съ своими сыновьями—всѣ большіе и сѣрые при лунномъ свѣтѣ, и качался, качался, не переставая. Немного позади его стояли вожаки стаи оленей, а еще дальше кабаны и дикіе буйволы; на противоположномъ же берегу, гдѣ высокія деревья спускались къ самой водѣ, было мѣсто, отведенное для хищниковъ-тигровъ, волковъ, пантеръ, медвѣдей и прочихъ.

— Мы, правда, всѣ признаемъ одинъ законъ,—сказала Багхира, входя въ воду и озираясь на рядъ сталкивавшихся роговъ и выпяченныхъ глазъ тамъ, гдѣ олени и кабаны толкали другъ друга. — Хорошей вамъ всѣмъ охоты! — прибавила она, вытягиваясь во всю длину, при чемъ одинъ ея бокъ выдавался изъ мелкой воды, и затѣмъ проворчала сквозь зубы. — Не будь этого закона, охота была бы отличная.

Настороженныя уши оленей уловили послѣднія слова, и по всему ряду пробѣжалъ испуганный шопотъ:

— Перемиріе! Помните перемиріе!

— Тише!—проревѣлъ Хати, дикій слонъ. — Багхира, перемиріе въ силѣ. Не время теперь говорить объ охотѣ.

— Никто не знаетъ этого лучше меня,—отвѣчала Багхира, обращая глаза вверхъ по теченію.—Я ужъ и то ѣмъ черепахъ, ловлю лягушекъ. *Фи!* Хорошо бы, если бы я могла быть сытой, обгладывая вѣтви!

— Да, было бы очень хорошо, — заблеяла молодая лань, родившаяся только этой весной.

Несмотря на все тяжелое настроеніе, господствовавшее во всѣхъ джунгляхъ, даже Хати не могъ не засмѣяться; Маугли же, лежа на локтяхъ въ теплой водѣ, громко расхохотался и сталъ разбрызгивать воду ногами.

— Молодецъ, маленькій безрогій,—промурлыкала Багхира.— Когда кончится перемиріе, припомню это тебѣ съ благодарностью.—И она зорко всматривалась при утреннихъ сумеркахъ въ теленка, чтобы узнать его впослѣдствіи.

Мало-по-малу всѣ заговорили у водопоя. Кабанъ хрюкая и пыхтя просилъ, чтобы его такъ не тѣснили; буйволы бормотали между собой, мѣся ногами песчаныя отмели; а олени жалобно разсказывали о томъ, какъ они сбили всѣ ноги, повсюду отыскивая пищи. По временамъ они обращались съ какимъ-нибудь вопросомъ къ плотояднымъ по ту сторону рѣки; но всѣ вѣсти были плохiя, и горячiй вѣтеръ изъ джунглей завывалъ между скалами и высохшими ручьями, усыпая воду вѣтвями и пылью.

— И люди мрутъ за плугами, — сказалъ молодой дикiй козелъ.—Я отъ заката до ночи прошелъ мимо трехъ такихъ. Они лежали, не двигаясь, а волы рядомъ съ ними. Скоро и мы будемъ такъ лежать.

— Вода еще не сбыла со вчерашней ночи,—сказалъ Балу.— О, Хати, видалъ ли ты когда-нибудь такую засуху?

— Она пройдетъ, — отвѣчалъ Хати, поливая себѣ изъ хобота бока и спину водой.

— Вотъ одинъ изъ насъ долго не протянетъ, — сказалъ Балу, посмотрѣвъ на мальчика, котораго любилъ.

— Я?—съ негодованiемъ спросилъ Маугли, садясь въ водѣ.— У меня нѣтъ длинной шерсти, которая прикрывала бы мои кости, но... если бъ снять твою шерсть, Балу..

Хати даже вздрогнулъ при этой мысли, а Балу сказалъ строго:

— Дѣтенышъ, такъ не годится говорить съ учителемъ закона. *Никто* еще не видалъ меня безъ шерсти.

— Я не хотѣлъ обидѣть тебя, Балу; только ты какъ будто кокосовый орѣхъ въ шелухѣ, а я тотъ же орѣхъ, только безо всего. Вотъ твоя бурая шелуха...

Маугли сидѣлъ, поджавъ ноги, и объяснялся, какъ всегда, указательнымъ пальцемъ, и вдругъ Багхира, протянувъ свою исхудавшую лапу, толкнула его такъ, что онъ шлепнулся навзничь въ воду.

— Это за что же?—спросилъ Маугли, растерявшись, хотя это одинъ изъ обычныхъ прiемовъ въ джунгляхъ.

— Разбить тебѣ голову,—спокойно отвѣтила Багхира, опять окуная его.

— Нехорошо смѣяться надъ учителемъ,—объяснилъ медвѣдь, когда Маугли окунулся въ третiй разъ.

— Нехорошо? Что же ждать отъ этого голыша, этого непосѣда? Онъ позволяетъ себѣ шутить по-обезьяньи надъ тѣми, кто были прежде хорошими охотниками, и таскаетъ лучшихъ изъ насъ за усы для своей забавы.

Это сказалъ Ширъ-ханъ, хромой тигръ, спускаясь къ водѣ. Онъ подождалъ съ минуту, наслаждаясь впечатлѣнiемъ, кото-

рое его появленіе произвело на оленей противоположнаго берега, затѣмъ, опустивъ свою широкую, мохнатую голову, началъ лакать, ворча:

— Джунгли теперь стали мѣстомъ игръ для голыхъ дѣтенышей. Взгляни на меня, человѣческій дѣтенышъ.

Маугли посмотрѣлъ пристально, дерзко, какъ умѣлъ смотрѣть, и черезъ минуту Ширъ-ханъ отвернулся.

— Не человѣкъ, не звѣрь,—ворчалъ тигръ, уходя,—иначе онъ бы боялся. Скоро придется просить у него позволенія напиться. *Оррхъ!*

— Можетъ и это случиться,—сказала Багхира, смотря ему прямо въ переносицу.—Очень можетъ.—Тьфу, Ширъ-ханъ, какую гадость ты заводишь здѣсь.

Хромой тигръ опустилъ морду въ воду, и по ней поплыли темныя масляныя полосы.

— Зарѣзалъ человѣка часъ тому назадъ,—спокойно отвѣтилъ Ширъ-ханъ, продолжая пить и мурлыкая про себя.

Ряды животныхъ заколыхались и шопотъ превратился въ крикъ:

— Человѣка! Онъ убилъ человѣка!

И всѣ взгляды устремились на Хати; но тотъ, казалось, не слыхалъ. Хати никогда не дѣлаетъ ничего, пока не придетъ время, и это одна изъ причинъ, почему слоны живутъ такъ долго.

— Въ такое-то время да убивать людей! Развѣ не было другой дичи?—спросила Багхира презрительно, вылѣзая изъ окрашенной воды и при этомъ отряхая каждую ногу по-кошачьи.

— Я убилъ ради забавы, а не ради ѣды.

Снова прошелъ шопотъ ужаса, и зоркіе маленькіе глаза Хати обратились въ сторону Ширъ-хана.

— Ради забавы,—хвастался Ширъ-ханъ,—а теперь пришелъ пить и очиститься. Кто можетъ запретить мнѣ это?

Спина Багхиры выгнулась, какъ бамбукъ въ сильный вѣтеръ, но Хати поднялъ хоботъ и заговорилъ спокойно:

— Ты убилъ ради забавы?—спросилъ онъ.—А когда Хати спрашиваетъ, такъ лучше отвѣчать.

— Да. Имѣлъ право: это была моя ночь. Ты самъ знаешь, Хати.

Ширъ-ханъ говорилъ почти вѣжливо.

— Знаю,—отвѣтилъ Хати и, помолчавъ, прибавилъ:—Ты напился?

— На сегодня, да.

— Такъ уходи. Рѣка—чтобы пить, а не загрязнять ее. Никто, кромѣ хромого тигра, не сталъ бы хвастаться своимъ

правомъ въ такое время, когда... когда мы страдаемъ одинаково... и люди и жители джунглей. Чистъ ты или нечистъ, ступай въ свое логовище, Ширъ-ханъ.

Послѣднія слова прозвучали, какъ звукъ серебряной трубы, и три сына Хати сдѣлали полшага впередъ, хотя и не было необходимости. Ширъ-ханъ поплелся прочь, не смѣя ворчать, потому что онъ зналъ, какъ знали и всѣ прочіе, что въ концѣ-концовъ Хати—повелитель джунглей.

— О какомъ правѣ говоритъ Ширъ-ханъ?—шопотомъ спросилъ Маугли у Багхиры.—Убивать человѣка *всегда* позоръ. Такъ говоритъ законъ.

А вотъ Хати сказалъ:

— Спроси его. Я не знаю, Маленькій братъ. Правъ онъ, или не правъ, но не заговори Хати, я бы проучила хромого рѣзака. Прійти на Скалу мира прямо послѣ того, какъ убилъ человѣка... Да еще хвастаться... Это только впору шакалу. Да онъ къ тому же испортилъ хорошую воду.

Маугли одно мгновеніе собирался съ духомъ, такъ какъ никто не рѣшался сразу обращаться къ Хати, и затѣмъ крикнулъ:

— Хати, какое право имѣлъ Ширъ-ханъ?

Его слова отдались эхомъ на обоихъ берегахъ, такъ какъ всѣ обитатели джунглей очень любопытны, и сейчасъ они были свидѣтелями того, чего никто, кромѣ Балу, повидимому, не понималъ.

— Это старая исторія,—сказалъ Хати,—старѣе самихъ джунглей. Тише тамъ, на берегахъ, и я разскажу вамъ!

Нѣсколько минутъ кабаны и буйволы повозились, тѣснясь и толкаясь, но затѣмъ вожаки одинъ за другимъ прохрюкали: „Ждемъ!“ И Хати подвинулся впередъ, пока не остановился, почти по колѣни въ водѣ, у Скалы мира. Несмотря на свою худобу, сморщившуюся кожу и пожелтѣвшіе клыки, онъ имѣлъ видъ того, кѣмъ былъ и кѣмъ его признавали всѣ джунгли—повелителемъ ихъ.

— Вы знаете, дѣти,—началъ онъ,—что изъ всѣхъ вещей намъ нужно пуще всего бояться человѣка.

Въ собраніи пробѣжалъ ропотъ согласія.

— Это тебя касается, Маленькій братъ,—сказала Багхира Маугли.

— Меня? Я изъ стаи... Я охотникъ свободнаго племени,—отвѣчалъ Маугли.—Какое мнѣ дѣло до людей?

— И вы не знаете, почему боитесь человѣка?—продолжалъ Хати.—А вотъ почему. Въ самомъ началѣ джунглей—и никому неизвѣстно, когда это было—все населеніе ихъ жило вмѣстѣ, не боясь одинъ другого. Въ эти дни засухи не было, листья,

цвѣты и плоды росли на одномъ деревѣ, и мы не ѣли ничего, кромѣ листьевъ, цвѣтовъ, травы, плодовъ и коры.

— Очень рада, что меня въ это время еще не было на свѣтѣ,—замѣтила Багхира.—Кора хороша только для того, чтобы оттачивать когти.

— И тогда повелителемъ джунглей былъ Тха, первый изъ слоновъ. Онъ вытащилъ джунгли изъ воды своимъ хоботомъ; и гдѣ онъ проводилъ борозды хоботомъ, тамъ побѣжали рѣки; а гдѣ ударялъ ногой, тамъ появлялись пруды хорошей воды; а когда онъ трубилъ въ хоботъ—вотъ такъ!—деревья валились. Вотъ какимъ образомъ Тха устроилъ джунгли; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ разсказывали.

— Онъ-то самъ тутъ при чемъ?—прошептала Багхира, а Маугли засмѣялся, закрывшись рукой.

— Въ эти дни не было ни хлѣба, ни арбузовъ, ни перца, ни сахарнаго тростника; не было и маленькихъ хижинъ, какія вы всѣ видали; и обитатели джунглей не имѣли понятія о человѣкѣ, но жили всѣ вмѣстѣ, составляя одинъ народъ. Но вотъ между ними начались споры изъ-за пищи, хотя пастбищъ кругомъ было совершенно достаточно. Звѣри были лѣнивы, каждый желалъ ѣсть, гдѣ лежалъ, какъ мы иногда дѣлаемъ, когда идутъ хорошіе весенніе дожди. Тха, первый слонъ, былъ занятъ устройствомъ новыхъ джунглей и заключеніемъ рѣкъ въ русла. Онъ не могъ поспѣвать повсюду; поэтому онъ назначилъ перваго изъ тигровъ начальникомъ и судьей джунглей, и обитатели ихъ должны были приносить ему свои жалобы. Въ эти дни первый изъ тигровъ ѣлъ плоды и траву наравнѣ съ прочими. Онъ былъ величиной съ меня и очень красивъ,— цвѣтъ его вполнѣ подходилъ къ цвѣтамъ на желтыхъ вьющихся растеній. На его шерсти не было ни одного пятна ни одной полосы въ тѣ счастливые дни, когда джунгли были еще молоды. Все населеніе приходило къ тигру безъ боязни, и его слово было закономъ для всѣхъ. Въ то время—поминаю это— мы всѣ были одинъ народъ. Но однажды ночью у двухъ оленей произошелъ споръ—споръ изъ-за пастбища, одинъ изъ тѣхъ споровъ, которые вы рѣшаете ударомъ рогъ или переднихъ ногъ. И вотъ говорятъ, что въ то время, какъ олени припирались въ присутствіи перваго изъ тигровъ, лежавшаго среди цвѣтовъ, одинъ изъ споривших толкнулъ его рогами. Тигръ забылъ, что онъ былъ начальникъ и судья джунглей: онъ бросился на оленя и сломилъ ему шею. До этой ночи ни одинъ изъ насъ не умиралъ и первый изъ тигровъ, увидавъ свое дѣло и обезумѣвъ отъ запаха крови, убѣжалъ въ болота сѣвера, а мы, оставшись въ джунгляхъ безъ судьи, стали воевать между собой.

Тха, услыхавъ шумъ, вернулся. Тогда нѣкоторые изъ звѣрей начали говорить одно, другіе—другое; но онъ увидалъ убитаго оленя на лугу и спросилъ, кто убилъ его, а мы не хотѣли сказать, потому что потеряли разумъ отъ запаха крови. Мы бѣгали кругами, брыкаясь, крича и тряся головами. Потомъ Тха отдалъ приказаніе деревьямъ джунглей, низко опустившимъ свои вѣтви, и волочившимся по землѣ ліанамъ, такъ отмѣтить убійцу оленя, чтобы онъ могъ узнать его, и сказалъ:

— Народъ, кто хочетъ теперь стать судьей въ джунгляхъ?

Выскочила впередъ сѣрая обезьяна, живущая на вѣтвяхъ и закричала:

— Я хочу быть судьей!

На это Тха засмѣялся и сказалъ:

— Пусть будетъ такъ,—и ушелъ очень сердитый.

Дѣти, вы знаете сѣрую обезьяну. Она и тогда была такой же, какъ теперь. Сначала она скорчила умное лицо, но скоро начала чесаться и прыгать вверхъ и внизъ по сучьямъ, а когда Тха вернулся, онъ засталъ ее висящею внизъ головой и поднимающей насмѣхъ стоявшихъ внизу. Тѣ, въ свою очередь, насмѣхались надъ ней. Такимъ образомъ закона въ джунгляхъ не стало—его мѣсто заступили безсмысленные, пустые разговоры.

Тогда Тха созвалъ насъ и сказалъ:

— Первый изъ вашихъ начальниковъ внесъ смерть въ джунгли, а второй—позоръ. Теперь время водворить законъ, такой законъ, котораго никто бы не нарушалъ. Теперь вы должны узнать *страхъ*, и когда познакомитесь съ нимъ, то признаете въ немъ своего повелителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ придетъ и все прочее. Тогда мы изъ джунглей спросили:

— Что такое *страхъ?*

А Тха отвѣтилъ:

— Ищите, пока не найдете.

Такъ мы стали бродить по джунглямъ, отыскивая страхъ, и скоро буйволы...

— Ухъ!—вздохнулъ Миза, вожакъ буйволовъ, стоявшихъ на песчаной отмели.

— Да, Миза, первыми были буйволы. Они вернулись съ извѣстіемъ, что въ одной пещерѣ джунглей сидитъ страхъ, что на немъ нѣтъ шерсти, и онъ ходитъ на заднихъ ногахъ. Тогда мы всѣ пошли за буйволами, пока не дошли до пещеры, и страхъ стоялъ у входа въ нее. На немъ дѣйствительно—какъ говорили буйволы—не было шерсти и онъ ходилъ на заднихъ ногахъ. Увидавъ насъ, онъ вскрикнулъ, и, услыхавъ его голосъ, мы почувствовали тотъ страхъ, который теперь испытываемъ каждый разъ, когда раздастся этотъ голосъ. Мы побѣжали,

спотыкаясь и теребя другъ друга, потому что боялись. Въ эту ночь—такъ мнѣ разсказывали—мы, жители джунглей, не улеглись всѣ вмѣстѣ, какъ было въ обычаѣ, но каждое племя помѣстилось отдѣльно—кабаны съ кабанами, олени съ оленями; рогатые съ рогатыми, копытные съ копытными—сродные со сродными, и такъ лежали, дрожа въ джунгляхъ. Только перваго изъ тигровъ не было съ нами, потому что онъ все прятался въ сѣверныхъ болотахъ, и когда до него дошли вѣсти о томъ, что мы видѣли въ пещерѣ, онъ сказалъ:

— Я пойду къ этой вещи и сломлю ей шею.

Онъ пробѣгалъ всю ночь, пока не нашелъ пещеру; но деревья и ползучія растенія по дорогѣ помнили приказаніе Тха и, спуская вѣтви, отмѣчали тигра, когда онъ пробѣгалъ мимо: они оставляли мѣтки у него на спинѣ, на бокахъ, на лбу и щекахъ. Гдѣ ни дотрогивались, тамъ появлялось пятно или полоса на его желтомъ мѣхѣ. *И эти полосы его дѣти носятъ до нынѣшняго дня!*

Когда тигръ подошелъ къ пещерѣ, Безстрашный, вытянулъ руку и назвалъ его „полосатымъ ночнымъ разбойникомъ“. первый изъ тигровъ испугался Безстрашнаго и съ воемъ побѣжалъ обратно въ болота.

Маугли здѣсь хихикнулъ, спрятавъ подбородокъ въ воду.

Онъ вылъ такъ громко, что Тха услыхалъ его и спросилъ: „О чемъ горюешь?“ А первый изъ тигровъ поднялъ морду къ недавно созданному небу, которое теперь такъ старо, и сказалъ: „Верни мнѣ мою силу, о Тха! Мнѣ стыдно всѣхъ жителей джунглей и я убѣжалъ отъ Безстрашнаго, а онъ назвалъ меня позорнымъ именемъ“.

— За что?—спросилъ Тха.

— Потому что я испачканъ болотной грязью,—отвѣтилъ первый изъ тигровъ.

— Такъ поди, поплавай и покатайся по сырой травѣ, и если это грязь, она сойдетъ,—сказалъ Тха; и первый изъ тигровъ плавалъ, катался, долго катался передъ глазами повелителя, но ни одна черточка на его мѣхѣ не стерлась, и Тха, смотря на него, смѣялся. Тогда первый тигръ сказалъ:

— За что это послано на меня?

Тха отвѣчалъ:

— Ты убилъ оленя и напустилъ *смерть* на джунгли, а со *смертью* пришелъ *страхъ*, такъ что обитатели джунглей стали бояться другъ друга, такъ же, какъ ты боишься Безстрашнаго.

Первый изъ тигровъ сказалъ:

— Они никогда не будутъ бояться меня, потому что я знаю ихъ съ самаго начала.

Тха проговорилъ:

— Поди и посмотри.

И первый изъ тигровъ сталъ бѣгать взадъ и впередъ, громко сзывая кабановъ, оленей, дикобразовъ и весь народъ джунглей; но они всѣ бѣжали отъ него—своего бывшаго судьи, потому что боялись его.

Тогда первый изъ тигровъ вернулся; его гордость смирилась въ немъ; онъ колотился головой о землю и рылъ ее всѣми четырьмя лапами, говоря: „Вспомни, что я прежде былъ судьей въ джунгляхъ. Не забудь меня, о Тха! дозволь моимъ дѣтямъ помнить, что было время, когда я не зналъ позора и стыда!“

А Тха сказалъ:

— Это я сдѣлаю, потому что мы съ тобой видѣли, какъ создались джунгли. Одну ночь въ году все будетъ для тебя и твоихъ дѣтей такъ, какъ было до тѣхъ поръ, пока ты не убилъ оленя. Въ эту ночь, если вы повстрѣчаете Безстрашнаго—имя его человѣкъ—вы не будете бояться его, но онъ будетъ бояться васъ, какъ будто вы судьи въ джунгляхъ и хозяева въ нихъ. Но въ эту ночь пожалѣй человѣка, пощади его, потому что ты самъ узналъ, что такое страхъ.

Тогда первый изъ тигровъ отвѣчалъ:

— Я доволенъ; но на слѣдующій день у водопоя, когда онъ увидалъ черныя полосы на своихъ бокахъ и вспомнилъ имя, которымъ его назвалъ Безстрашный, его бѣшенство снова вернулось къ нему. Цѣлый годъ онъ жилъ въ болотахъ, ожидая, что Тха исполнитъ свое обѣщаніе

И однажды ночью, когда шакалъ луны (вечерняя звѣзда) ярко свѣтилъ надъ джунглями, тигръ почувствовалъ, что пришла его ночь. И онъ отправился къ пещерѣ, гдѣ жилъ Безстрашный.

Тогда случилось, какъ обѣщалъ Тха: Безстрашный палъ ницъ передъ нимъ, и первый изъ тигровъ сломилъ ему спину, думая, что во всѣхъ джунгляхъ есть только одно такое существо, и что онъ убилъ страхъ. Затѣмъ, обнюхивая убитаго имъ, онъ услыхалъ Тха, идущаго изъ лѣсовъ съ сѣвера, и голосъ перваго изъ слоновъ — тотъ же, который мы слышимъ теперь...

Надъ сухими выгорѣвшими холмами грохоталъ громъ, но не приносилъ съ собой дождя, а только молнію, сверкавшую надъ горными кряжами. Хати продолжалъ:

— *Вотъ какой* голосъ услыхалъ тигръ, и голосъ сказалъ: „Такъ это твое состраданіе?“ Первый тигръ отвѣчалъ, облизываясь:

— Такъ что же? Я убилъ страхъ.

А Тха сказалъ:

— Глупый ты и слѣпой! Ты развязалъ зубы смерти, и она будетъ ходить по твоимъ слѣдамъ, пока не унесетъ тебя. Ты научилъ человѣка убивать!

Первый тигръ, поднявшись съ убитаго, проговорилъ:

— Съ нимъ то же, что съ оленемъ. Страха нѣтъ. Теперь я опять стану судьей въ джунгляхъ.

А Тха отвѣтилъ на это:

— Никогда уже дѣти джунглей не станутъ приходить къ тебѣ. Никогда они не станутъ ни пересѣкать твоего слѣда, ни спать въ твоемъ сосѣдствѣ, ни слѣдовать за тобой, ни пастись близъ твоего логовища. Одинъ только страхъ будетъ слѣдить за тобой, и ударомъ, котораго ты не увидишь, сдѣлаетъ съ тобой, что хочетъ. Онъ прикажетъ землѣ раскрыться подъ твоими ногами, ползучимъ растеніямъ обвиться вокругъ твоей шеи, древеснымъ стволамъ срастись надъ тобой выше, чѣмъ ты можешь прыгнуть, и, наконецъ, сдеретъ твою шкуру, чтобы завертывать своихъ дѣтей, когда имъ холодно. Ты не пощадилъ его, и онъ не станетъ щадить тебя.

Первый изъ тигровъ былъ очень смѣлъ, чувствуя, что ночь еще его, и сказалъ:

— Что Тха обѣщалъ, онъ исполнитъ. Онъ не отниметъ у меня моей ночи?

А Тха отвѣчалъ:

— Эта одна ночь твоя, какъ я сказалъ, и за нее ты не поплатишься. Ты научилъ человѣка убивать, а онъ всему научается быстро.

Первый изъ тигровъ сказалъ:

— Онъ здѣсь у меня, подъ лапами, и спина у него сломана. Скажи джунглямъ, что я убилъ страхъ.

Тха засмѣялся и сказалъ:

— Ты убилъ одного изъ многихъ; но скажи объ этомъ джунглямъ самъ, потому что твоя ночь кончена.

Такъ наступилъ день; изъ отверстія пещеры вышелъ другой Безстрашный; онъ увидалъ перваго Безстрашнаго убитымъ на дорогѣ и стоящаго надъ нимъ перваго изъ тигровъ, и взялъ острую палку...

— Они бросаютъ такую вещь, которая рѣжетъ,—перебилъ Икки, скатываясь, шурша, съ высокаго берега.

Индусы считаютъ дикобраза, котораго называютъ Хо-Игу, очень вкуснымъ кушаньемъ, и поэтому ему хорошо знакомъ злой топорикъ, пролетающій черезъ лужайку, какъ стрекоза.

— Это была острая палка, такая, какую они ставятъ на дно волчьей ямы,—продолжалъ Хати,—и она воткнулась глубоко въ бокъ тигра.

Такъ разсказывалъ Тха. И тигръ съ воемъ метался по джунглямъ, пока не вырвалъ палки. Всѣ джунгли узнали, что Безстрашный можетъ попадать издали, и всѣ стали бояться его еще больше прежняго. Такимъ образомъ произошло, что первый изъ тигровъ научилъ человѣка убивать—и вы знаете, какъ отъ этого сталъ потомъ страдать весь нашъ народъ—и петлей, и волчьей ямой, и капканомъ, и летучей палкой, и жалящей мухой, вылетающей изъ дыма (Хати подразумѣвалъ ружье), и краснымъ цвѣткомъ, отъ котораго мы бѣжимъ безъ оглядки. Только одну ночь въ году Безстрашный боится тигра, какъ обѣщалъ Тха, и тогда уже тигръ не щадитъ человѣка. Гдѣ онъ застигаетъ человѣка, тамъ убиваетъ его, помня, какъ онъ опозорилъ перваго тигра. А въ другое время Страхъ бродитъ днемъ и ночью по джунглямъ.

— *Ахи! Ау!*—сказалъ олень, думая, какое большое значеніе имѣетъ это для него.

— И только тогда, когда на насъ на всѣхъ нападаетъ одинъ большой страхъ, какъ теперь, мы въ джунгляхъ можемъ оставить въ сторонѣ свои маленькіе страхи и собираться въ одно мѣсто, какъ дѣлаемъ это сейчасъ.

— И только на одну ночь человѣкъ боится тигра?—спросилъ Маугли.

— Да, только на одну,—отвѣтилъ Хати.

— Но я... но мы... Всѣ въ джунгляхъ знаютъ, что Ширъ-ханъ убиваетъ человѣка и два и три раза въ одинъ мѣсяцъ.

— Даже и тогда онъ боится. Онъ бросается *сзади* и отворачиваетъ голову, нанося ударъ, потому что самъ полонъ страха. Если бы человѣкъ посмотрѣлъ на него, тигръ бы бѣжалъ. Но въ эту единственную ночь онъ смѣло идетъ въ деревню, бродитъ между домами, просовывая голову въ двери; люди падаютъ ничкомъ, и тогда онъ убиваетъ. Убиваетъ одного изъ нихъ въ эту ночь.

— О, *теперь* я понимаю, почему Ширъ-ханъ приказалъ мнѣ смотрѣть на него! Изъ этого для него не вышло проку, потому что онъ не могъ уставить на меня своего взгляда, а я ужъ, конечно, не повалился ему въ ноги. Но вѣдь я изъ свободнаго племени: я не человѣкъ,—сказалъ Маугли.

— *Уммъ!* — проворчала Багхира изъ глубины мохнатаго горла.—Знаетъ тигръ свою ночь?

— Не знаетъ, пока спутникъ: „шакалъ“ луны не взойдетъ въ вечернемъ туманѣ. Иногда эта ночь тигра приходится въ

сухое лѣто, иногда въ дожди. Безъ перваго тигра всего этого никогда бы не было, и никто изъ насъ не зналъ бы Страха.

Олень печально вздохнулъ, а губы Багхиры скривились злой усмѣшкой.

— Люди знаютъ эту сказку?—спросила она.

— Никто не знаетъ, кромѣ тигровъ и насъ, слоновъ—сыновей Тха. Вотъ вы у воды слышали ее, а я кончилъ.

Хати опустилъ хоботъ въ воду, въ знакъ того, что не хочетъ говорить.

— Но... но...—повторялъ Маугли, обращаясь къ Балу,—почему первый изъ тигровъ не продолжалъ ѣсть травы и древесныхъ листьевъ? Онъ только сломилъ шею оленю. Онъ не *ѣлъ* его. Какъ онъ дошелъ до горячаго мяса?

— Деревья и ползучія растенія отмѣтили его, Маленькій братъ, и сдѣлали его полосатымъ, каковъ онъ теперь. Онъ ни за что не хотѣлъ ѣсть большихъ плодовъ, но съ этого дня сталъ вознаграждать себя оленями и другими травоядными,—объяснилъ Балу.

— Такъ *ты* зналъ эту сказку? Почему же я никогда не слыхалъ ее?

— Потому что въ джунгляхъ много такихъ сказокъ. Если бы я началъ ихъ разсказывать, имъ и конца бы не было. Выпусти мое ухо, Маленькій братъ!

Чудо Пурунъ Багхата.

Однажды жилъ въ Индіи человѣкъ, бывшій первымъ министромъ одного изъ полусамостоятельныхъ государствъ сѣверо-западной части страны. Онъ былъ браминъ, принадлежалъ къ такой высокой кастѣ, что каста переставала имѣть значеніе для него. Уже отецъ его занималъ важную должность въ щеголявшей пестрыми мундирами и всякой мишурой свитѣ индусскаго двора стараго образца. Но подросши, Пурунъ Дассъ сознавалъ, что старый порядокъ вещей измѣнился, и что, если желаешь пробить себѣ дорогу въ жизни, то долженъ дружить съ англичанами и подражать всему, что они считаютъ хорошимъ. Въ то же время офицеръ-туземецъ долженъ умѣть сохранить расположеніе собственнаго повелителя. Это дѣло трудное, но молчаливый молодой браминъ, получившій хорошее образованіе въ одномъ изъ бомбейскихъ университетовъ, повелъ свое дѣло спокойно и постепенно добрался до должности перваго министра.

Когда старый король, косившійся на англичанъ съ ихъ желѣзными дорогами и телеграфами, умеръ, Пурунъ Дассъ пріобрѣлъ большое вліяніе у его наслѣдника, воспитаннаго англичаниномъ, и сообща, хотя Пурунъ Дассъ всегда предоставлялъ первое мѣсто королю, они устроили школы для дѣвочекъ, проводили дороги, устраивали state dispensaries и выставки сельско-хозяйственныхъ орудій, стали ежегодно издавать синюю книгу о „Нравственномъ и матеріальномъ преуспѣваніи королевства“, и вообще привели въ восторгъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Индостанѣ.

Очень немногія туземныя государства берутъ примѣръ въ своемъ управленіи съ англичанъ, не признавая, какъ то призналъ сразу Пурунъ Дассъ, что все хорошее для англичанъ вдвойнѣ хорошо для азіатовъ. Показывая всѣмъ, какъ надо вести дѣло, первый министръ сдѣлался уважаемымъ другомъ вице-королей, губернаторовъ и вице-губернаторовъ, миссіоне-

ровъ, врачей и простыхъ миссiонеровъ, а также офицеровъ-спортсмэновъ, прiѣзжавшихъ охотиться въ государственные парки и всѣхъ туристовъ, путешествовавшихъ по Индiи въ прохладную пору года. Въ свободное время онъ устраивалъ курсы для изученiя медицины и промышленности по чисто-англiйскимъ образцамъ и писалъ письма въ *Пiонеръ*, самую большую остъ-индскую газету, въ которыхъ объяснялъ цѣли и стремленiя своего повелителя.

Наконецъ онъ отправился посѣтить Англiю и по возвращенiи долженъ былъ уплатить очень большiя суммы жрецамъ, потому что даже человѣкъ такой высокой касты, какъ браминъ Пурунъ Дассъ, терялъ право на свою касту, переѣхавъ за „черное" море. Въ Лондонѣ онъ видался и разговаривалъ со всѣми, съ кѣмъ стоило познакомиться—съ людьми, имена которыхъ извѣстны всему свѣту—и видѣлъ гораздо больше, чѣмъ показывалъ. Нѣсколько университетовъ наградили его почетными степенями; онъ произносилъ рѣчи и читалъ лекцiи о соцiальныхъ реформахъ въ Индiи передъ англiйскими лэди въ вечернихъ туалетахъ, такъ что весь Лондонъ кричалъ:

— Такого обаятельнаго человѣка мы не встрѣчали за нашими обѣдами съ тѣхъ самыхъ временъ, какъ впервые начали накрывать столы.

Онъ вернулся въ Англiю окруженный ореоломъ славы, такъ какъ самъ вице-король посѣтилъ его, чтобы украсить магараджу большимъ крестомъ ордена индусской звѣзды—соединенiя брильянтовъ, эмали и лентъ. И во время той же церемонiи, при пушечной стрѣльбѣ, Пурунъ Дассъ получилъ званiе командора ордена Индiйской имперiи, такъ что теперь могъ подписываться „Пурунъ Дассъ, К. О. И. И.".

Въ этотъ вечеръ за обѣдомъ въ обширной палаткѣ вице-короля онъ всталъ съ орденскимъ знакомъ и цѣпью на шеѣ, и, отвѣчая на тостъ въ честь своего повелителя, произнесъ рѣчь, которой могъ бы позавидовать любой англичанинъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, когда городъ погрузился въ свое обычное спокойствiе подъ палящей жарой, онъ сдѣлалъ вещь, которая и не приснилась бы англичанину: совершенно неожиданно умеръ. Драгоцѣнные знаки ордена вернулись къ индiйскому правительству, былъ назначенъ новый первый министръ, и всѣ подвѣдомственныя учрежденiя доставили много работы почтовымъ конторамъ.

Жрецы знали, что случилось, а народъ догадывался, но Индiя единственная страна въ мiрѣ, гдѣ каждый можетъ дѣ-

лать, что ему угодно, и никто не спроситъ причины его поступковъ; поэтому никому не показалось страннымъ, когда Пурунъ Дассъ К. О. И. И., отказавшись отъ мѣста, дворца, власти, взялъ страннический посохъ и надѣлъ желтую одежду *суніази*—святого человѣка. Онъ былъ, какъ предписываетъ древній законъ, двадцать лѣтъ юношей, двадцать лѣтъ борцомъ, хотя въ жизнь не бралъ оружія въ руки, и двадцать лѣтъ главой семьи. Онъ употреблялъ силы и состояніе на дѣло, которое считалъ хорошимъ, пользовался почестями, когда они шли къ нему, видалъ близкихъ и далекихъ людей и города, и люди поднимались и отдавали ему честь. Теперь онъ отрекался отъ всего этого, какъ человѣкъ, сбрасывающій плащъ, который ему уже не нуженъ.

Когда онъ въ антилоповой кожѣ, накинутой на плечи, съ посохомъ, съ рукояткой, окованной мѣдью, и чашкой изъ пальмоваго дерева для сбора подаяній въ рукахъ, одинокій, босоногій, опустивъ глаза въ землю, выходилъ черезъ городскія ворота, раздавались съ бастіоновъ залпы въ честь его счастливаго преемника. Пурунъ Дассъ кивнулъ головой. Вся эта жизнь кончена, и онъ относился къ ней такъ же равнодушно, какъ человѣкъ относится къ пригрезившемуся ему безцвѣтному сну. Онъ былъ сунніази—бездомный бродяга, нищій, выпрашивающій денное пропитаніе у сосѣдей, и пока у индуса есть кусокъ, которымъ онъ можетъ подѣлиться, ни жрецъ ни нищій не умрутъ съ голода въ Индіи.

Пурунъ Дассъ никогда въ своей жизни не пробовалъ мяса, и даже очень рѣдко ѣлъ рыбу. Пяти фунтовъ стерлинговъ было бы достаточно для его пропитанія въ годъ и въ то время, когда онъ распоряжался милліонами. Даже, когда онъ былъ львомъ сезона въ Лондонѣ, онъ не забывалъ своей мечты о спокойствіи и тихой жизни: онъ видѣлъ передъ собой длинную бѣлую пыльную индійскую дорогу съ отпечатками босыхъ ногъ, съ постояннымъ медленнымъ движеніемъ на ней и ѣдкимъ запахомъ дыма, поднимающагося въ сумерки отъ костровъ, разведенныхъ подъ смоковницами, гдѣ путники готовятъ себѣ ужинъ.

Когда наступило время осуществить мечту, первый министръ сдѣлалъ соотвѣтствующіе шаги, и черезъ три дня легче было бы найти пузырь въ безбрежномъ Атлантическомъ океанѣ, чѣмъ Пурунъ Дасса въ шумной перекатывающейся волнѣ, собирающей и разсѣивающей милліоны индусскаго населенія.

На ночь онъ разстилалъ свою антилоповую кожу тамъ, гдѣ его застигала темнота—иногда въ какомъ-нибудь сунніазій-

скомъ монастырѣ у дороги; иногда близъ столба, сложеннаго изъ грязи, у капища Кала-Пира, гдѣ іоги—другая мистическая секта святыхъ людей—принимала его, какъ вообще принимаютъ людей, которыхъ считаютъ достойными по принадлежности ихъ къ извѣстной кастѣ или сектѣ; иногда за околицей индусской деревушки, куда дѣти приносили ему пищу, приготовленную родителями, а иногда просто на краю пастбища, гдѣ огонь, разведенный имъ изъ хвороста, будилъ сонныхъ верблюдовъ. Для Пурунъ-Дасса или Пурунъ-Багхата, какъ онъ называлъ себя, это было безразлично. Земля, люди, пища не имѣли для него значенія. Но шаги его безсознательно направлялись къ сѣверо-западу; съ юга въ Рошакъ, изъ Рошака въ Курнуль, изъ Курнуля къ развалинамъ Самана, а затѣмъ вверхъ по высохшему ручью рѣки Гуджера, наполнявшемуся только, когда въ горахъ идутъ дожди, пока, наконецъ, однажды передъ нимъ не встали далекія очертанія Гималаи.

Тогда Пурунъ-Багхатъ улыбнулся, припомнивъ, что его мать принадлежала къ семьѣ раджпутскихъ браминовъ изъ Калу—горная жительница, вѣчно тосковавшая о снѣгахъ своей родины—и что самая небольшая примѣсь крови горца влечетъ человѣка туда, гдѣ его родина.

— Тамъ,—сказалъ Пурунъ Багхатъ, поднимаясь по первымъ предгорьямъ Сиваликскихъ холмовъ, гдѣ кактусы поднимались какъ седмисвѣчники,—тамъ я сяду и соберу свѣдѣнія.

И холодный вѣтеръ Гималаевъ свистѣлъ вокругъ его ушей, когда онъ зашагалъ по дорогѣ въ Симлу

Въ послѣдній разъ, когда Пурунъ Багхатъ былъ на этой дорогѣ, онъ проѣзжалъ по ней съ пышной свитой всадниковъ, отправляясь съ визитомъ къ одному изъ самыхъ симпатичныхъ вице-королей, съ которымъ проговорилъ цѣлый часъ объ общихъ лондонскихъ знакомыхъ и настоящихъ взглядахъ индусовъ. Теперь Пурунъ Багхатъ не отправился ни къ кому съ визитомъ, но, опершись на рѣшетку аллеи, смотрѣлъ на чудный видъ равнины, разстилавшейся на сорокъ миль внизу, пока полисмэнъ изъ туземцевъ не сказалъ ему, что онъ мѣшаетъ, и Пурунъ Багхатъ почтительно преклонился передъ закономъ, потому что зналъ цѣну его и искалъ собственнаго закона. Онъ пошелъ дальше и проспалъ эту ночь въ пустой хижинѣ въ Хота Симлѣ, гдѣ, кажется, самый край свѣта, но это было только начало его путешествія.

Онъ шелъ по дорогѣ, ведущей черезъ Гималаи въ Тибетъ, по тропинкѣ въ десять футовъ ширины, вырубленной въ скалѣ или проложенной по мосткамъ надъ пропастями въ ты-

сячу футовъ глубины; спускался въ сырыя теплыя, со всѣхъ сторонъ замкнутыя долины, изъ которыхъ выбирался по травянистымъ скатамъ холмовъ, гдѣ солнце жжетъ, какъ зажигательное стекло, или пробирался по темнымъ лѣсамъ, гдѣ поднимаются гигантскіе папоротники, а фазаны перекликаются съ своими самками. Ему встрѣчались тибетскіе пастухи съ ихъ собаками и стадами, у каждой изъ которыхъ былъ привязанъ на спинѣ мѣшочекъ съ буркой; странствующіе дровосѣки, тибетскіе ламы, закутанные въ плащи и одѣяла, отправляющіеся въ Индію на богомолье; посланцы небольшихъ горныхъ государствъ, отчаянно мчавшіеся на увѣшанныхъ кольцами пѣгихъ пони, или поѣздъ раджи, отправляющагося съ визитами, а бывали и такіе дни, что за цѣлый ясный долгій день онъ не видалъ никого, кромѣ бураго медвѣдя, съ ворчаніемъ вырывавшаго коренья въ долинѣ внизу. Когда онъ только что пустился въ путь, шумъ покинутаго имъ свѣта еще отдавался у него въ ушахъ, подобно тому какъ гулъ еще долго отзывается послѣ того, какъ поѣздъ уже давно промчался по тоннелю, но миновавъ Муттіанійскій проходъ, онъ уже не слыхалъ больше этого шума, и Пурунъ Багхатъ остался наединѣ съ самимъ собой и шелъ не спѣша, раздумывая и созерцая, опустивъ глаза въ землю, а мыслями возносясь за облака.

Однажды вечеромъ онъ перешелъ черезъ высочайшій изъ проходовъ, встрѣчавшихся ему до тѣхъ поръ—онъ поднимался на него въ теченіе двухъ дней—и очутился передъ грядой снѣжныхъ вершинъ, замыкавшихъ весь горизонтъ—горъ по пятнадцати и двадцати тысячъ футовъ, казавшихся такъ близко, что до нихъ будто можно было дошвырнуть камнемъ, а въ сущности отстоявшихъ на пятьдесятъ и шестьдесятъ миль. Проходъ былъ покрытъ густымъ темнымъ лѣсомъ изъ деодаровъ, орѣховыхъ деревьевъ, дикихъ вишенъ, дикой груши, но, главнымъ образомъ, изъ деодаровъ—гималайскихъ кедровъ, а въ тѣни деодаровъ стояло покинутое капище Кали—иначе Дурга или Ситала, богини, которую призываютъ иногда противъ оспы.

Пурунъ Дассъ чисто вымелъ каменный полъ, улыбнулся на оскалившую зубы статую, сложилъ себѣ изъ грязи маленькій очагъ у задней стѣны капища, разостлалъ свою антилоповую шкуру на подстилку изъ свѣже собранныхъ хвой, сунулъ свой *біараги*—посохъ съ мѣднымъ крючкомъ—подъ мышку и сѣлъ отдыхать.

У ногъ его холмъ круто спускался внизъ безлѣсной гладкой поверхностью футовъ на полторы тысячи до того мѣста,

гдѣ на кручѣ прилѣпилась деревушка изъ каменныхъ домиковъ съ земляными крышами. Кругомъ на террасахъ зеленѣли небольшія поля, какъ пестрые фартуки на колѣняхъ горы, и между гумнами, окруженными изгородью изъ мягкаго камня, паслись коровы ростомъ не больше телятъ. Смотря внизъ, глазъ ошибался въ размѣрахъ вещей, и трудно было представить себѣ, чтобы то, что казалось низкимъ кустарникомъ на противоположномъ горномъ скатѣ, въ сущности былъ лѣсъ изъ елей по сто футовъ высоты.

Пурунъ Багхатъ увидалъ орла, пролетавшаго надъ гигантской впадиной, но спустившись, меньше чѣмъ наполовину, гигантская птица обратилась въ едва видимую точку. Нѣсколько разорванныхъ облачковъ ползли вверхъ и внизъ по скату, цѣпляясь за его неровности или разсѣиваясь, когда достигали уровня прохода. И Пурунъ Багхатъ сказалъ: „Здѣсь я найду миръ“.

Для горца ничего не значитъ пройти нѣсколько сотъ футовъ вверхъ или внизъ по горѣ, и какъ скоро поселяне увидали дымъ, поднимавшійся изъ покинутаго капища, деревенскій жрецъ поднялся на вершину горы, чтобы привѣтствовать путника.

Встрѣтивъ взглядъ Пурунъ Багхата,—взглядъ, привыкшій повелѣвать тысячами, жрецъ поклонился до земли, ни слова не проронивъ, взялъ чашку для сбора подаяній и вернулся въ деревню, говоря:

— Наконецъ къ намъ пришелъ святой человѣкъ. Никогда я не видалъ такого человѣка. Онъ изъ равнины, но блѣднолицый, браминъ изъ браминовъ.

Тогда всѣ деревенскія женщины стали спрашивать:

— А, какъ ты думаешь: останется онъ у насъ? И каждая прилагала все свое усердіе, чтобъ изготовить самую вкусную ѣду для Багхата. Пища горцевъ вообще простая, но изъ гречи, кукурузы, риса, краснаго перца, небольшой рыбки, пойманной въ рѣкѣ, протекающей по долинѣ, изъ меда, собраннаго въ сотахъ, устроенныхъ пчелами въ трещинахъ каменныхъ стѣнъ, сухихъ абрикосовъ, куркумы и дикаго имбиря и овсяной муки искусная женщина можетъ приготовить вкусныя вещи, и жрецъ принесъ Багхату полную чашу всякихъ кушаній. Жрецъ спросилъ, останется ли Багхатъ у нихъ? Не нуженъ ли ему *хела*-ученикъ, который собиралъ бы подаяніе для него? Есть ли у него одѣяло для защиты отъ холода? Хорошо ли кушанье?

Пурунъ Багхатъ поѣлъ и поблагодарилъ принесшаго. Онъ намѣревался пожить здѣсь. Жрецъ сказалъ, что этого доста-

точно съ него и предложилъ ему каждый день вставлять чашку въ углубленіе, образуемое у капища двумя сплетшимися корнями, и каждый день въ ней будетъ пища, потому что деревня считаетъ для себя за честь, что такой человѣкъ, жрецъ робко взглянулъ въ лицо Багхату, поселился поблизости.

Этимъ днемъ кончились странствованія Пурунъ Багхата. Онъ пришелъ на мѣсто, предназначенное для него—мѣсто, гдѣ была тишина и просторъ. Послѣ этого время остановилось для него и, сидя на камнѣ у капища, онъ самъ не могъ сказать про себя, живетъ ли онъ, или умеръ; человѣкъ ли онъ, свободно управляющій своими членами, или часть холмовъ, облаковъ, періодическихъ дождей и солнечнаго свѣта. Онъ повторялъ одно имя про себя сотни разъ тихо и нѣжно, пока при каждомъ повтореніи ему стало казаться, что онъ все больше и больше выходитъ изъ своего тѣла, возносясь къ вратамъ какого-то ужаснаго открытія; но какъ разъ, когда дверь отворялась, тѣло его увлекало его обратно, и онъ съ огорченіемъ видѣлъ, что онъ снова заключенъ въ тѣлесную оболочку Пурунъ Багхата.

Каждое утро наполненная до краевъ чашка ставилась въ молчаніи въ развѣтвленіе корней у капища. Иногда ее приносилъ самъ жрецъ, иногда торговецъ изъ Ладака, жившій въ деревнѣ, восходилъ по горной тропинкѣ, желая сдѣлать богоугодное дѣло, но чаще всего приносила пищу женщина, изготовившая ее за ночь, и, запыхавшись, она говорила шопотомъ: „Говори за меня богамъ, Багхатъ. Говори о такой-то женѣ такого-то". Иногда эта честь выпадала на долю когонибудь изъ ребятъ посмѣлѣй, и Пурунъ Багхатъ слышалъ, какъ онъ ставилъ чашку и пускался бѣжать со всѣхъ ногъ, но самъ Багхатъ никогда не спускался въ деревню. Она лежала, какъ ландкарта у его ногъ. Онъ могъ видѣть вечернія собранія, происходившія въ оградахъ гуменъ, потому что это были единственныя ровныя мѣста; могъ видѣть несказанно красивую зелень молодыхъ рисовыхъ всходовъ, синіе побѣги кукурузы, красноватыя пятна гречихи, а въ свое время красные цвѣты амаранта, тонкіе стебли котораго, не будучи ни стручкомъ ни зерномъ, могутъ употребляться индусами въ пищу и въ постъ.

Подъ осень крыши домовъ всѣ представляли изъ себя небольшіе квадраты чистаго золота, потому что жители разсыпаютъ зерно для сушки на крышахъ. Сѣнокосъ и жатва, сборы риса и гречихи проходили передъ его глазами, какъ на картинѣ, развертывавшейся на мелкихъ поляхъ, онъ думалъ

обо всемъ, стараясь опредѣлить, къ чему все это ведетъ, наконецъ.

Даже въ населенныхъ мѣстностяхъ Индіи человѣкъ не можетъ просидѣть день на одномъ мѣстѣ, чтобъ не подвергнуться набѣгу животныхъ, точно онъ какая-нибудь скала; а въ этой глуши разные дикіе обитатели, хорошо знавшіе капище Кали, скоро явились, чтобъ посмотрѣть, кто непрошенный гость въ немъ. *Лангуры*, большія сѣромордыя гималайскія обезьяны, конечно, явились первыя, потому что онѣ воплощенное любопытство. Опрокинувши чашку для подаяніи и покатавъ ее по землѣ, попробовавъ зубы на мѣдной ручкѣ посоха и съ изумленіемъ осмотрѣвъ антилоповую кожу, онѣ рѣшили, что существо, сидѣвшее такъ тихо, совершенно безобидное созданіе. Вечеромъ онѣ спрыгивали съ елей и, протянувъ руки, просили ѣсть, а затѣмъ снова взлетали кверху граціозными прыжками. Имъ нравилось тепло и онѣ тѣснились у огня, такъ что Пурунъ Багхату приходилось отстранять ихъ, когда онъ хотѣлъ подкинуть топлива; а по утрамъ, просыпаясь, онъ часто видѣлъ, что раздѣляетъ свое одѣяло съ мохнатой обезьяной. По цѣлымъ днямъ обезьяны и просиживали рядомъ съ нимъ, смотря на снѣговыя вершины, мурлыча и дѣлая невѣроятно премудрыя и грустныя физіономіи.

За обезьянами послѣдовалъ *барасингъ*, большой олень, похожій на европейскаго, но гораздо сильнѣе его. Онъ желалъ потереться бархатными рогами о холодные камни статуи Кали и затопалъ ногами, увидавъ человѣка въ капищѣ. Но Пурунъ Багхатъ не шевельнулся и мало-по-малу царское животное стало подходить бокомъ и ткнуло мордой въ плечо сидѣвшаго. Пурунъ Багхатъ дотронулся теплой рукой холодныхъ отростковъ роговъ и прикосновеніе успокоило встревоженнаго оленя; онъ опустилъ голову, и Пурунъ Багхатъ стеръ ему верхнюю бархатистую кожицу роговъ. Черезъ нѣсколько времени *барасингъ* привелъ съ собой свою лань и теленка—кроткихъ животныхъ, которыя изжевали края одѣяла святого человѣка; иногда олень приходилъ одинъ по ночамъ, когда его глаза блестѣли зеленымъ огнемъ, за угощеніемъ изъ свѣжихъ грецкихъ орѣховъ. Наконецъ сталъ посѣщать капище и мускусный олень, самый пугливый и мелкій изъ оленьей породы, насторожившъ свои кроличьи уши; даже *мушикъ-набха-землеройка* пожелала узнать, что значитъ свѣтъ въ капищѣ, и ткнула своей мышиной мордочкой въ колѣни Пурунъ Багхата, перебѣгая вмѣстѣ съ тѣнями отъ огня. Пурунъ Багхатъ называлъ ихъ всѣхъ „братьями“ и на его тихій призывъ „бха! бха!“ они въ полдень выходили изъ лѣса, когда только могли

слышать его. Гималайскій черный медвѣдь, ворчливый и подозрительный, *Сона* съ знакомъ въ видѣ V на лбу не разъ проходилъ мимо; и такъ какъ Багхатъ не выказывалъ страха, то Сона не сердился, но смотрѣлъ на него, подходилъ ближе и просилъ ласки, ломтя хлѣба или дикихъ ягодъ. Часто, когда Пурунъ Багхатъ въ тихое утро взбирался на самую высшую точку прохода, чтобъ любоваться розовой зарей на снѣговыхъ вершинахъ, вдругъ позади его раздавалось пыхтѣніе и хрюканье Сона, карабкавшагося за нимъ. Медвѣдь дорогой засовывалъ изъ любопытства переднюю лапу подъ свалившійся древесный стволъ и выдергивалъ ее, сердито рявкнувъ. Или шаги Багхата будили Сона, спавшаго свернувшись въ клубокъ, и огромный звѣрь вскакивалъ на заднія лапы, готовясь къ нападенію: тотчасъ же узнавалъ Багхата по голосу своего лучшаго друга.

Почти про всѣхъ отшельниковъ, живущихъ вдали отъ большихъ городовъ идетъ слава, что они творятъ чудеса съ дикими звѣрями, но всѣ эти чудеса сводятся къ тому, чтобы держаться тихо, никогда не дѣлать рѣзкаго движенія и не смотрѣть, по крайней мѣрѣ, вначалѣ пристально на гостя.

Поселяне видали *барасинга*, мелькавшаго тѣнью по темному лѣсу позади капища, видѣли *минауля*, гималайскаго фазана распускавшаго свой яркій хвостъ передъ статуей Кали, и обезьянъ, сидѣвшихъ въ капищѣ на корточкахъ и игравшихъ орѣховой скорлупой. Кое-кто изъ дѣтей слышали также, какъ Сона распѣвалъ по-своему за камнями, и репутація Багхата, какъ чудотворца, упрочилась.

Онъ уже самъ и не думалъ никогда о чудесахъ. Онъ вѣрилъ, что все на свѣтѣ есть одно огромное чудо, и когда человѣкъ знаетъ это, то ему есть о чемъ подумать. Онъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ въ мірѣ ничего великаго и ничего малаго: и денно и нощно онъ старался проникнуть въ сущность вещей, дойти до того мѣста, откуда вышла его душа.

Пока онъ размышлялъ такъ, его нестриженные волосы отрасли до плечъ; въ каменной плитѣ возлѣ антилоповой кожи отъ посоха образовалась ямка, а углубленіе между стволами, гдѣ денно и нощно стояла чашка для подаяній, все углубляясь, превратилось въ дыру, почти такую же отполированную, какъ сама чашка; и каждое животное уже знало свое мѣсто у огня. Цвѣтъ полей измѣнялся вмѣстѣ съ временами года; гумна наполнялись и пустѣли, и опять наполнялись; и нѣсколько разъ обезьяны убѣгали по вѣтвямъ, покрытымъ пушистымъ снѣгомъ, пока весной не появлялись обратно, принося съ собой изъ болѣе теплыхъ долинъ дѣтенышей съ грустными глазами.

Въ деревнѣ перемѣнъ было мало. Жрецъ постарѣлъ и многія изъ дѣтей, приносившихъ, бывало, чашку съ подаяніями, посылали теперь своихъ дѣтей, и на вопросъ, „давно ли святой человѣкъ живетъ въ капищѣ Кали“, крестьяне отвѣчали: „Всегда“.

Однажды лѣтніе дожди шли съ такой силой, какъ давно не бывало въ горахъ. Цѣлые три мѣсяца долина была окутана облаками и сырымъ туманомъ, дождемъ, падавшимъ не переставая, ливнями съ грозой, разражавшимся одинъ за другимъ. Капище Кали большею частью стояло выше облаковъ, и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца Багхатъ не видалъ своей деревушки. Она скрывалась подъ массой бѣлыхъ облаковъ, проносившихся, колебавшихся, свиваясь и развиваясь, и поднимавшихся кверху, но никогда не отрывавшихся отъ своихъ устоевъ отвѣсныхъ скалъ, ограничивавшихъ долину.

Все это время онъ не слыхалъ ничего, кромѣ звука милліоновъ ручейковъ, струившихся надъ головой съ деревьевъ, а подъ ногами по землѣ, просачиваясь черезъ хвою, стекая съ зубчатыхъ листьевъ папоротника и стремясь потоками по свѣжепрорытымъ грязнымъ русламъ. Наконецъ показалось солнце, и вызвало ароматъ кедровъ, рододендровъ и тотъ далекій чистый запахъ, который индусы называютъ „запахомъ снѣговъ“. Солнце пекло въ продолженіе недѣли, потомъ дожди собрали всѣ свои силы, чтобъ хлынуть послѣднимъ ливнемъ, и вода падала сплошной стѣной, которая срывала кору земли и смывала ее.

Пурунъ Багхатъ усердно поддерживалъ огонь въ эту ночь, такъ какъ былъ увѣренъ, что его „братьямъ“ нужно будетъ тепло; но ни одно животное не пришло въ капище, хотя отшельникъ звалъ и звалъ, пока не уснулъ утомленный, удивляясь, что бы могло случиться въ лѣсахъ.

Была темная полночь; дождь барабанилъ, какъ тысячи барабановъ, когда Пурунъ Багхата разбудилъ кто-то, теребя за одѣяло. Высунувъ руку, онъ ощупалъ ручку обезьяны.

— Тутъ будетъ лучше, чѣмъ въ деревьяхъ,—сказалъ онъ сквозь сонъ, расправляя край одѣяла,—закройся и согрѣйся.

Обезьяна схватила его за руку и стала тащить.

— Что же, стало-быть, ѣсть хочешь? — спросилъ онъ.—Погоди, сейчасъ дамъ.

Когда онъ нагнулся, чтобъ подложить дровъ въ огонь, *лангуръ* побѣжалъ ко входу, замурлыкалъ, прибѣжалъ обратно и сталъ теребить человѣка за колѣни.

— Что съ тобой? Чего ты хочешь, братъ? — спросилъ Пурунъ Багхатъ, увидавъ въ глазахъ обезьяны выраженіе, непо-

нятное ему.—Или кто изъ твоего племени попалъ въ волчью яму? Да волчьихъ ямъ здѣсь нѣтъ! Я не пойду въ такой дождь. Смотри, братъ, даже *барасингъ* ищетъ пріюта!

Рога стукнули, когда олень вбѣжалъ въ капище: онъ боднулъ осклабившееся изображеніе Кали. Потомъ нагнулъ рога по направленію къ Пурунъ Багхату и безпокойно топалъ ногами, дыша со свистомъ черезъ полуоткрытыя ноздри.

— Хай! Хай!—сказалъ Багхатъ, смѣясь.—Такъ-то ты платишь мнѣ за ночной пріютъ?

Но олень толкалъ его къ выходу, и въ то же мгновеніе Пурунъ Багхатъ услыхалъ звукъ, будто что-то открылось со вздохомъ, и увидалъ, что двѣ плиты пола раздвинулись, а вязкая земля подъ ними открыла жадную пасть.

— Теперь вижу, — сказалъ Пурунъ Багхатъ. — Не корю братьевъ, что они не пришли къ моему огню сегодня ночью. Гора рушится. Но... почему мнѣ уходить?—Его взглядъ упалъ на пустую чашку для подаяній, и онъ поблѣднѣлъ.—Они меня кормили съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ сюда, и если я теперь не поспѣшу, завтра ужъ не останется ни одной живой души въ долинѣ. Я долженъ спуститься и предостеречь ихъ. Отойди, братъ, пропусти меня къ огню.

Барасингъ неохотно посторонился, когда Пурунъ Багхатъ сунулъ въ огонь большую сосновую лучину и поворачивалъ ее тамъ, пока она не разгорѣлась.

— Понимаю, вы пришли предостеречь меня,—сказалъ онъ, вставая. — Только мы сдѣлаемъ больше... Пойдемте; а ты, братъ, послужи мнѣ своей шеей, а то у меня только двѣ ноги.

Онъ схватился правой рукой за ощетинившійся загривокъ оленя, держа въ лѣвой, на нѣкоторомъ отдаленіи, факелъ и вышелъ изъ капища. Не было ни вѣтерка, и изъ-за дождя почти не видно было молніи, когда большой олень бѣжалъ внизъ до скату, почти сползая на заднихъ ногахъ. Когда они миновали лѣсъ, къ нимъ примкнули еще другіе братья Багхата. Онъ слышалъ, хотя не могъ видѣть, какъ кругомъ его тѣснились *лангуры*, а позади себя слышалъ, какъ пыхтѣлъ Сона. Длинные сѣдые волосы Багхата намокши повисли прядями, вода плескалась подъ его босыми ногами, а желтое платье прилипло къ исхудалому тѣлу; но онъ продолжалъ итти, опираясь на *барасинга*. Это уже былъ не святой человѣкъ, но сэръ Пурунъ Дассъ, рыцарь ордена Индѣйскаго креста и первый министръ не малаго королевства, человѣкъ, привыкшій распоряжаться и отправляющійся спасать жизнь. Всѣ они, Багхатъ съ братьями, спѣшили внизъ по крутому скользкому

склону, пока копыта оленя не звякнули, толкнувшись о стѣну гумна, и онъ захрапѣлъ, почуявъ человѣка. Они стояли у входа въ одинъ изъ кривыхъ деревенскихъ переулковъ, и Багхатъ постучалъ ручкой своего посоха въ рѣшетчатое окно кузницы и огонь его лучины сверкнулъ подъ навѣсомъ отъ крыши.

— Вставайте и бѣгите!—кричалъ Пурунъ Багхатъ, самъ не узнавая своего голоса, потому что прошло ужъ много лѣтъ, что онъ не говорилъ съ людьми.—Холмъ падаетъ! Оползаетъ! Эй люди, тамъ въ домѣ, вставайте и бѣгите!

— Это нашъ Багхатъ,—сказала жена кузнеца.—Онъ стоитъ тамъ съ своими братьями. Собери дѣтей и кликни кличъ.

Кличъ переходилъ изъ дому въ домъ, между тѣмъ какъ звѣри, собравшись въ узкомъ переулкѣ, въ безпорядкѣ толпились и волновались вокругъ Багхата, а Сона нетерпѣливо пыхтѣлъ.

Весь народъ выбѣжалъ на улицу—всего-то его было семьдесятъ душъ счетомъ, и при свѣтѣ лучинъ они увидали своего Багхата, сдерживавшаго испуганнаго оленя, между тѣмъ какъ обезьяны боязливо цѣплялись за его платье, а Сона, сидя на корточкахъ, ревѣлъ.

— Черезъ долину, на холмъ напротивъ!—кричалъ Пурунъ Багхатъ.—Не оставляйте никого! Мы идемъ за вами!

Тогда весь народъ побѣжалъ, какъ могутъ бѣгать одни горцы, зная, что во время оползня надо спасаться на самое высокое мѣсто по другую сторону долины. Всѣ бѣжали, шлепая по маленькой рѣчкѣ на верхнемъ концѣ ея и карабкаясь по террасамъ противоположной стороны, куда послѣдовалъ и Багхатъ съ „братьями“. Они карабкались все выше и выше по горѣ, перекликаясь по именамъ—обычной перекличкой деревень, а предводительствовалъ ими большой *барасингъ*, поддерживая Пурунъ Багхата, силы котораго быстро падали. Наконецъ олень остановился на опушкѣ густого сосноваго лѣса, на высотѣ пятисотъ футовъ. Инстинктъ, предупредившій его о оползанiи горы, сказалъ ему теперь, что здѣсь онъ будетъ въ безопасности.

Пурунъ Багхатъ упалъ безъ чувствъ къ его ногамъ: холодный дождь и быстрый бѣгъ вверхъ по горѣ были убійственны для него. Но онъ еще успѣлъ крикнуть людямъ, разсѣявшимся по горной площадкѣ съ горящими лучинами въ рукахъ: „Стойте; сочтите, всѣ ли налицо!“ Затѣмъ, видя, что огни собираются въ одну кучку, шопотомъ обратился къ оленю: „Не уходи, братъ. Погоди... пока... я... уйду“.

Въ воздухѣ пронесся вздохъ, перешедшій въ ропотъ, а затѣмъ въ ревъ,—оглушительный, невообразимый, и весь склонъ холма. на которомъ стояла деревня, скрылась въ мракѣ и за-

дрожала. Потомъ долгая, низкая нота, какъ низкое *до* органа, минуть на пять заглушила всѣ остальные звуки, и сосны задрожали при ней до самыхъ корней. Нота замерла, и звукъ дождя, падающаго на протяженіи многихъ миль на твердую почву и луга, превратился въ глухой гулъ воды, падающей на мягкую землю. Этимъ было все сказано.

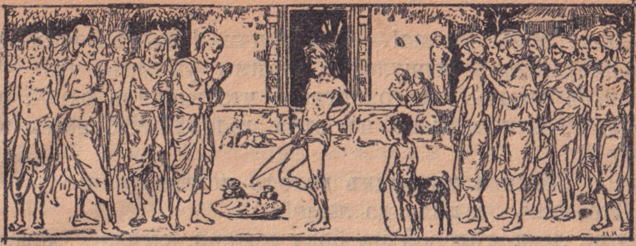
Ни одинъ изъ деревенскихъ жителей—даже самъ жрецъ, не осмѣлился заговорить съ Багхатомъ, спасшимъ ихъ жизнь. Присѣвъ подъ елями, стали ждать дня. Когда на разсвѣтѣ взглянули на долину, то не увидали ни лѣса, ни полей по горнымъ террасамъ, ни перерѣзанныхъ тропинками пастбищъ, а только одно шероховатое, вѣерообразное пятно, изъ котораго кое-гдѣ торчали деревья корнями вверхъ. Это красное пятно легло до самаго подножія холма, служившаго убѣжищемъ поселянамъ, преграждая путь рѣчкѣ, которая начала разливаться, образуя кирпичнаго цвѣта прудъ. Отъ деревни, отъ дороги къ капищу, отъ самаго капища и стоявшаго позади лѣса, не осталось и слѣда. Весь скатъ горы въ милю шириной и толщиной, по крайней мѣрѣ, футовъ въ двѣсти сползъ внизъ, какъ бы срѣзанный сверху донизу.

Крестьяне одинъ за другимъ выползали изъ-подъ деревьевъ, чтобъ помолиться у тѣла своего Багхата. Они видѣли барасинга, стоявшаго надъ нимъ и убѣжавшаго, когда они подошли; слышали, какъ *лангуры* плакали въ вѣтвяхъ, а Сона горевалъ въ горахъ; ихъ же Багхатъ былъ мертвъ: онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, прислонившись спиной къ дереву, держа посохъ подъ мышкой и обратившись лицомъ къ сѣверо-востоку.

Жрецъ сказалъ:

— Смотрите на чудо за чудомъ, потому что именно въ такомъ положеніи долженъ быть погребенъ каждый сунніазисъ! На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь сидитъ, мы построимъ храмъ нашему святому.

Не прошло и года, на этомъ мѣстѣ появился храмъ—небольшое капище изъ камня и земли, а Хоммъ назвалъ холмомъ Багхата, и до настоящаго дня туда приходятъ на поклоненіе съ факелами, цвѣтами и другими дарами. И никто не знаетъ, что человѣкъ, память котораго чтутъ, былъ нѣкогда сэръ Пурунъ-Дассъ, кавалеръ разныхъ индійскихъ орденовъ, бывшій первый министръ передового и образованнаго государства Мохинивала, почетный членъ и корреспондентъ болѣе ученыхъ обществъ, чѣмъ тѣ, которыя принесутъ пользу на этомъ или на томъ свѣтѣ.

Заговоръ джунглей.

Если вы читали первую книгу джунглей, то, безъ сомнѣнія, помните, что, разостлавъ шкуру Ширъ-хана на Совѣтской скалѣ, Маугли объявилъ еще оставшимся въ живыхъ волкамъ сіонійской стаи о своемъ рѣшеніи охотиться по джунглямъ одному; а четверо сыновей волка—отца и волчицы-матери заявили, что они станутъ сопровождать его. Но не легко измѣнить свой образъ жизни въ одну минуту, особенно въ джунгляхъ. Первымъ дѣломъ Маугли по уходѣ разбредшейся стаи было отправиться въ родную пещеру и проспать тамъ цѣлыя сутки. Потомъ онъ сталъ разсказывать волку и волчицѣ изъ случившагося съ нимъ у людей то, что они могли понять, а когда онъ сталъ повертывать свой охотничій ножъ такъ, тотъ самый, которымъ снялъ шкуру съ Ширъ-хана такъ, что на его лезвеѣ заиграло солнце, волки сказали, что онъ кое-чему научился. Потомъ Акела и Сѣрый братъ разсказали объ участіи, которое они принимали въ загонѣ буйволовъ въ ущелье, и даже Балу вскарабкался на холмъ, чтобы послушать, а Багхира вся почесывалась отъ удовольствія, слушая, какъ Маугли велъ свою войну.

Солнце уже давно взошло, но никто не собирался спать, а Волчица во время разсказа иногда закидывала голову и глубоко, съ удовольствіемъ втягивала запахъ отъ шкуры Ширъ-Хана, приносимый вѣтромъ.

— Безъ Акелы и Сѣраго брата мнѣ бы не справиться,—закончилъ Маугли свой разсказъ.—Ахъ, мать, если бы ты могла видѣть, какъ эти черные буйволы бросились въ ущелье, а потомъ въ деревенскія ворота, когда человѣческое племя стало бросать въ меня камнями.

— Очень рада, что не видала послѣдняго,—чопорно заявила Волчица.—Не въ *моемъ* обычаѣ смотрѣть спокойно, чтобы моихъ дѣтенышей гоняли, какъ шакаловъ. Я бы не спустила этого человѣческому племени; но пощадила бы женщину, напоившую тебя молокомъ. Да, одну ее пощадила бы я.

— Тише, тише, Рекша!—флегматично сказалъ Волкъ-отецъ.— Нашъ лягушонокъ вернулся... такимъ умнымъ, что его отцу приходится лизать у него ноги; и что значитъ одной царапиной больше или меньше на этой головѣ? Что намъ за дѣло до людей?

Балу и Багхира въ одинъ голосъ подтвердили:

— Что намъ за дѣло до людей!

Маугли, лежа головой на боку матери, смѣялся довольнымъ смѣхомъ и сказалъ, что онъ, съ своей стороны, не хочетъ ни видѣть, ни слышать, ни нюхомъ чуять человѣка.

— А что...—началъ Акела,—что, если люди не оставятъ тебя въ покоѣ, Маленькій братъ?

— Насъ будетъ *пятеро*, — заявилъ Сѣрый братъ, окидывая взглядомъ собраніе и щелкая челюстями при послѣднихъ словахъ.

— И мы можемъ принять участіе въ этой охотѣ, — сказала Багхира, слегка помахивая хвостомъ и смотря на Балу.—Но почему ты вспомнилъ теперь о людяхъ, Акела?

— А вотъ почему, — отвѣтилъ Волкъ, — когда шкуру этого желтаго вора разостлали на скалѣ, я вернулся въ деревню, ступая по своимъ слѣдамъ, поворачивая въ сторону, ложась, чтобы запутать слѣдъ на случай погони. Когда же я такъ затопталъ слѣдъ, что самъ съ трудомъ могъ разобрать его, Мангъ, летучая мышь, пробравшись между вѣтвями, повисла надо мной и сказала:

— Деревня человѣческаго племени, откуда выгнали человѣческаго дѣтеныша, шумитъ, словно гнѣздо шершней.

— Большой камень я бросилъ въ это гнѣздо,—со смѣхомъ проговорилъ Маугли, не разъ забавлявшійся, бросая орѣхи въ гнѣздо шершней, и спасавшійся въ ближайшемъ пруду, прежде чѣмъ шершни успѣвали догнать его.

— Я спросилъ Манга, что онъ видѣлъ. Онъ сказалъ, что Красный Цвѣтокъ цвѣтетъ у воротъ деревни, а кругомъ сидятъ люди съ ружьями. Теперь я знаю, и не безъ основанія— Акела покосился на старые шрамы на бокахъ—что люди берутъ ружья не для шутки. Теперь, Маленькій братъ, человѣкъ съ ружьемъ ищетъ нашъ слѣдъ, если уже не нашелъ его.

— Зачѣмъ ему? Люди выгнали меня. Чего еще имъ надо?— сердито спросилъ Маугли.

— Ты человѣкъ, Маленькій братъ,—возразилъ Акела.—Не намъ, вольнымъ ловцамъ, разсказывать тебѣ, что дѣлаютъ твои братья и почему.

Онъ едва успѣлъ отдернуть лапу, какъ ножъ Маугли глубоко вонзился въ землю рядомъ. Маугли бросилъ его скорѣй,

чѣмъ могъ подмѣтить человѣческій глазъ; но Акела былъ волкъ; а даже собаку, далеко отставшую отъ дикаго волка, будитъ изъ глубокаго сна катящееся мимо колесо, такъ что она успѣваетъ отскочить съ дороги, прежде чѣмъ колесо поровняется съ ней.

— Другой разъ не говори о Маугли и людскомъ племени *вмѣстѣ*,—спокойно сказалъ Маугли, вкладывая ножъ въ ножны.

— Ффа! Острый это зубъ,—сказалъ Акела, обнюхивая отверстіе, оставленное ножомъ въ землѣ,—но жизнь съ людьми испортила твой глазъ, Маленькій братъ. Я бы успѣлъ зарѣзать оленя, пока ты цѣлился.

Багхира вскочила, закинула голову какъ можно выше, втягивая воздухъ ноздрями и напрягши каждый мускулъ своего тѣла. Сѣрый братъ послѣдовалъ ея примѣру, немного подавшись въ сторону, чтобы поймать вѣтеръ, дувшій справа, между тѣмъ какъ Акела, сдѣлавъ прыжокъ въ пятьдесятъ шаговъ по направленію вѣтра, тоже весь застылъ въ полусогнутомъ положеніи. Маугли посмотрѣлъ на нихъ съ завистью. Онъ могъ обоняніемъ узнавать многое, что недоступно большинству людей, но никогда его чувство не достигало тонкости чутья обитателей джунглей, и трехмѣсячное пребываніе его въ дымной деревнѣ очень вредно отозвалось на немъ. Онъ, однако, послюнявилъ палецъ, потеръ имъ переносицу и стоялъ, вытянувшись во весь ростъ, стараясь уловить верхнюю струйку воздуха, которая, хотя и слаба, но никогда не обманываетъ.

— Человѣкъ! — проворчалъ Акела, присѣдая на заднія ноги.

— Бельдео! — воскликнулъ Маугли, садясь. — Онъ пришелъ по нашему слѣду; вонъ тамъ его ружье свѣтится на солнцѣ. Смотрите!

Одна только искра свѣта загорѣлась на одно только мгновеніе на мѣдныхъ замкахъ стариннаго ружья, но ничто не свѣтится такимъ блескомъ, далеко видимымъ въ джунгляхъ, когда небо не покрыто тучами. Этотъ же день былъ совершенно безоблачный и тихій.

— Я зналъ, что люди погонятся за нами,—сказалъ Акела, торжествуя.—Не напрасно я былъ вождемъ стаи.

Четверо волчатъ, не сказавъ ничего, поползли на брюхѣ внизъ по холму, скрывшись въ терновникѣ и кустахъ, какъ ящерица скрывается въ травѣ.

— Куда вы, и не сказавъ ни слова?—крикнулъ Маугли имъ вслѣдъ.

— Шт! Еще до полудня прикатимъ сюда его голову,—отвѣтилъ Сѣрый братъ.

— Назадъ! Назадъ и ждите! Человѣкъ не ѣстъ человѣка!—закричалъ Маугли.

— Кто былъ до сихъ поръ волкомъ! Кто бросилъ въ меня ножомъ, когда я заикнулся, что онъ человѣкъ? — сказалъ Акела, когда четыре волка вернулись недовольные и легли на бокъ.

— Отдавать мнѣ, что ли, отчетъ во всемъ, что я вздумаю сдѣлать?—яростно возразилъ Маугли.

— Это человѣкъ! Такъ говоритъ человѣкъ, — проворчала про себя Багхира.—Совсѣмъ такъ говорили люди около королевскихъ клѣтокъ въ Удейпорѣ. Мы въ джунгляхъ знаемъ, что человѣкъ умнѣе всѣхъ. Если бы мы вѣрили своимъ ушамъ, то знали бы, что онъ и глупѣе всѣхъ.—Возвысивъ голосъ, она прибавила: — Человѣческій дѣтенышъ правъ въ этомъ. Люди охотятся стаями. Убивать одного, не зная, что дѣлаютъ другіе, никуда не годится. Пойдемъ, посмотримъ, что этотъ человѣкъ задумалъ противъ насъ.

— Мы не пойдемъ, — проворчалъ Сѣрый братъ.—Охоться одинъ, Маленькій братъ. *Мы* знаемъ, что *намъ* надо. Черепъ былъ бы ужъ теперь готовъ.

Маугли переводилъ взглядъ съ одного изъ своихъ друзей на другого. Грудь его тяжело дышала, а глаза наполнились слезами. Онъ бросился было къ волкамъ и, опустившись на одно колѣно, сказалъ:

— А я развѣ не знаю, чего *мнѣ* надо? Взгляните на меня!

Волкамъ стало какъ будто не по себѣ, и когда ихъ глаза начали блуждать во всѣ стороны, онъ сталъ подзывать ихъ, пока шерсть у нихъ не ощетинилась, и они задрожали всѣмъ тѣломъ, между тѣмъ какъ Маугли не сводилъ съ нихъ глазъ.

— Ну,—спросилъ онъ,— кто вождь изъ насъ пятерыхъ?

— Ты вождь, Маленькій братъ,—отвѣтилъ Сѣрый братъ и лизнулъ ногу Маугли.

— Если такъ, иди за мной, — приказалъ Маугли, и всѣ четверо пошли по его пятамъ, ущемивъ хвосты между ногъ.

— Вотъ что значитъ пожить съ людскимъ племенемъ,—сказала Багхира, слѣдуя за ними.—Теперь, Балу, въ джунгляхъ есть еще кое-что, кромѣ закона.

Старый медвѣдь не отвѣтилъ ничего, но въ головѣ у него было много мыслей.

Маугли безшумно шелъ по джунглямъ, пересѣкая ихъ подъ прямымъ угломъ къ слѣду Бельдео, пока не увидалъ, раздвинувъ траву, старика съ мушкетомъ за плечами, ищущаго какъ собака вчерашняго слѣда.

Вы припомните, что Маугли ушелъ изъ деревни, таща на плечахъ тяжелую шкуру Ширъ-хана, между тѣмъ какъ Акела и Сѣрый братъ трусили позади, такъ что получался очень

ясный тройной слѣдъ. Теперь Бельдео дошелъ до того мѣста, гдѣ Акела, какъ вамъ извѣстно, повернулъ назадъ и запуталъ слѣдъ. Тутъ охотникъ сѣлъ, кашляя и хрипя, потомъ опять сталъ бродить туда и сюда по джунглямъ, стараясь опять напасть на слѣдъ и все время находясь на такомъ разстояніи отъ наблюдавшихъ за нимъ, что могъ бы дошвырнуть до нихъ камнемъ. Ни одно животное не можетъ такъ притаиться, какъ волкъ, когда хочетъ, чтобы его не замѣтили, а Маугли могъ двигаться, какъ тѣнь, хотя волки и находили, что онъ идетъ очень тяжело. Они кружились вокругъ старика, какъ стая дельфиновъ вокругъ парохода, идущаго на всѣхъ парахъ, и окружая его, они разговаривали между собой совершенно неслышно, потому что разговоръ животныхъ начинается съ самыхъ тихихъ тоновъ гаммы, доступной непривычному человѣческому уху. Верхнія ноты этой гаммы составляетъ тонкій пискъ Манга, летучей мыши, который неуловимъ для очень многихъ. Съ этой ноты, издаваемой летучей мышью, начинаются голоса всѣхъ птицъ и насѣкомыхъ.

— Это лучше, чѣмъ убивать,—сказалъ Сѣрый братъ, когда Бельдео останавливался, нагибаясь, вглядываясь и пыхтя.— Онъ точно заблудившаяся въ джунгляхъ свинья. Что онъ говоритъ?—Бельдео не переставая бормоталъ что-то. Маугли объяснилъ:

— Онъ говоритъ, что вокругъ меня плясала, должно-быть, цѣлая стая волковъ. Онъ говоритъ, что ему никогда въ жизни не приходилось видѣть такого слѣда. Онъ говоритъ, что усталъ.

— Отдохнетъ, прежде чѣмъ найдетъ его,—спокойно замѣтила Багхира, скользнувъ за стволъ дерева въ той игрѣ въ жмурки, которую они вели.—Ну-ка, а что дѣлаетъ это маленькое существо?

— Ѣстъ или выдуваетъ дымъ изо рта; люди вѣчно что-нибудь дѣлаютъ ртомъ,—объяснилъ Маугли; и молчаливые свидѣтели увидали, какъ старикъ, набивъ и закуривъ трубку, началъ выпускать дымъ изо рта. Они старались хорошенько запомнить запахъ табаку, чтобы по нему безошибочно узнать Бельдео, хотя бы въ самую темную ночь.

Тутъ на тропинкѣ показалась небольшая кучка угольщиковъ и, конечно, остановились поговорить съ Бельдео, слава котораго, какъ охотника, шла, по крайней мѣрѣ, на двадцать миль кругомъ. Всѣ сѣли и начали курить, а наши животныя подвинулись поближе и наблюдали въ то время, какъ Бельдео опять сталъ разсказывать исторію Маугли—сына дьявола, съ начала до конца, съ прибавленіями и подробностями собствен-

наго измышленія. Какъ, на самомъ дѣлѣ, *онъ* убилъ Ширъ-хана; и какъ Маугли, обернувшись волкомъ, сражался съ нимъ до самаго вечера, а затѣмъ снова превратился въ мальчика и околдовалъ винтовку Бельдео, такъ что пуля, которую онъ предназначалъ для Маугли, залетѣла за уголъ и убила одного изъ его, Бельдео, собственныхъ буйволовъ; и какъ селеніе, зная его за храбрѣйшаго охотника, отправило его убить порожденіе дьявола. А между тѣмъ жители деревни схватили Мессуа и ея мужа, безъ сомнѣнія, отца и мать дьявольскаго сына, и заперли ихъ въ ихъ собственной хижинѣ, а теперь хотятъ пытать ихъ, чтобы заставить ихъ признаться, что они колдуны, послѣ чего ихъ сожгутъ.

— Когда?—спросили угольщики, такъ какъ имъ очень хотѣлось присутствовать при церемоніи.

Бельдео сказалъ, что ничего не станутъ дѣлать до его возвращенія, потому что жители деревни поручили ему сначала убить мальчика изъ джунглей. Послѣ этого они покончатъ съ Мессуа и ея мужемъ и раздѣлятъ ихъ землю и буйволовъ между всѣми. И надо сказать, что у мужа Мессуа были замѣчательно хорошіе буйволы. Бельдео высказалъ мнѣніе, что истребленіе колдуновъ—хорошее дѣло; а люди, кормившіе ребенка-волчонка изъ джунглей, безъ всякаго сомнѣнія, отъявленные колдуны.

— Но, — спросили угольщики,—что сдѣлаютъ англичане, если услышатъ объ этомъ? Англичане, какъ говорятъ, совсѣмъ сумасшедшій народъ; они не позволяютъ честнымъ людямъ убивать колдуновъ.

— Ну, что же?—отвѣтилъ Бельдео.—Староста деревни покажетъ, что Мессуа и ея мужъ умерли отъ ужаленія змѣи. *Это* ужъ все устроено, и теперь остается только убить волчьяго сына. Не встрѣчали ли вы подобное существо?

Угольщики осторожно оглядѣлись по сторонамъ и возблагодарили свою звѣзду, что не видали; но они не сомнѣвались, что такой храбрый человѣкъ, какъ Бельдео, найдетъ его, если это только возможно. Солнце склонялось къ закату, и угольщики рѣшили, что дойдутъ до деревни Бельдео, чтобы взглянуть на эту колдунью. Бельдео сказалъ на это, что, хотя онъ и обязанъ убить дьяволенка, но онъ ни за что не позволитъ горсти невооруженныхъ людей итти безъ его охраны черезъ джунгли, гдѣ волкъ-демонъ можетъ выскочить каждую минуту. Поэтому онъ проводитъ ихъ, и если колдунъ появится, тогда онъ покажетъ имъ, какъ лучшій изъ сіонійскихъ охотниковъ справляется въ такихъ случаяхъ. Браминъ,—говорилъ онъ,—далъ ему талисманъ, который защититъ его отъ этой твари.

— Что онъ говоритъ? Что говоритъ?—повторяли волки каждыя пять минутъ, и Маугли переводилъ, пока дѣло дошло до колдовства; тутъ онъ уже ничего не понялъ и сказалъ только, что женщина и ея мужъ, пріютившіе его у себя, сидятъ въ западнѣ

— Развѣ люди ловятъ другъ друга въ западни?—спросила Багхира.

— Такъ онъ говоритъ. Я не понимаю хорошенько. Всѣ они спятили. За что Мессуа и ея мужа сажать изъ-за меня въ западню? И что они говорятъ о Красномъ Цвѣткѣ? Надо самому взглянуть. Что бы они ни хотѣли сдѣлать съ Мессуа, они не сдѣлаютъ до возвращенія Бельдео. И такимъ образомъ...—Маугли глубоко задумался, перебирая пальцами рукоятку ножа, между тѣмъ какъ Бельдео и угольщики удалялись, храбро выступая гуськомъ.

— Я сбѣгаю къ людскому племени, — рѣшилъ, наконецъ, Маугли.

— А эти?—спросилъ Сѣрый братъ, голоднымъ взглядомъ слѣдя за смуглыми спинами удалявшихся угольщиковъ.

— Проводить ихъ пѣснями до дому,—съ усмѣшкой приказалъ Маугли.—Я не хочу, чтобы они дошли до деревенскихъ воротъ раньше ночи. Можете вы задержать ихъ?

Сѣрый братъ презрительно оскалилъ зубы.

— Мы можемъ гонять ихъ кругами, какъ травленыхъ козловъ...

— Нѣтъ, этого не надо. Попойте имъ немного, чтобы имъ не было скучно; можете пѣть не очень нѣжно. Поди съ ними, Багхира, и подтяни ихъ пѣснѣ. Когда станетъ совсѣмъ темно, подождите меня у деревни... Сѣрый братъ знаетъ мѣсто.

— Не легка работа, которую назначаетъ дѣтенышъ человѣческій; когда же я высплюсь,—сказала Багхира, зѣвая, хотя по ея глазамъ видно было, что она довольна предстоящимъ развлеченіемъ.—Я должна пѣть для этихъ безшерстыхъ? Ну, ничего, попробуемъ.

Она опустила голову такъ, чтобы звукъ разносился дальше, и испустила протяжный крикъ, какимъ пантеры въ полночь желаютъ другъ другу „счастливаго лова“. Уже самый этотъ полуночный крикъ среди бѣлаго дня былъ ужасенъ.

Маугли слышалъ, какъ этотъ крикъ, начинаясь ворчаніемъ, все усиливался, опять падалъ и оканчивался какъ бы протяжнымъ воплемъ позади его, когда онъ бѣжалъ по джунглямъ. И Маугли смѣялся. Онъ видѣлъ, какъ угольщики сбились въ одну кучку; какъ старое ружье Бельдео заходило у него въ рукахъ, словно листъ банана, качаясь во всѣ стороны. Затѣмъ

Сѣрый братъ затянулъ Іа-ла-хи! Іалаха!—охотничій крикъ стаи, гонящей передъ собой Нильгхаи—большихъ сѣрыхъ буйволовъ, и этотъ крикъ, казалось, несся съ самаго конца земли, подходя все ближе и ближе, пока не обрывался рѣзкимъ окрикомъ. Другіе братья отвѣчали, такъ что самъ Маугли готовъ былъ повѣрить, что собралась вся стая, затянувшая, наконецъ, величественную утреннюю пѣсню джунглей, со всѣми изворотами, переливами, фіоритурами и высокими нотами, которыя извѣстны только голосистому волку стаи.

Нѣтъ возможности передать впечатлѣніе, производимое этой пѣснью, и той насмѣшки, которой она звучала, когда волки услыхали, какъ деревья затрещали подъ тяжестью людей, взбиравшихся на ихъ вѣтви, а Бельдео началъ выкрикивать заговоры и заклинанія. Послѣ этого звѣри легли и заснули, потому что, какъ вообще всѣ живущіе своими трудами, они любили извѣстный порядокъ: никто не можетъ хорошо работать безъ сна.

Между тѣмъ Маугли отмахивалъ милю за милей, пробѣгая по девяти миль въ часъ и очень довольный, что нашелъ въ себѣ свою прежнюю способность послѣ столькихъ мѣсяцевъ прозябанія между людьми. У него въ головѣ была одна только мысль—освободить Мессуа и ея мужа изъ „западни“, какова бы она ни была: онъ съ недовѣріемъ относился ко всякой западнѣ. Онъ давалъ себѣ обѣщаніе, что заплатитъ свой долгъ деревнѣ съ лихвой.

Спускались уже сумерки, когда онъ увидалъ памятныя ему пастбища и дерево-дхакъ, подъ которымъ его ждалъ Сѣрый братъ въ то утро, когда онъ убилъ Ширъ-хана. Несмотря на все свое озлобленіе противъ людского племени и его обычаевъ, онъ почувствовалъ, будто что-то подступило у него къ горлу и захватило дыханіе, когда онъ увидалъ деревенскія крыши. Онъ замѣтилъ, что всѣ вернулись съ полей необыкновенно рано, и что, вмѣсто того, чтобы приняться за приготовленіе ужина, собирались большой толпой подъ общественнымъ деревомъ, разговаривая и крича.

— Людямъ непремѣнно надо устраивать другъ другу ловушки, иначе они не знаютъ покоя,—разсуждалъ Маугли.— Вчера они травили Маугли—хотя мнѣ кажется, какъ будто это уже было давно. Сегодня травятъ Мессуа и ея мужа. Завтра, и еще много ночей потомъ опять наступитъ очередь Маугли.

Онъ крался вдоль стѣны, пока не добрался до хижины Мессуа и заглянулъ черезъ окно внутрь. Мессуа лежала съ тряпкой во рту, связанная по рукамъ и ногамъ, съ трудомъ

дыша и стоная; мужъ ея былъ привязанъ къ ярко раскрашенной спинкѣ постели. Дверь хижины, выходившая на улицу, была заперта, и нѣсколько человѣкъ сидѣли, прислонясь къ ней спиной.

Маугли очень хорошо были извѣстны привычки и обычаи обитателей деревни. Онъ зналъ, что пока у нихъ есть ѣда, предметы для разговоровъ и курево, они ничего не станутъ дѣлать; но, наѣвшись, они могутъ быть опасны. Бельдео долженъ былъ скоро вернуться, и если его спутники исполнили данное имъ порученіе, то у стараго охотника найдется, о чемъ поразсказать. Поэтому Маугли влѣзъ въ окно и, нагнувшись надъ привязанными, перерѣзалъ ремни, вынулъ тряпки изо рта и отыскалъ немного молока.

Мессуа полуобезумѣла отъ боли и страха—все утро ее били и въ нее швыряли каменьями, и Маугли какъ разъ во-время успѣлъ зажать ей ротъ рукой, чтобы она не вскрикнула. Мужъ ея былъ только изумленъ и разсерженъ и сидѣлъ, выбирая пыль и всякій соръ изъ всклоченной бороды.

— Я знала... знала, что онъ придетъ,—наконецъ проговорила съ рыданіемъ Мессуа.—Теперь я *знаю*, что онъ мой сынъ!—Она прижала Маугли къ сердцу.

До сихъ поръ Маугли былъ спокоенъ, но тутъ онъ весь задрожалъ, и это очень удивило его.

— Зачѣмъ эти ремни? За что они связали тебя?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— За то, что родила такого сына, какъ ты—за что же больше? — мрачно сказалъ мужъ. — Смотри, у меня кровь течетъ.

Мессуа не сказала ничего, но Маугли смотрѣлъ на ея раны и заскрежеталъ зубами, увидавъ кровь.

— Чье это дѣло?—спросилъ онъ.—Это не пройдетъ даромъ.

— Дѣло всей деревни. Я былъ слишкомъ богатъ. У меня слишкомъ много скота. *Поэтому* мы колдуны, за то, что дали пріютъ тебѣ.

— Я не понимаю. Пусть Мессуа объяснитъ.

— Я дала тебѣ молока, Нату; помнишь? — робко сказала Мессуа.—Потому что ты былъ мой сынъ, котораго унесъ тигръ, и потому что я глубоко любила тебя. Они говорятъ, что я твоя мать—мать дьявола, и стало-быть, меня надо убить.

— А что такое дьяволъ? — спросилъ Маугли. — Смерть я видалъ.

Мужъ мрачно взглянулъ на нее, но Мессуа засмѣялась.

— Смотри!—обратилась она къ мужу.—Я знала... говорила, что онъ не колдунъ. Онъ сынъ мой... сынъ!

— Сынъ или колдунъ, какая намъ польза изъ этого?—отвѣтилъ мужъ.—Все равно насъ убьютъ.

— Тамъ дорога въ джунгли,—указалъ Маугли въ окно.—Вы свободны. Уходите.

— Мы не знаемъ джунглей, сынъ мой, такъ, какъ ты знаешь ихъ,—заговорила Мессуа.—И мнѣ кажется, я далеко не пройду.

— Мужчины и женщины погонятся за нами и притащатъ насъ сюда обратно.—сказалъ мужъ.

— Хмъ!—проговорилъ Маугли, щекоча себѣ ладонь кончикомъ ножа.—*Пока* я не желаю дѣлать вреда никому въ деревнѣ. Но, думаю, они недолго будутъ преслѣдовать тебя. Скоро имъ придется позаботиться кое о чемъ другомъ. А!—онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться къ крикамъ и топоту, доносившимся снаружи.—Они, стало-быть, отпустили Бельдео.

— Его отправили сегодня утромъ, чтобы убить тебя,—вскричала Мессуа.—Ты не встрѣчалъ его?

— Да... мы... я встрѣтился съ нимъ. Онъ разсказывалъ что-то, а пока онъ разсказываетъ, можно успѣть сдѣлать много. Пойду, посмотрю, что тамъ говорится. А вы подумайте, куда итти, и скажите мнѣ, когда я вернусь.—Онъ выскочилъ въ окно и опять побѣжалъ вдоль деревенскаго плетня, пока не добѣжалъ до такого мѣста, гдѣ могъ слышать, что говорилось подъ деревомъ собранія. Бельдео лежалъ на землѣ, кашляя и кряхтя, а окружавшіе закидывали его вопросами. Волосы разсыпались у него по плечамъ; руки и ноги были въ ссадинахъ отъ лазанья по деревьямъ и онъ съ трудомъ выговаривалъ слова, но очень хорошо сознавалъ всю важность своего положенія. Время отъ времени онъ бормоталъ что-то о дьяволахъ и поющихъ дьяволахъ, о колдовствѣ и оборотняхъ, чѣмъ еще больше возбуждалъ всеобщее любопытство. Наконецъ онъ попросилъ воды.

— Ну, болтай себѣ, болтай,—сказалъ Маугли.—Разсказывай! Люди—родные братья *Бандаръ-логовъ*. Теперь онъ хочетъ сполоснуть ротъ водой; потомъ понадобится покурить, и только затѣмъ ужъ примется за свой разсказъ. Очень умный народъ—люди. Пока Бельдео станетъ набивать имъ уши своими сказками, Мессуа никто не будетъ стеречь... Однако и я становлюсь такимъ же лѣнивымъ, какъ они...

Маугли отряхнулся и проскользнулъ обратно къ хижинѣ. Въ ту минуту, какъ онъ готовился прыгнуть въ окно, онъ почувствовалъ прикосновеніе къ ногѣ.

— Мать, — сказалъ онъ, зная этотъ языкъ, — что *тебѣ* здѣсь надо?

— Я слышала, что мои дѣти поютъ въ лѣсу и пошла за своимъ любимымъ дѣтищемъ. Лягушонокъ, мнѣ хочется увидать ту женщину, которая дала тебѣ молока, — сказала Волчица, вся мокрая отъ росы.

— Они связали ее и хотятъ убить. Я перерѣзалъ ремни, и она уйдетъ съ мужемъ въ джунгли.

— И я пойду за ними. Я стара, но зубы у меня еще есть.— Волчица поднялась на заднія лапы и заглянула въ темную комнату.

Черезъ минуту она спустилась безшумно, сказавъ только:

— Я первая дала тебѣ свое молоко; но Багхира говоритъ правду: „Человѣкъ, въ концѣ-концовъ, идетъ къ человѣку".

— Можетъ-быть,—сказалъ Маугли съ очень недовольнымъ выраженіемъ лица,—но сегодня ночью я далекъ отъ такого намѣренія. Подожди здѣсь, но не показывайся ей.

— *Ты* никогда не боялся *меня*, лягушонокъ, — сказала Волчица, опускаясь въ высокую траву и прячась, какъ она умѣла.

— А теперь, — весело сказалъ Маугли, опять прыгая въ окно,— они всѣ сидятъ кругомъ Бельдео, который разсказываетъ то, чего вовсе не было. Когда онъ кончитъ, они навѣрное придутъ сюда съ краснымъ... съ огнемъ и сожгутъ васъ обоихъ. Что же вы?

— Я переговорила съ мужемъ,—сказала Мессуа,—до Ханивары отсюда тридцать миль; но въ Ханиварѣ мы можемъ пойти къ англичанамъ...

— А какого они племени?—спросилъ Маугли.

— Не знаю. Они бѣлые и, говорятъ, управляютъ всей страной; и они не позволяютъ людямъ бить или сжигать другихъ безъ вины. Если мнѣ удастся добраться туда, мы будемъ живы. Иначе—умремъ.

— Ну, такъ будьте живы. Ни одинъ человѣкъ не выйдетъ за ворота сегодня. Но что это *онъ* дѣлаетъ?

Мужъ Мессуа, стоя на четверенькахъ, разрывалъ землю въ одномъ углу хижины.

— Онъ достаетъ наши деньги. Больше мы ничего не можемъ взять съ собой,—отвѣчала Мессуа.

— А, вотъ что! Это тѣ вещи, что переходятъ изъ рукъ въ руки и никогда не согрѣваются. И въ другихъ мѣстахъ онѣ нужны?—спросилъ Маугли.

Мужъ взглянулъ на него, сердито бормоча:

— Онъ дуракъ, а не дьяволъ. На эти деньги я могу купить лошадь. Мы такъ избиты, что не можемъ итти долго, а не пройдетъ и часу, какъ за нами погонятся.

— Говорю вамъ, не погонятся, пока я не позволю; но лошадь купить хорошо, потому что Мессуа устала.

Мужъ ея всталъ и спряталъ свои послѣднія рупіи въ карманъ куртки. Маугли помогъ Мессуа вылѣзти въ окно, и свѣжій ночной воздухъ освѣжилъ ее; но джунгли при свѣтѣ звѣздъ казались ей очень темными и страшными.

— Вы знаете тропинку въ Ханивара?—шопотомъ спросилъ Маугли.

Они кивнули утвердительно.

— Хорошо. Помните теперь—не надо бояться! И спѣшить тоже нѣтъ надобности. Только... только въ джунгляхъ вы можете услышать пѣніе... позади себя и впереди...

— Неужели ты думаешь, что насъ могло заставить итти въ джунгли что-нибудь, кромѣ страха быть сожженнымъ? Лучше ужъ пусть убьютъ звѣри, чѣмъ люди,—сказалъ мужъ Мессуа; но Мессуа взглянула на Маугли и улыбнулась.

— Говорю вамъ,—продолжалъ Маугли, точно онъ былъ Балу, въ сотый разъ повторявшій старинный законъ джунглей какому-нибудь глупому волчонку,—говорю вамъ, ни одинъ зубъ въ джунгляхъ не обнажится противъ васъ. Ни человѣкъ ни звѣрь не остановятъ васъ, пока вы не дойдете до Ханивары. За вами будутъ слѣдить.—Онъ поспѣшно обратился къ Мессуа:—*Онъ* не вѣритъ, но *ты* повѣришь.

— Конечно, мой сынъ. Человѣкъ, духъ или волкъ изъ джунглей—я вѣрю тебѣ.

— *Онъ* испугается, когда мой народъ запоетъ. Ты будешь знать и поймешь. Идите теперь, только тихонько: спѣшить некуда. Ворота заперты.

Мессуа, рыдая, упала къ ногамъ Маугли, но онъ поспѣшно поднялъ ее, вздрогнувъ. Она бросилась къ нему на шею и называла его всевозможными нѣжными именами, какія только приходили ей на память; мужъ же ея съ досадой смотрѣлъ на свои поля и сказалъ:

— *Если* мы дойдемъ до Ханивара и англичане выслушаютъ меня, я заведу такую тяжбу съ браминомъ, старикомъ Бельдео и другими, что вся деревня разорится. Опять мнѣ заплатятъ вдвое за мою жатву, которую я не могу собрать, и за буйволовъ, которые останутся голодными. Я буду требовать право судей.

Маугли засмѣялся.

— Я не знаю, что такое правосудіе, но... приходите послѣ дождей и увидите, что останется.

Они пошли къ джунглямъ, и Волчица выскользнула изъ потайного уголка.

— Иди за ними!—приказалъ Маугли,—да смотри, чтобы всѣ джунгли знали, что ихъ трогать нельзя. Подай голосъ. Мнѣ надо позвать Багхиру.

Раздался протяжный вой и тотчасъ замолкъ. Маугли видѣлъ, какъ мужъ Мессуа остановился и обернулся, будто намѣреваясь вернуться обратно въ хижину.

— Идите себѣ, — весело крикнулъ имъ Маугли. — Я вѣдь сказалъ вамъ, что будетъ пѣніе. Этотъ зовъ будетъ провожать васъ до Ханивары. Онъ показываетъ, что вы въ милости у джунглей.

Мессуа торопила мужа и тьма окутала ихъ и Волчицу, когда Багхира выскочила чуть не у самыхъ ногъ Маугли, вся дрожа отъ наслажденія, вызываемаго ночью, опьяняющей населеніе джунглей.

— Мнѣ стыдно за братьевъ,—сказала она мурлыча.

— Какъ? Развѣ они пѣли плохо, провожая Бельдео?—спросилъ Маугли.

— Пѣли слишкомъ хорошо. Слишкомъ хорошо! Они даже *меня* заставили забыть свою гордость, и—клянусь сломанымъ замкомъ, освободившимъ меня—я шла по джунглямъ съ пѣсней, будто радуясь веснѣ! Развѣ ты не слыхалъ насъ?

— У меня было другое дѣло. Спроси Бельдео, какъ ему понравилась пѣсня. Но гдѣ же четверо? Ни одинъ изъ людей не долженъ выйти за ворота сегодня.

— Зачѣмъ же тебѣ четверо?—спросила Багхира, переступая съ ноги на ногу съ горящими глазами и мурлыча громче обыкновеннаго.—Я могу удержать ихъ, Маленькій братъ. Можно будетъ, наконецъ, прирѣзать кого-нибудь! Пѣніе и видъ людей, взобравшихся на деревья, очень подготовили меня. Что такое человѣкъ, чтобы бояться его,—голый копатель земли, безшерстый и беззубый, землеѣдъ? Я шла по его слѣду весь день... въ полдень... подъ бѣлымъ свѣтомъ солнца... Выслѣживала его, какъ волки выслѣживаютъ козловъ. Я—Багхира! Багхира! Багхира! Какъ теперь я пляшу съ своей тѣнью, такъ я плясала съ людьми. Смотри!

Большая пантера подпрыгнула, какъ котенокъ, пытающійся поймать сухой листъ, крутящійся у него надъ головой, перекувыркнулась, размахивая лапами въ воздухѣ, свистѣвшемъ отъ ударовъ, опустилась безшумно и снова вспрыгнула нѣсколько разъ, полумурлыча, полуворча, отчего получался звукъ, какъ будто отъ пара, клокочущаго въ котлѣ.

— Я — Багхира, и въ джунгляхъ ночью, вся кровь кипитъ во мнѣ. Кто вынесетъ мои удары? Дѣтенышъ, однимъ взмахомъ лапы я могла бы расплющить тебя, какъ мертвую лягушку.

— Ну, такъ ударь!—сказалъ Маугли на деревенскомъ нарѣчіи, но не на языкѣ джунглей; и человѣческая рѣчь заставила Багхиру сразу оборваться.

Она присѣла на дрожавшія заднія лапы, и голова ея пришлась какъ разъ наравнѣ съ головой Маугли. Маугли взглянулъ, какъ смотрѣлъ на волчатъ, вздумавшихъ было ослушаться его, и смотрѣлъ пристально въ изумрудные глаза пантеры, пока красный свѣтъ, горѣвшій въ нихъ позади зеленаго, не погасъ, какъ потушенный огонь маяка, освѣщающаго на двадцать миль море; пока взглядъ не погасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большая голова не стала опускаться все ниже и ниже, и, наконецъ, красный шероховатый языкъ коснулся ноги Маугли.

— Братъ!.. Братъ... Братъ! — зашепталъ мальчикъ, легко проводя рукой отъ шеи вдоль по колыхавшейся спинѣ.—Тише! Виновата ночь, а не ты!

— Это запахи ночи,—каясь промурлыкала Багхира.—Этотъ воздухъ громко взываетъ ко мнѣ. Но какъ *ты* узналъ?

Конечно, воздухъ вокругъ индусской деревни полонъ всякихъ запаховъ, и на существо, получающее почти всѣ свои впечатлѣнія черезъ носъ, запахи дѣйствуютъ такимъ же опьяняющимъ образомъ, какъ музыка и разные напитки на человѣка. Маугли еще нѣсколько минутъ поласкалъ пантеру, и она легла, какъ кошка передъ огнемъ, поджавъ лапы подъ грудь и зажмуривъ глаза.

— Ты нашъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ *не* нашъ,—сказала она наконецъ.—А я только черная пантера. Но я люблю тебя, Маленькій братъ.

— Что-то они долго болтаютъ подъ деревомъ, — сказалъ Маугли, не обративъ вниманія на послѣднее замѣчаніе Багхиры.—Ужъ не мало небылицъ, должно-быть, поразсказалъ имъ Бельдео. Они, вѣроятно, ужъ скоро придутъ, чтобы вытащить женщину и ея мужа изъ западни и бросить въ Красный Цвѣтокъ, увидятъ, что западня сломана... Хо! Хо!

— Нѣтъ, послушай,—сказала Багхира.—Лихорадка во мнѣ улеглась. Пусть они найдутъ *меня* здѣсь! Врядъ ли кто выйдетъ изъ дому, повстрѣчавшись со мной. Не первый разъ мнѣ сидѣть въ клѣткѣ; и не думаю, чтобы они *меня* связали веревками.

— Будь же умницей,—сказалъ Маугли, смѣясь.—Онъ сдѣлался такъ же безпеченъ, какъ пантера, уже скользнувшая въ окно.

— Фу!—заворчала Багхира;—все здѣсь провоняло человѣкомъ! А вотъ точь въ точь такая постель, какую они устроили

для меня въ удейпорской клѣткѣ. Лягу на нее.—Маугли услыхалъ, какъ затрещали веревочные переплеты постели подъ тяжестью звѣря.—Клянусь сломанымъ замкомъ, освободившимъ меня, они подумаютъ, что поймали крупную дичь! Поди сюда, Маленькій братъ, и присядь возлѣ; мы пожелаемъ имъ вдвоемъ „хорошей охоты".

— Нѣтъ, у меня въ желудкѣ другія мысли. Человѣческая стая не должна знать, что я участвую въ этой шуткѣ. Позабавься одна. Я не хочу видѣть ихъ.

— Ну, пусть такъ, — сказала Багхира. — А вотъ и они идутъ.

Совѣщаніе подъ смоковницей на другомъ концѣ дерева становилось все шумнѣе и шумнѣе. Оно закончилось крикомъ, и толпа мужчинъ и женщинъ, потрясавшихъ дубинами, бамбуковыми палками, косами и ножами устремилась вдоль по улицѣ. Бельдео и браминъ бѣжали во главѣ, но толпа тоже не отставала, и они кричали: „Колдунъ и колдунья! Посмотримъ, заставятъ ли горячіе уголья ихъ покаяться! Подожгите домъ надъ ихъ головами! Покажемъ имъ, какъ укрывать оборотней! Нѣтъ, прежде отколотить ихъ! Принести факеловъ! Еще! Бельдео, заряди ружье!"

Произошла небольшая остановка изъ-за двери. Она была заперта очень крѣпко; но толпа выбила ее, и свѣтъ факеловъ полился въ комнату, гдѣ, вытянувшись во всю длину на постели, скрестивъ и немного свѣсивъ черезъ край лапы, лежала черная, какъ смола, и ужасная, какъ демонъ, Багхира. На секунду водворилось молчаніе, затѣмъ передніе ряды шарахнулись назадъ, стараясь кулакомъ проложить себѣ обратную дорогу къ двери, и въ эту минуту Багхира подняла голову и зѣвнула медленно, обдуманно и многозначительно, какъ зѣвала, когда желала оскорбить равнаго. Губы подъ усами поднялись; красный языкъ изогнулся, нижняя челюсть отвисла, такъ что видна была половина глотки, и показались огромные клыки на черномъ нёбѣ. Еще мгновеніе, и они стали сближаться и, наконецъ, сомкнулись съ звукомъ стального замка, запершагося въ пробоѣ. Черезъ минуту улица опустѣла, Багхира выскочила обратно черезъ окно и остановилась рядомъ съ Маугли, между тѣмъ какъ людской потокъ, спотыкаясь и падая, съ крикомъ стремился укрыться въ домахъ.

— Ну, до утра они не шелохнутся,—спокойно сказала Багхира.—Что теперь дѣлать?

Водворилась такая тишина, что казалось, будто вся деревня объята послѣобѣденнымъ сномъ; но прислушиваясь, Маугли и Багхира слышали, какъ въ домахъ сдвигали по земляному

полу тяжелые закрома, чтобы заставить ими двери. Багхира была права: деревня не шелохнулась до утра. Маугли сидѣлъ и думалъ, а лицо его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Что я сдѣлала?—спросила, наконецъ, Багхира, подползая къ его ногамъ.

— Ничего, кромѣ добра. Теперь постереги ихъ до утра, а я усну.

Маугли убѣжалъ въ джунгли, повалился какъ мертвый, на каменную плиту и проспалъ весь день, до наступленія темноты.

Когда онъ проснулся, Багхира стояла возлѣ него, а рядомъ лежалъ свѣже-убитый олень. Багхира смотрѣла съ любопытствомъ, какъ Маугли принялся работать своимъ ножомъ. Онъ поѣлъ и напился, затѣмъ задумался, опершись подбородкомъ на руки.

— Женщина и мужчина добрались до Ханивары,—сказала Багхира.—Твоя мать изъ логовища прислала сказать черезъ Чиля, ястреба.

Они еще до половины той ночи, когда освободились, нашли лошадь и поѣхали очень скоро. Развѣ это не хорошо?

— Хорошо,—согласился Маугли.

— А твое племя въ деревнѣ не шелохнулось, пока солнце не взошло высоко на небо. Тогда они поѣли и опять скорехонько разбѣжались по домамъ.

— Видѣли они тебя?

— Можетъ-быть. Я на зарѣ каталась въ пыли передъ воротами, и, можетъ-быть, слегка помурлыкала про себя. Теперь, Маленькій братъ, все сдѣлано. Пойдемъ поохотиться съ Балу. Онъ нашелъ новый улей, который хочетъ показать тебѣ, и намъ всѣмъ хочется, чтобы ты опять былъ съ нами. Перестань такъ смотрѣть: ты меня пугаешь! Женщину и мужчину не посадятъ въ Красный Цвѣтокъ, и все въ джунгляхъ благополучно. Развѣ не правда? Позабудемъ и думать о людскомъ племени.

— Позабудемъ скоро. Гдѣ Хати кормится сегодня ночью?

— Гдѣ ему вздумается. Кто можетъ отвѣчать за Молчаливаго? А что? Что можетъ сдѣлать Хати, чего мы не можемъ?

— Прикажи ему прійти ко мнѣ съ его тремя сыновьями.

— Но... право, Маленькій братъ... развѣ можно сказать Хати „иди туда“, или „уходи“! Вспомни, онъ повелитель джунглей, и прежде, чѣмъ людское племя измѣнило твой взглядъ, онъ училъ и тебя заклинаніямъ джунглей.

— Все одно. Теперь у меня есть заклинаніе на него. Вели ему прійти къ Маугли-лягушонку, а если онъ сразу не

послушается, такъ скажи,—чтобы поговорить объ опустошеніи бхуртпорскихъ полей.

— Объ опустошеніи бхуртпорскихъ полей?—Багхира повторила нѣсколько разъ, чтобы хорошенько запомнить.

— Иду. Но Хати можетъ разсердиться, а я пожертвовала бы охотой цѣлаго мѣсяца, чтобы услыхать заклинаніе, которое дѣйствуетъ на Молчаливаго.

Она ушла, оставивъ Маугли съ ожесточеніемъ втыкавшаго свой ножъ въ землю. Маугли до тѣхъ поръ никогда не зналъ человѣческой крови, пока не увидалъ и—что значило для него еще больше—не почувствовалъ запаха крови Мессуа на ремняхъ, которыми она была связана. Мессуа была добра къ нему, и насколько онъ зналъ, что такое любовь, онъ любилъ ее такъ же горячо, какъ ненавидѣлъ остальное людское племя. Но при всей своей ненависти къ людямъ, къ ихъ разговору, ихъ жестокости и трусости, онъ ни за что не рѣшился бы отнять человѣческую жизнь и снова почувствовать у себя въ ноздряхъ этотъ ужасный запахъ крови. Его планъ мести былъ проще, но гораздо цѣлесообразнѣе, и онъ смѣялся про себя, думая, что его навелъ на мысль одинъ изъ вечернихъ разсказовъ Бельдео подъ смоковницей.

— Заклинаніе подѣйствовало,—шепнула вернувшаяся Багхира ему на ухо.—Они паслись у рѣки и повиновались, будто волы. Смотри, они идутъ.

Хати и его три сына подошли, по своему обыкновенію, молча, безъ звука. На бокахъ ихъ еще не обсохла рѣчная грязь, а Хати задумчиво жевалъ молодой стволъ смоковницы, который срѣзалъ клыками. Но каждый мускулъ его огромнаго тѣла показывалъ Багхирѣ, которая зорко наблюдала за всѣмъ происходившимъ вокругъ нея, что не повелитель джунглей говоритъ съ человѣческимъ дѣтенышемъ, но существо, испытывающее страхъ передъ тѣмъ, кто этого страха не испытываетъ. Его три сына качались рядомъ позади отца.

Маугли едва поднялъ голову, когда Хати привѣтствовалъ его обычнымъ: „Удачнаго лова". Онъ нѣкоторое время предоставилъ слону качаться и переступать съ ноги на ногу, прежде чѣмъ заговорилъ съ нимъ, а когда заговорилъ, то обратился къ Багхирѣ, а не къ слонамъ:

— Я разскажу вамъ то, что разсказывалъ мнѣ охотникъ, за которымъ вы охотились сегодня,—сказалъ Маугли.—Былъ слонъ, старый и мудрый, который попалъ въ западню, и заостренный колъ на днѣ ямы разодралъ ему бокъ отъ копыта до плеча, послѣ чего остался бѣлый шрамъ.

Маугли закинулъ голову, и въ ту минуту какъ Хати повернулся, при лунномъ свѣтѣ явственно выступилъ длинный бѣлый шрамъ на его сѣромъ боку, будто слѣдъ отъ раскаленнаго желѣзнаго прута.

— Люди пришли, чтобы вывести его изъ западни,—продолжалъ Маугли,—но онъ разорвалъ канаты, потому что былъ силенъ, и ушелъ лѣчить свои раны. Тогда онъ ночью пришелъ на поля этихъ охотниковъ. Теперь вспоминаю, что у него было три сына. Много-много „дождей“ тому назадъ случилось все это, и очень далеко отсюда, на поляхъ Бхуртпора. Хати, что случилось съ этими полями, когда пришло время жатвы?

— Я съ своими тремя сыновьями сжалъ ихъ,—отвѣчалъ Хати.

— А потомъ, когда ихъ опять вспахали? — спросилъ Маугли.

— Ихъ ужъ больше не пахали,—отвѣтилъ Хати.

— А что сталось съ людьми, жившими зернами, которыя они собирали съ полей?

— Они ушли.

— А съ хижинами, гдѣ люди спали?

— Мы сорвали и разметали крыши, а джунгли поглотили стѣны.

— А дальше?

— Джунгли заняли столько земли, сколько я могу пройти въ три ночи отъ востока къ западу и отъ сѣвера къ югу. Мы напустили джунгли на пять деревень, и во всѣхъ этихъ деревняхъ и на ихъ поляхъ, пастбищахъ и мягкихъ пашняхъ нѣтъ ни одного человѣка, который кормился бы съ этой земли. Вотъ какъ мы опустошили поля Бхуртпора, а теперь, скажи мнѣ, дѣтенышъ человѣческій, какъ ты узналъ объ этомъ?—спросилъ Хати.

— Мнѣ сказалъ человѣкъ, и теперь я вижу, что даже Бельдео можетъ говорить правду. Чисто сдѣлано, Хати съ бѣлой отмѣткой, а во второй разъ надо сдѣлать еще лучше, потому что есть человѣкъ, который укажетъ. Ты знаешь деревню племени, которое изгнало меня? Жители ея лѣнивы, глупы и жестоки; они только-только болтаютъ и убиваютъ слабаго не ради ѣды, но ради забавы. Наѣвшись, они бросаютъ своихъ же въ Красный Цвѣтокъ. Я видѣлъ это. Не надо имъ жить здѣсь дольше. Я ихъ ненавижу!

— Ну, такъ убей ихъ,—предложилъ меньшой изъ трехъ сыновей Хати, подбирая пучокъ травы, отряхая имъ пыль ст переднихъ ногъ и снова отбрасывая, и въ то же время пугливо озираясь своими маленькими красными глазами.

— На что мнѣ бѣлыя кости?—сердито отвѣтилъ Маугли.— Развѣ я волчонокъ, чтобы играть на солнцѣ окровавленной головой? Я убилъ Ширъ-хана, и шкура его сохнетъ на Совѣтской скалѣ, но желудокъ мой не пробовалъ его мяса. Теперь я хочу сдѣлать то, что могу видѣть и осязать. Напусти джунгли на эту деревню, Хати.

Багхира вздрогнула и съежилась. Она понимала, въ крайнемъ случаѣ, что можно промчаться по деревенской улицѣ, дать нѣсколько ударовъ направо и налѣво въ толпу или напасть на людей, занятыхъ пахотой, подъ вечеръ,—но этотъ обдуманный планъ, какъ стереть съ лица земли цѣлую деревню, пугалъ ее. Теперь она понимала, почему Маугли послалъ за Хати. Одинъ только старый слонъ могъ задумать и выполнить такую месть.

— Чтобы они бѣжали, какъ люди бѣжали съ полей Бхуртпора, чтобы одни только дожди бороздили эти поля, а шумъ дождя въ густой листвѣ замѣнитъ жужжаніе ихъ веретенъ, чтобы Багхира и я могли спать въ домѣ брамина, а олень пилъ изъ водоема позади храма! Напусти на деревню джунгли, Хати!

— Но вѣдь я... мы съ ними не ссорились, а надо намъ прійти въ ярость отъ сильной боли, чтобы разметать мѣста гдѣ спитъ человѣкъ,—нерѣшительно замѣтилъ Хати.

— Развѣ вы единственныя травоядныя въ джунгляхъ? Созовите свой народъ. Пусть олень, кабанъ и нильгхаи помогутъ вамъ. Не показывайтесь мнѣ на глаза, пока поля не будутъ голы. Напусти джунгли, Хати!

— А убивать не надо? Мои клыки стали красны во время разгрома бхуртпорскихъ полей, и не хотѣлось бы мнѣ опять слышать этотъ запахъ.

— И мнѣ также. Я даже не хочу, чтобы ихъ кости валялись по чистой землѣ. Пусть они уйдутъ и отыщутъ себѣ новыя логовища. Здѣсь имъ оставаться нельзя. Я видѣлъ и обонялъ кровь женщины, кормившей меня,—женщины, которую хотѣли убить изъ-за меня. Только запахъ травы, которая выраститъ на порогахъ ихъ хижинъ, можетъ заглушить этотъ запахъ. Онъ жжетъ мнѣ ротъ. Напусти джунгли, Хати!

— А!—сказалъ Хати.—Такъ и меня жгла рана на боку, пока я не увидалъ, какъ ихъ деревни исчезли подъ весенней зарослью. Теперь я понимаю. Твоя месть будетъ нашей местью. Мы напустимъ джунгли.

Маугли не успѣлъ перевести духа,—онъ весь трясся отъ ярости и ненависти,—какъ мѣста, гдѣ стояли слоны, уже опустѣли, и осталась одна Багхира, со страхомъ смотрѣвшая на него.

— Клянусь замкомъ, освободившимъ меня!—сказала, наконецъ, пантера.—Я не узнаю въ тебѣ того голыша, за котораго я заступалась передъ племенемъ, когда мы всѣ еще были молоды! Повелитель джунглей, когда мои силы ослабнутъ, заступись за меня... заступись за Балу... за всѣхъ насъ. Мы щенки въ сравненіи съ тобой! Сбитыя вѣтки подъ твоими ногами. Молодыя лани, отбившіяся отъ матки.

Мысль, что Багхира можетъ быть робкой ланью, очень позабавила Маугли, онъ хохоталъ и захлебывался, хохоталъ до слезъ и опять заливался неудержимымъ смѣхомъ, пока не бросился въ прудъ, чтобы успокоиться. Тутъ онъ плавалъ и нырялъ при лунномъ свѣтѣ, какъ какой-нибудь лягушонокъ, его тёзка.

Между тѣмъ Хати и его три сына разошлись въ разныя стороны и молча брели по долинамъ. Такъ они шли цѣлыхъ два дня, сдѣлавъ, такимъ образомъ, цѣлыхъ шестьдесятъ миль по джунглямъ, и каждый ихъ шагъ, каждое движеніе хобота обсуждалось Мангомъ, Чилемъ, обезьянами и всѣмъ птичьимъ населеніемъ. Послѣ этого они начали пастись и паслись спокойно около недѣли. Хати и его сыновья похожи на Каа — горнаго удава. Они никогда не спѣшатъ безъ причины.

Къ концу этого времени по джунглямъ прошелъ слухъ—и никто не зналъ откуда,—что въ такой-то и такой-то долинѣ можно найти и кормъ и воду получше. Кабаны, которые, какъ извѣстно, готовы итти на край свѣта, чтобы лучше поѣсть, двинулись первыми стаями, перебираясь черезъ скалы; за ними послѣдовали олени въ сопровожденіи мелкихъ лисицъ, питающихся павшими и больными изъ стаи. Вмѣстѣ съ оленемъ двинулись и тяжелые нильгхаи, и за нимъ послѣдовали и дикіе буйволы изъ болотъ. Малѣйшая тревога вспугивала разсѣянныя бродячія стада, пасшіяся вразбродъ, пившія и снова пасшіяся, но каждый разъ, какъ начиналась тревога, являлся кто-нибудь, кто успокоивалъ ихъ. То это былъ Икки, дикобразъ, приносившій извѣстіе о хорошемъ кормѣ, который можно найти немного дальше; другой разъ весело кричалъ Мангъ, пролетая надъ равниной, чтобы показать, что впереди все пусто, или Балу, набивъ ротъ кореньями, появлялся передъ разбившимися рядами и отчасти страхомъ, отчасти силой направлялъ ихъ на надлежащую дорогу. Многіе убѣгали назадъ, отставали или теряли интересъ, но другіе—ихъ было больше—все шли впередъ.

Къ концу дней десяти положеніе было таково: олени, кабаны и нильгхаи паслись по кругу съ радіусомъ отъ восьми

до десяти миль, между тѣмъ какъ плотоядныя бродили по окраинамъ этого круга. А центръ этого круга составляла деревня, вокругъ которой на поляхъ поспѣвали хлѣба, среди полей сидѣли люди на машанахъ—высокихъ помостахъ, въ родѣ голубятенъ, устроенныхъ изъ жердей на четырехъ столбахъ, чтобы гонять птицъ и другихъ воровъ. Съ оленями въ это время уже не церемонились. Плотоядныя подгоняли ихъ сзади и принуждали наступать все ближе и стягиваться все тѣснѣе и тѣснѣе.

Была темная ночь, когда Хати и его три сына, выйдя изъ джунглей, снесли машаны своими хоботами. Машаны попадали, какъ подкошенные стебли болиголова въ цвѣту, и свалившіеся вмѣстѣ съ ними люди слышали кругомъ себя, вокругъ себя глухое бульканье въ горлѣ слоновъ. Тутъ авангардъ обезумѣвшихъ отъ страха оленей налетѣлъ на пастбища и нивы, а съ ними пришли острокопытые кабаны, взрывавшіе землю, и все, что оставили олени, испортили они, а по временамъ волки производили тревогу въ стадахъ скота, и онъ отчаянно метался, вытаптывая молодой ячмень и сглаживая берега оросительныхъ канавъ. Еще до наступленія жары давленіе снаружи круга ослабѣло въ одномъ мѣстѣ: плотоядныя отступили, оставивъ открытую дорогу къ югу, и по ней устремилось стадо за стадомъ травоядныхъ. Тѣ, кто были посмѣлѣе, залегли въ чащѣ, чтобы на слѣдующую ночь покончить свою добычу.

Дѣло въ сущности уже было сдѣлано. Крестьяне утромъ убѣдились, что ихъ жатва пропала. А это значило смерть, если не уйти въ другое мѣсто, потому что и безъ того голодъ каждый годъ былъ такъ же близокъ къ нимъ, какъ были близки джунгли. Когда буйволовъ выгнали на пастбу, голодныя животныя увидали, что олени уже очистили ихъ пастбища, и они послѣдовали за своими дикими товарищами въ джунгли, а въ сумерки нѣсколько пони, принадлежавшихъ деревнѣ, были найдены въ стойлахъ съ пробитыми головами. Одна только Багхира могла нанести такіе удары, и одной Багхирѣ могла прійти дерзкая мысль выволочь остовъ послѣдней лошади на улицу.

Жители не осмѣлились развести огня въ поляхъ въ эту ночь, и Хати съ своими тремя сыновьями бродили по нивамъ, собирая остатки, а ужъ гдѣ прошелъ Хати, тамъ нечего больше искать. Люди рѣшили питаться запасами зеренъ, оставленныхъ на сѣмена до наступленія дождей, а потомъ наняться въ работники, чтобы наверстать потерянное за годъ; но въ то время, какъ торговецъ зерномъ, потирая руки, ду-

малъ о своихъ полныхъ закромахъ и высчитывалъ барыши, которые возьметъ, острые клыки Хати подрыли углы землянки и вытащили ивовую плетенку, обмазанную коровьимъ навозомъ, гдѣ хранилось драгоцѣнное зерно.

Когда обнаружилось послѣднее опустошеніе, заговорилъ браминъ. Онъ взывалъ къ своимъ богамъ, но не получилъ отвѣта. „Можетъ-быть,—говорилъ онъ,—деревня какъ-нибудь нечаянно оскорбила какое-нибудь изъ божествъ джунглей, потому что джунгли, внѣ всякаго сомнѣнія, были противъ нихъ“.

Поэтому жители деревни послали за начальникомъ сосѣдняго племени бродячихъ гондовъ малорослыхъ, умныхъ и чернокожихъ охотниковъ, живущихъ въ глубинѣ джунглей и происходящихъ отъ древнѣйшихъ обитателей Индостана—первоначальныхъ владѣтелей страны. Начальника гондовъ угостили, чѣмъ могли, и онъ стоялъ на одной ногѣ съ лукомъ въ рукахъ и отравленными стрѣлами за тюрбаномъ и смотрѣлъ полуиспуганно, полупрезрительно на встревоженныхъ крестьянъ и ихъ поля. Они желали знать, не разсердились ли на нихъ ихъ боги—старые боги—и какія жертвы имъ надо принести. Гондъ не сказалъ ничего, но, поднявъ побѣгъ *карелы*—ползучаго растенія, приносящаго горькую дикую тыкву,—нѣсколько разъ заплелъ имъ дверь храма передъ краснымъ изображеніемъ индусскаго божества. Послѣ этого онъ протянулъ руки по направленію къ Ханиворѣ и вернулся въ свои джунгли, гдѣ увидалъ проходившее черезъ ихъ селеніе животныхъ. Онъ зналъ, что, когда джунгли двинутся, только бѣлые могутъ остановить ихъ движеніе.

Нечего было спрашивать, что онъ хотѣлъ этимъ сказать: дикая тыква выраститъ тамъ, гдѣ они поклонялись своему богу, и чѣмъ раньше жители покинутъ эти мѣста, тѣмъ лучше.

Но трудно цѣлой деревнѣ сняться съ насиженнаго мѣста. Крестьяне оставались, пока лѣтомъ находили кое-какую пищу и пытались собирать орѣхи въ джунгляхъ, но тѣни съ горящими глазами слѣдили за ними и появлялись даже въ полдень, а когда они въ испугѣ бѣжали къ своимъ стѣнамъ, они видѣли, что со стволовъ, мимо которыхъ они проходили не больше пяти минутъ тому назадъ, вся кора содрана и изрѣзана какой-то большой когтистой лапой. Чѣмъ они рѣже выходили изъ деревни, тѣмъ смѣлѣе становились дикія существа, прыгавшія и мычавшія на пастбищахъ у Вайгунга. Имъ некогда было чинить и вновь заплетать проломы въ пустыхъ хлѣвахъ, выходившихъ задней стѣной въ джунгли; кабаны разносили ихъ; узловатые стебли ползучихъ растеній спѣшили по ихъ слѣдамъ и обвивали своими прицѣпками новозавоеван-

ное владѣніе, а жесткая трава вырастала щетиной внутри хлѣвовъ, торча, точно копья войска домовыхъ, преслѣдовавшихъ отступающихъ.

Первыми бѣжали изъ деревни холостые, разнося повсюду вѣсть, что деревня заколдована. Кто можетъ бороться съ джунглями, или богами ихъ,—говорили они,—если деревенская очковая змѣя, и та ушла изъ своей норы подъ смоковницей? Такимъ образомъ сношенія деревни съ внѣшнимъ міромъ становились все меньше, по мѣрѣ того, какъ тропинки въ травѣ зарастали и рѣдѣли. Наконецъ ночные крики Хати и его трехъ сыновей перестали тревожить жителей, потому что уже не оставалось ничего, что можно было еще отнять у нихъ. Поля постепенно утрачивали свои очертанія, настала пора итти просить милостыни у англичанъ въ Ханиварѣ.

По привычкѣ туземцевъ, они все откладывали уходъ со дня на день, пока первые дожди не хлынули сквозь дырявыя крыши. Они лились потоками; на бывшихъ же пастбищахъ вода стояла по щиколотку, и послѣ лѣтней жары вся сразу зеленѣла. И вотъ всѣ мужчины, женщины и дѣти двинулись въ путь подъ проливнымъ горячимъ утреннимъ дождемъ, но, конечно, на околицѣ оглянулись, чтобы бросить послѣдній прощальный взглядъ на свое пепелище.

Когда послѣдняя семья, нагруженная своими пожитками, вышла изъ деревенскихъ воротъ, они услыхали трескъ падающихъ стропилъ и крышъ, обвалившихся внутрь стѣнъ. Они увидали, какъ поднявшійся блестящій черный хоботъ разбрасывалъ соломенныя крыши. Онъ исчезъ, и послышался вторичный трескъ, сопровождаемый крикомъ. Хати срывалъ крыши хижинъ, какъ мы срываемъ кувшинки, и укололся о стропила. Только этого не доставало, чтобы вызвать всю его силу, потому что изъ всѣхъ обитателей джунглей разъяренный слонъ приноситъ больше всего вреда. Онъ лягнулъ задней ногой землянную стѣну, и она сразу разсыпалась, превращаясь въ желтую грязь потоками дождя. Съ ревомъ и визгомъ металея онъ по узкимъ улицамъ, опрокидывая стѣны, вырывая ветхія двери и разметывая навѣсы. Три его сына бушевали, идя слѣдомъ за нимъ, такъ же какъ бушевали тогда, когда опустошали поля Бхуртпора.

— Джунгли поглотятъ эти обломки,—раздался спокойный голосъ въ развалинахъ.

— А надо свалить ограду,—сказалъ Маугли, весь мокрый, съ обнаженными плечами и руками, съ которыхъ вода стекала потоками, и соскочилъ со стѣны, которая осѣла, какъ утомленный буйволъ.

— Всему свое время,—отвѣтилъ Хати.—Ну, дѣти, къ оградѣ! Головой! Всѣ за разъ! Такъ!.

Всѣ четверо толкнули ограду сразу; она треснула, закачалась и упала, а крестьяне, онѣмѣвъ отъ ужаса, увидали въ пробоинѣ свирѣпыя, испачканныя глиной головы разрушителей. И бездомные нищіе бросились бѣжать по долинѣ, а ихъ деревня исчезла навѣки позади ихъ, разбросанная и втоптанная въ грязь.

Мѣсяцъ спустя, это мѣсто представляло изъ себя неровный пригорокъ, поросшій мягкой, нѣжнозеленой травой; а когда кончились дожди, на поляхъ, бывшихъ подъ плугомъ всего полгода тому назадъ, водворились въ полной красѣ шумящія торжествующія джунгли.

Королевское бодило *).

Есть четыре на свѣтѣ, которымъ мало
всего спаконъ вѣка:
Ротъ шакала, да ястребиный желудокъ,
да руки мартышки, да глазъ человѣка.
Пословица джунглей.

Каа, большой удавъ, который жилъ на скалѣ, мѣнялъ свою кожу, по крайней мѣрѣ, въ двухсотый разъ со дня рожденія, и Маугли, никогда не забывавшій, что онъ обязанъ жизнью Каа, избавившаго его отъ Бондаръ-Логовъ въ „Холодныхъ берлогахъ", отправился поздравить его.

Мѣняя кожу, змѣя обыкновенно дѣлается раздражительной и находится въ подавленномъ состояніи, пока новая кожа не сдѣлается блестящей и красивой. Каа никогда уже не издѣвался надъ Маугли, но, какъ всѣ прочіе, признавалъ его господиномъ джунглей, и сообщалъ ему всѣ новости, которыхъ, конечно, удавъ такой величины слыхалъ не мало. Чего же Каа не зналъ изъ жизни среднихъ джунглей,—жизни, протекающей у самой земли или подъ нею: жизни подъ скалами, въ горахъ, у корней деревьевъ, то могло бы уписаться на самой маленькой изъ его чешуи.

Въ этотъ вечеръ Маугли сидѣлъ между кольцами огромнаго тѣла Каа, перебирая въ рукахъ пустую, треснувшую старую кожу змѣи, лежавшую перекрученной и смятой между камнями, гдѣ удавъ сбросилъ ее. Каа очень любезно свернулся, такъ что Маугли опирался на него своими широкими, голыми плечами, какъ бы сидя въ креслѣ.

*) *Бодило* — остроконечный крюкъ, которымъ вожакъ слона колетъ его въ шею, погоняя.

— Она вся цѣла, даже до глазныхъ щитковъ,—сказалъ Маугли тихо, играя съ старой кожей.—Какъ странно видѣть у ногъ животнаго то, что недавно покрывало его голову.

— Ну, у меня ногъ нѣтъ,—отвѣтилъ Каа,—и такъ какъ это обычай всѣхъ моихъ родичей, то я не нахожу въ немъ ничего страннаго. Развѣ ты никогда не чувствуешь, что кожа у тебя износилась и загрубѣла?

— Тогда я иду и моюсь, Плоскоголовый; хоть, правду сказать, въ большіе жары иногда хотѣлось бы стащить кожу безъ боли и побѣгать безъ кожи.

— И я моюсь, но *также* и кожу сбрасываю. Какъ тебѣ нравится мое новое платье?

Маугли провелъ рукой по косымъ клѣткамъ могучей спины.

— У черепахи спина тверже, но не такая пестрая,—сказалъ онъ съ видомъ знатока;—у лягушки, моей тёзки, пестрѣе, но не такая твердая. Твоя очень красива: точно крапчатая чашечка лиліи.

— Ее надо смочить. Свѣжая кожа только тогда получаетъ настоящій цвѣтъ, когда окунется въ воду. Пойдемъ купаться.

— Я понесу тебя,—сказалъ Маугли; и, смѣясь, нагнулся, чтобы приподнять середину огромнаго тѣла Каа, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно было всего толще. Это было все равно, что пытаться поднять водопроводную трубу двухъ футовъ въ діаметрѣ; а Каа, между тѣмъ, лежалъ не шевелясь, тихо пыхтя отъ удовольствія. Тогда началась обычная вечерняя игра. Мальчикъ, разгоряченный желаніемъ испытывать свои силы, а удавъ въ своемъ новомъ роскошномъ нарядѣ стояли другъ противъ друга, намѣреваясь начать борьбу-состязаніе въ силѣ и остротѣ зрѣнія. Само собой разумѣется, Каа могъ бы сокрушить дюжину Маугли, если бы далъ себѣ волю; но онъ игралъ осторожно, не развивая никогда и десятой доли своей силы. Съ тѣхъ поръ, какъ Маугли настолько окрѣпъ, что сталъ выносить болѣе грубое обращеніе, Каа выучилъ его этой игрѣ, и она развила его члены, какъ ничто не было бы въ состояніи развить. Иногда Каа обвивалъ Маугли почти до горла своими гибкими кольцами, и тогда мальчикъ старался только оставить свободной одну руку, чтобы схватить удава за горло. Затѣмъ Каа мягко сваливался, и Маугли пытался ногами поймать огромный хвостъ, извивавшійся, ощупывая скалу или древесный стволъ. Они такимъ образомъ раскачивались во всѣ стороны, голова съ головой, стараясь каждый улучить удобную минуту, пока красивая, какъ скульптура, группа не превращалась въ вихрь вертящихся черно-желтыхъ

колецъ и то поднимающихся, то опускающихся въ борьбѣ ногъ и рукъ.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!—повторялъ Каа, нанося головой удары, которыхъ не могла отразить даже проворная рука Маугли.—Смотри, вотъ я тебя ударилъ сюда, Маленькій братъ! И еще и еще! Или у тебя руки онѣмѣли? Вотъ сейчасъ опять ударю.

Игра всегда кончалась одинаково—однимъ сильнымъ ударомъ головы, отъ котораго Маугли отлеталъ далеко въ сторону. Маугли никакъ не могъ научиться отражать этотъ быстрый, какъ молнія, ударъ, а Каа говорилъ, что не стоитъ и пробовать.

— Счастливаго лова!—буркнулъ, наконецъ, Каа, и Маугли, какъ обыкновенно, отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, смѣясь и тяжело переводя духъ. Онъ всталъ весь въ травѣ и отправился вслѣдъ за Каа къ любимому мѣсту купанья мудрой змѣи, глубокому, черному, какъ смола, пруду, окруженному скалами и привлекательному для змѣи по массѣ затопленныхъ древесныхъ пней. Мальчикъ скользнулъ въ воду безшумно, какъ всѣ дѣти джунглей, и нырнулъ; вынырнулъ такъ же безшумно, легъ на спину и, закинувъ руки за голову, сталъ смотрѣть на мѣсяцъ, поднявшійся изъ-за скалъ, въ то же время разбивая на части его отраженіе въ водѣ. Каа разрѣзалъ своей головой въ формѣ граненаго алмаза воду, какъ бритвой, и, наконецъ, положилъ ее на плечо Маугли. Такъ они лежали оба тихо, наслаждаясь прохладой воды.

— Хорошо!—лѣниво протянулъ, наконецъ, Маугли.—А вотъ человѣческое племя въ это время, какъ я вспоминаю, укладывалось на жесткія деревянныя доски въ своихъ земляныхъ ловушкахъ, закупоривъ ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы свѣжій воздухъ не пришелъ ниоткуда, закрывалось грязными одѣялами съ головами и начинало отвратительно пѣть въ носъ. Въ джунгляхъ лучше.

Кобра, соскользнувъ со скалы, поспѣшно помчалась и, пожелавъ „счастливаго лова“, уползла.

— Шшъ!—сказалъ Каа, будто что-то вдругъ вспомнивъ.— Такъ ты говоришь, что джунгли дали тебѣ все, чего тебѣ только хотѣлось, Маленькій братъ?

— Не все, — отвѣчалъ Маугли, смѣясь. — Иначе было бы каждый мѣсяцъ по Ширъ-хану, котораго можно бы убивать. Теперь я могъ бы справиться съ нимъ и одинъ, безъ помощи буйволовъ. Случалось мнѣ тоже желать, чтобы показалось солнце во время дождей или чтобы дожди закрыли солнце

среди лѣта; охота моя всегда удачна; но иной разъ мнѣ хотѣлось, чтобы вмѣсто козы попалась лань или вмѣсто лани нильгхай. Но это вѣдь всѣ мы знаемъ.

— И другихъ желаній у тебя нѣтъ?—спросилъ удавъ.

— Чего мнѣ еще желать? Я—хозяинъ джунглей, и они любятъ меня. Что можетъ еще быть больше отъ восхода до заката?

— А вотъ кобра говоритъ...—началъ Каа.

— Какая кобра? Та, которая сейчасъ ушла, не сказавъ ничего. Она охотилась.

— Не эта; другая.

— Развѣ ты часто разговариваешь съ ядовитымъ племенемъ? Я съ ними не имѣю дѣла. Онѣ носятъ смерть въ переднихъ зубахъ, и это не хорошо, потому что онѣ такъ малы. Съ какимъ Капюшономъ *) ты разговаривалъ?

Каа медленно повернулся, какъ пароходъ въ морѣ.

— Три и четыре луны тому назадъ я охотился въ „Холодныхъ берлогахъ", обезьяньемъ городѣ, который ты, конечно, не забылъ, и тварь, за которой я гнался, съ крикомъ проскользнувъ мимо водоемовъ къ тому дому, стѣну котораго, помнишь, я разбилъ, чтобы освободить тебя, скрылась подъ землей.

— Но вѣдь обитательницы „Холодныхъ берлогъ" не живутъ подъ землей.—Маугли зналъ, что Каа говоритъ объ обезьянахъ.

— Эта тварь была не изъ тамошнихъ обиталищъ; она только пыталась скрыться,—отвѣчалъ Каа, шевеля жаломъ.—Она спряталась въ нору, которая вела очень далеко. Я послѣдовалъ за ней и, догнавъ ее, уснулъ. Проснувшись же, я двинулся дальше.

— Подъ землей?

— Да, и, наконецъ, наткнулся на Бѣлый капюшонъ, бѣлую кобру, которая стала разсказывать и показывать мнѣ вещи, какихъ я никогда до того не видалъ.

— Показала новую забаву? Новую дичь?—Маугли быстро повернулся на бокъ.

— Нѣтъ; это была такая вещь, о которую я могъ бы обломить всѣ свои зубы; но Бѣлый капюшонъ сказала, что человѣкъ—она, видно, знакома съ этимъ племенемъ—отдалъ бы послѣднее свое дыханіе, лишь бы только увидать эти вещи

*) Капюшономъ называются складки кожи на шеѣ очковой змѣи (кобры), которыя она можетъ по желанію раздувать. Здѣсь „Капюшонъ"— очковая змѣя.

— Посмотримъ,— сказалъ Маугли.— Теперь я вспоминаю, что самъ былъ когда-то человѣкомъ.

— Тише... тише. Поспѣшность убила желтую змѣю, которая съѣла солнце. Мы разговаривали съ коброй подъ землей, и я разсказалъ ей о тебѣ, называя тебя человѣкомъ. Бѣлая кобра сказала: „Я стара какъ сами джунгли; давно я не видала человѣка. Пусть онъ придетъ, и я покажу ему всѣ эти вещи, за малѣйшую изъ которыхъ человѣкъ согласился бы отдать жизнь“.

— Навѣрное, какая-нибудь новая забава. Вѣдь ядовитое племя никогда не скажетъ намъ: онѣ не любезный народъ.

— Нѣтъ, это не забава. Это... это... не могу сказать, что это такое.

— Пойдемъ туда. Я никогда не видалъ Бѣлой кобры, и на тѣ вещи мнѣ тоже хочется посмотрѣть. Она забыла ихъ на охотѣ?

— Это вещи не живыя. Кобра говоритъ, что стережетъ ихъ.

— А! Какъ волкъ стережетъ мясо, которое принесъ къ себѣ въ логовище. Пойдемъ.

Маугли подплылъ къ берегу, повалялся въ травѣ, чтобы обсушиться, и оба отправились къ „Холоднымъ берлогамъ“, покинутому городу, о которомъ вы, можетъ-быть, слыхали. Маугли теперь уже ни капельки не боялся обезьянъ, но зато обезьяній народъ до смерти боялся Маугли. Онѣ въ это время куралесили въ джунгляхъ, и поэтому городъ былъ пустъ и тихъ при лунномъ свѣтѣ. Каа направился къ развалинамъ павильона королевъ, стоявшихъ на террасѣ, скользнулъ по мусору и нырнулъ внизъ по полуобвалившейся лѣстницѣ, которая вела посрединѣ павильона подъ землю. Маугли крикнулъ змѣиный кличъ: „Мы всѣ одной крови, и я и вы!“ И послѣдовалъ за удавомъ на четверенькахъ. Они ползли долго по проходу, спускавшемуся все глубже, поворачивая вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько разъ, и, наконецъ, подошли къ мѣсту, гдѣ большое дерево, росшее футовъ на тридцать надъ землей, выворотило корнями огромный камень въ стѣнѣ. Они пролѣзли въ это отверстіе и очутились въ подвалѣ, своды котораго тоже пробили древесные корни, такъ что нѣсколько полосокъ свѣта проникали сверху въ темноту.

— Безопасное логовище,— сказалъ Маугли, вставая на ноги,— только слишкомъ далекое, чтобы заходить ежедневно. Что же мы видимъ?

— А я-то развѣ ничто?—спросилъ голосъ изъ середины подвала.

Маугли увидалъ, какъ зашевелилось что-то бѣлое, и передъ ними очутилась такая огромная кобра, какой онъ никогда не видѣлъ—змѣя футовъ девяти длины, выцвѣтшая отъ постояннаго пребыванія въ темнотѣ до бѣлаго цвѣта слоновой кости. Даже знаки очковъ на ея раздутомъ капюшонѣ выцвѣли въ свѣтло-желтый цвѣтъ. Глаза ея горѣли, какъ рубины, и вообще змѣя была необыкновенная.

— Счастливаго лова!—сказалъ Маугли, играя ножомъ, никогда не покидавшимъ его.

— Какія вѣсти изъ города?—спросила Бѣлая кобра, не отвѣчая на привѣтствіе.—Изъ большого города за стѣнами,—города ста слоновъ, двадцати тысячъ лошадей и безчисленнаго количества скотины,—города короля двадцати королей? Я здѣсь оглохла, и давно ужъ не слыхала ихъ военнаго гонга.

— У насъ надъ головами джунгли,—сказалъ Маугли.—Изъ слоновъ я знаю только Хати и его сыновей. Багхира убила всѣхъ лошадей въ одной деревнѣ, а... что такое король?

— Я говорилъ тебѣ уже четыре мѣсяца тому назадъ,—тихо обратился Каа къ кобрѣ,—что твоего города больше не существуетъ.

— Городъ,—большой въ лѣсу городъ, ворота котораго охраняются королевскими башнями, никогда не можетъ исчезнуть. Они выстроили его еще прежде, чѣмъ отецъ моего отца вышелъ изъ яйца, и онъ будетъ стоять, когда сыновья моихъ сыновей будутъ такъ же бѣлы, какъ я! Саломдхи, сынъ Чандрадія, сына Віейи, сына Іегазури, выстроили его въ дни Баппы Раваля. Чья же *ты* скотина?

— Кобра что-то путаетъ,—сказалъ Маугли, обращаясь къ Каа.—Я не понимаю ее.

— И я также. Она очень стара. Отецъ кобръ, здѣсь только одни джунгли, какъ были съ самаго начала.

— Такъ кто же *онъ*, что сидитъ противъ меня, не боясь ничего, не знающій имени короля, говорящій по-нашему человѣческими губами? Кто этотъ съ ножомъ, говорящій позмѣиному.

— Меня называютъ Маугли,—послѣдовалъ отвѣтъ.—Я сынъ джунглей. Мой народъ—волки, а Каа мнѣ братъ. Отецъ кобръ, кто ты?

— Я хранитель королевскихъ сокровищъ. Въ тѣ дни, когда кожа моя была темна, Куррунъ Раджа выстроилъ сводъ надо мной, чтобы я показывалъ смерть тѣмъ, кто приходилъ красть. Потомъ они спустили сокровища черезъ камень, и я слышалъ пѣніе браминовъ, моихъ повелителей.

— Гмъ!—сказалъ про себя Маугли.—Я имѣлъ дѣло съ однимъ браминомъ человѣческаго племени, и... знаю, что знаю... Скоро услышу что-нибудь злое.

— Пять разъ съ тѣхъ поръ, какъ я попала сюда, поднимали камень, каждый разъ опускали новыя сокровища, и ни разу не вынимали ничего. Нѣтъ богатствъ равныхъ этимъ—сокровищамъ ста королей. Но теперь ужъ давно,—очень давно, какъ камень поднимали въ послѣднiй разъ, и я думаю, что мой городъ уже забылъ про меня.

— Нѣтъ города. Выгляни наверхъ. Видишь, корни большихъ деревьевъ раздвинули камни. Люди и деревья не растутъ вмѣстѣ,—настаивалъ на своемъ Каа.

— Раза два-три люди находили дорогу сюда,—свирѣпо отвѣтила кобра,—но они ничего не говорили, идя ощупью въ темнотѣ, пока я не подползалъ къ нимъ, и тогда они кричали недолго. Но *вы* оба—и человѣкъ и змѣя—пришли сюда съ ложью: вы хотите заставить меня повѣрить, что города ужъ нѣтъ и что моей стражѣ конецъ. Люди мало мѣняются съ годами. А *я* и совсѣмъ не мѣняюсь! Пока камень снова не поднимутъ, не придутъ брамины съ знакомыми мнѣ пѣснями, не станутъ поить меня теплымъ молокомъ и не вынесутъ меня опять на свѣтъ, *я*—и никто другой—буду хранителемъ королевскаго сокровища! Вы говорите, городъ умеръ и корни деревьевъ пробились сюда? Такъ нагнитесь и берите, что вамъ надо. Нѣтъ въ землѣ сокровищъ, равныхъ этимъ. Человѣкъ съ змѣинымъ языкомъ, если ты выйдешь живымъ по дорогѣ, по которой пришелъ сюда, младшiе изъ королей будутъ тебѣ слугами!

— Опять потерялъ слѣдъ,—сказалъ Маугли холодно.—Какой шакалъ могъ прокопаться такъ далеко и укусить Бѣлый капюшонъ? Вѣдь онъ взбѣсился! Отецъ кобръ, я здѣсь не вижу ничего, что можно бы взять.

— Клянусь богами солнца и луны, мальчикъ сошелъ съ ума!—зашипѣла кобра.—Прежде чѣмъ твои глаза сомкнутся, я тебѣ окажу милость: ты увидишь то, чего ни одинъ человѣкъ не видалъ до тебя!

— Плохо приходится въ джунгляхъ тѣмъ, кто говоритъ Маугли о милости,—проговорилъ мальчикъ сквозь зубы.—Но, я знаю, темнота все измѣняетъ. Посмотрю, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствiе.

Онъ осмотрѣлъ, тараща глаза, весь подвалъ, и поднялъ съ пола горсть чего-то блестящаго.

— Ого, это похоже на то, чѣмъ играетъ человѣческое племя,—сказалъ Маугли,—только тѣ вещи были коричневыя, а эти—желтыя.

Онъ бросилъ золотыя монеты и двинулся дальше. Весь полъ подвала былъ покрытъ футовъ на пять-шесть слоемъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, высыпавшихся изъ мѣшковъ, въ которыхъ хранились первоначально, и за долгіе годы металлъ слежался, какъ слеживается песокъ при отливѣ. На нихъ и среди нихъ, выдаваясь надъ ними, какъ изъ песку выброшенные послѣ кораблекрушенія остатки, виднѣлись драгоцѣнныя слоновыя попоны кованаго серебра, украшенныя золотыми бляхами, карбункулами и бирюзой. Здѣсь были паланкины и носилки для королевъ, окованные и оправленные серебромъ и эмалью, съ ручками изъ нефрита и янтарными кольцами для занавѣсей; были золотые подсвѣчники съ подвѣсками изъ изумрудовъ, дрожавшихъ на проволокахъ; были серебряные литые идолы забытыхъ боговъ по пяти и шести футовъ высоты, съ глазами изъ драгоцѣнныхъ камней; были кольчуги изъ золотой сѣтки на стали, съ бахромой изъ почернѣвшаго и заржавѣвшаго жемчуга; были шлемы съ украшеніями изъ алыхъ рубиновъ; были щиты лаковые, черепаховые и носороговой кожи, въ оправѣ изъ червоннаго золота съ рядомъ изумрудовъ по краямъ; были мечи, кинжалы, охотничьи ножи съ рукоятками, украшенными алмазами; были золотыя жертвенныя чаши и ларцы, переносные алтари невиданныхъ формъ; были нефритовыя части и браслеты; курильницы, гребни, баночки для духовъ, генны и глазного порошку— все золотое; были носовыя кольца, браслеты, головныя повязки и перстни безъ числа; были пояса въ семь пальцевъ ширины изъ граненыхъ рубиновъ и алмазовъ, деревянные ящики, когда-то окованные желѣзомъ, дерево которыхъ разсыпалось впрахъ, и изъ которыхъ высыпались груды не граненыхъ сапфировъ, опаловъ, кошачьихъ глазъ, рубиновъ, изумрудовъ, алмазовъ и гранатовъ.

Бѣлая кобра была права. Не было денегъ, которыя могли бы оплатить хоть часть этихъ сокровищъ, собранныхъ столѣтіями войнъ, грабежей, торговли и податей. Ужъ не говоря о драгоцѣнныхъ камняхъ, монеты были безцѣнны, а вѣсъ золота и серебра достигалъ до двухъ-трехсотъ тоннъ. Каждый индусскій властелинъ, даже небогатый, имѣетъ и теперь сокровищницу, которую постоянно наполняетъ, и хотя, время отъ времени, въ долгіе промежутки, какой-нибудь просвѣщенный владѣтель и посылаетъ на волахъ сорокъ-пятьдесятъ повозокъ, нагруженныхъ серебромъ, чтобы обмѣнять его на правительственныя бумаги, однако большинство хранятъ свои сокровища про себя, одни зная ихъ цѣнность.

Маугли, конечно, не понималъ значенiе этихъ вещей. Ножи нѣсколько заинтересовали его, но они уступали его собственному, и онъ не тронулъ ихъ. Наконецъ въ одномъ углу, полускрытая монетами, ему попалась вещь дѣйствительно изумительная. Это было трехфутовое бодило, или заостренный крюкъ для погонянiя слоновъ, похожiй на небольшой багоръ. Верхушка состояла изъ одного круглаго сверкающаго рубина, а на девять дюймовъ ниже ручка вся сплошь была унизана бирюзой. Ниже ея находился ободокъ изъ нефрита съ цвѣточной гирляндой, листья которой были изумрудные, а цвѣты рубиновые, вдѣланные въ сѣрый камень. Остальная часть ручки была изъ чистѣйшей слоновой кости, между тѣмъ какъ острее—крюкъ—было изъ стали съ золотой инкрустацiей, представлявшей охоту за слонами. Эта картинка заинтересовала Маугли, увидавшаго въ ней отношенiе къ Хати молчаливому.

Бѣлая кобра не отходила отъ мальчика.

— Ну, не стоитъ ли заплатить жизнью за то, чтобы взглянуть на это? Развѣ не милость я тебѣ оказала?

— Не понимаю,—сказалъ Маугли.—Эти вещи жестоки и холодны, и ужъ никакъ не годятся для ѣды. Но эту палку—онъ поднялъ крюкъ—я хочу взять отсюда, чтобы посмотрѣть на нее при солнцѣ. Ты говоришь, все это твое? Если ты дашь мнѣ эту вещь, я тебѣ принесу лягушекъ.

Бѣлая кобра даже затряслась отъ злорадства.

— Конечно, дамъ, — сказала она. — Все, что здѣсь есть, отдамъ, если только ты выйдешь отсюда.

— Да, я ухожу. Здѣсь темно и холодно; я хочу унести острую палку въ джунгли.

— Посмотри, что у твоихъ ногъ?

Маугли поднялъ что-то гладкое, бѣлое.

— Это кость изъ человѣческой головы,—сказалъ онъ спокойно.—А вотъ и еще!

— Много лѣтъ тому назадъ люди хотѣли унести отсюда сокровища. Я поговорила съ ними впотьмахъ, и они успокоились...

— Да мнѣ-то зачѣмъ эти такъ называемыя сокровища? Если ты дашь мнѣ палку, то я скажу, что охота была удачна. Если не дашь, все же охота будетъ хорошая. Я не сражаюсь съ ядовитымъ народомъ, но знаю заклинанiе твоего племени.

— Здѣсь одно только заклинанiе дѣйствительно. И это—мое слово.

Каа устремился впередъ съ сверкающими глазами.

— Кто просилъ меня привести человѣка? — зашипѣлъ онъ.

— Конечно, я,—отвѣтила кобра.—Давно я не видала человѣка, этотъ человѣкъ говоритъ нашимъ языкомъ.

— Но объ убійствѣ его не было рѣчи. Какъ я могу вернуться въ джунгли и сказать, что я отвелъ его на смерть?— сказалъ Каа.

— Я и теперь не говорю, что убью его. А что касается того, выйдешь ли *ты* или нѣтъ, такъ въ стѣнѣ есть отверстіе. Тише ты, жирный истребитель обезьянъ! Стоитъ мнѣ коснуться твоей шеи и джунгли ужъ не увидятъ тебя. Ни одинъ человѣкъ не уходилъ отсюда, унося дыханіе подъ ребрами. Я хранитель сокровищъ королевскаго города.

— Говорю тебѣ, бѣлый червякъ, что нѣтъ ни короля ни города! Надъ нами однѣ джунгли!—закричалъ Каа.

— Но сокровища существуютъ. Вотъ мы что сдѣлаемъ. Погоди немного, Каа съ утеса, и посмотри, какъ станетъ бѣгать мальчишка. Здѣсь есть гдѣ позабавиться. Жизнь мила. Ну, побѣгай, мальчикъ, покажи свою ловкость!

Маугли спокойно положилъ руку на голову Каа.

— Бѣлая змѣя имѣла до сихъ поръ дѣло съ людьми изъ человѣческаго племени. Она не знаетъ меня,—шепнулъ онъ.— Она сама пожелала этой охоты. Пусть попробуетъ.

Маугли стоялъ, держа бодило крюкомъ книзу. Онъ быстро отбросилъ его отъ себя; пролетѣвъ наискосокъ, крюкъ пронзилъ капюшонъ кобры и пригвоздилъ ее къ землѣ. Въ одно мгновеніе Каа навалился всей тяжестью на извивавшееся тѣло, не давая ему возможности шелохнуться. Красные глаза кобры горѣли, а шестифутовый кусокъ шеи, остававшійся свободнымъ, яростно бросался направо и налѣво.

— Убей ее! — крикнулъ Каа, когда Маугли схватился за ножъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ мальчикъ, вынимая лезвее изъ ноженъ. — Я никогда не буду убивать иначе, какъ ради пищи А вотъ, взгляни, Каа!

Онъ схватилъ змѣю за шею позади капюшона, открылъ ей ротъ ножомъ и показалъ, что ужасные ядовитые зубы почернѣли и выкрошились. Ядъ Бѣлой кобры изсякъ отъ старости какъ это бываетъ всегда.

— Тью высохъ! *) — сказалъ Маугли, и, отстранивъ Каа освободилъ кобру.

*) Буквально „высохшій пень“.

— Королевскому сокровищу нуженъ новый хранитель,—сказалъ онъ строго.—Ты не хорошо исполнилъ свою обязанность. Можешь бѣгать, Тью, въ свое удовольствіе!

— Мнѣ стыдно; убей меня!—зашипѣла Бѣлая кобра.

— Слишкомъ много разговоровъ объ убійствахъ. Теперь пойдемъ, Тью, я возьму острую палку, потому что сражался съ тобой и побѣдилъ тебя.

— Смотри, какъ бы крюкъ, въ концѣ-концовъ, не убилъ тебя. Это смерть! Помни, это смерть! Этого крюка достаточно, чтобы убить всѣхъ людей моего города. Недолго останется онъ у тебя, человѣкъ изъ джунглей, и также не долго у того, кто отниметъ его у тебя. Всѣ будутъ убивать и убивать изъ-за него! Моя сила высохла, но бодило сдѣлаетъ мое дѣло. Это смерть! Смерть!

Маугли снова вылѣзъ черезъ отверстіе къ выходу и послѣднее, что онъ видѣлъ, было, какъ кобра яростно кусала своими безвредными зубами золотыя лица боговъ, лежавшихъ на полу, и шипѣла:—это смерть!

И Каа и Маугли были рады, когда опять вышли на свѣтъ Божій; а Маугли сталъ махать сверкающимъ бодиломъ при свѣтѣ утренняго солнца. Онъ былъ доволенъ, какъ будто держалъ въ рукахъ пучокъ цвѣтовъ, которымъ могъ украсить себѣ волосы.

— Блеститъ ярче глазъ Багхиры, — говорилъ онъ, любуясь рубиномъ и поворачивая бодило во всѣ стороны.—Надо показать ей. Но что хотѣлъ сказать Тью, болтая о смерти?

— Не могу отвѣтить тебѣ. До кончика хвоста жаль мнѣ, что кобра не попробовала твоего ножа. Въ „Холодныхъ берлогахъ“ всегда какое-нибудь зло и на землѣ и подъ ней. А теперь я голоденъ. Пойдешь со мной на охоту сегодня утромъ?—спросилъ Каа.

— Нѣтъ; надо показать Багхирѣ эту вещь. Счастливой охоты!

Маугли въ припрыжку побѣжалъ прочь, размахивая бодиломъ и останавливаясь по временамъ, чтобы любоваться имъ, пока не пришелъ въ ту часть джунглей, гдѣ обыкновенно держалась Багхира; тамъ онъ нашелъ ее пьющей послѣ плотнаго обѣда. Маугли разсказалъ ей всѣ свои приключенія сначала до конца, а Багхира между тѣмъ обнюхивала бодило. Когда Маугли дошелъ до послѣднихъ словъ Бѣлой кобры, пантера одобрительно заворчала.

— Такъ Бѣлая кобра сказала то, что есть на самомъ дѣлѣ?—поспѣшно спросилъ Маугли.

— Я родилась въ королевскихъ клѣткахъ Удейпора, и знаю кое-что о бѣломъ человѣкѣ. Многіе люди были бы готовы на

тройное убійство въ одну ночь изъ-за одного только этого краснаго камня.

— Но отъ камней бодило тяжелъ для руки. Мой маленькій свѣтлый ножъ лучше, и, видишь ли, краснаго камня ѣсть нельзя. Ради чего же изъ-за нихъ убивать?

— Маугли, поди и выспись. Ты жилъ съ людьми, и...

— Помню. Люди убиваютъ потому, что не охотятся; убиваютъ изъ лѣни и ради удовольствія. Проснись, Багхира. Для чего могла служить эта острая палка?

Багхира полуоткрыла глаза—ей очень хотѣлось спать—и въ нихъ мелькнула искра злорадства.

— Она сдѣлана людьми, чтобы колоть до крови головы сыновей Хати. Я видала такіе крюки на улицахъ Удейпора, передъ нашими клѣтками. Эта вещь попробовала крови многихъ такихъ, какъ Хати.

— Зачѣмъ же ею колятъ головы слоновъ?

— Чтобы научить закону человѣческому. У людей нѣтъ ни когтей ни зубовъ; вотъ они и дѣлаютъ такія вещи, да еще похуже.

— Все больше и больше крови, чѣмъ ближе къ людямъ, даже къ вещамъ, сдѣланнымъ ими,—сказалъ Маугли съ отвращеніемъ. Его начинало утомлять тяжелое бодило.—Знай я это, не взялъ бы я его. Сначала кровь Мессуа на ремняхъ, а теперь кровь Хати. Не надо мнѣ его! Смотри!

Бодило взвилось, сверкая въ воздухѣ, и вонзилось остреемъ въ землю на разстояніи шаговъ тридцати въ древесной чащѣ.

— Теперь въ моихъ рукахъ нѣтъ больше смерти!—сказалъ Маугли, обтирая ладони рукъ о свѣжую, влажную землю.— Тью сказалъ, что смерть пойдетъ за мной. Онъ старъ, сѣдъ и выжилъ изъ ума.

— Сѣдъ тамъ или нѣтъ, смерть или жизнь, *я* лягу спать, Маленькій братъ. Я не въ силахъ охотиться цѣлый день, а потомъ выть, какъ это дѣлаютъ другіе.

Багхира отправилась въ логовище, извѣстное ей, миляхъ въ двухъ оттуда. Маугли ловко вскарабкался на подходящее дерево, сплелъ нѣсколько ползучихъ растеній и въ слѣдующее мгновеніе раскачивался въ гамакѣ въ пятидесяти футахъ надъ землей. Хотя нельзя сказать, чтобы Маугли не любилъ дневного свѣта, но, слѣдуя обычаю своихъ друзей, онъ пользовался имъ какъ можно меньше. Когда Маугли проснулся среди громкоголоснаго пернатаго населенія, жившаго на деревѣ, уже снова смеркалось; а во снѣ онъ видѣлъ пестрые камешки бодила которое онъ бросилъ.

— Надо еще разъ взглянуть на эту вещь, — сказалъ онъ, слѣзая по ліанамъ внизъ на землю; но Багхира уже стояла тамъ. Маугли слышалъ, какъ она фыркала въ полутьмѣ.

— Гдѣ острая палка?—закричалъ Маугли.

— Ее взялъ человѣкъ. Вотъ его слѣдъ.

— Теперь увидимъ, правду ли сказалъ Тью. Если острая палка смерть, этотъ человѣкъ умретъ. Пойдемъ за нимъ.

— Прежде поохоться,—посовѣтовала Багхира.—При пустомъ желудкѣ глазъ плохо глядитъ. Люди ходятъ медленно, а джунгли достаточно сыры, чтобы виденъ былъ даже легкій слѣдъ.

Они поохотились наскоро, но прошло около трехъ часовъ, прежде, чѣмъ имъ удалось поѣсть, напиться и вернуться къ слѣду. Обитатели джунглей знаютъ, что торопиться при ѣдѣ не слѣдуетъ.

— Какъ ты думаешь: перевернется острая палка въ рукѣ человѣка и убьетъ его?—спросилъ Маугли.— Тью сказалъ, что это смерть.

— Увидимъ, когда найдемъ, — отвѣчала Багхира, идя съ опущенной головой.—Здѣсь слѣдъ одиночный—она хотѣла сказать, что тутъ прошелъ одинъ только человѣкъ—и отъ тяжести, которую онъ несъ, его пятки глубоко уходили въ землю.

— Хай! Это ясно, какъ лѣтняя молнія, — сказалъ Маугли, и они пошли быстрымъ осторожнымъ шагомъ выслѣживателей, то показываясь на мѣстахъ, освѣщенныхъ луной, то снова скрываясь во тьмѣ и придерживаясь слѣда, оставленнаго двумя босыми ногами.

— Здѣсь онъ бѣжалъ,—сказалъ Маугли.—Пальцы растопырены.—Багхира и Маугли шли по сырому мѣсту.—Почему онъ свернулъ вдругъ въ сторону?

— Погоди!—сказала Багхира, и однимъ прыжкомъ перескочила такое пространство, какое только могла. Первое, что надо сдѣлать, когда слѣдъ начинаетъ сбиваться—это прыгнуть впередъ, не оставляя на землѣ собственныхъ слѣдовъ, которые могли бы еще больше запутать.—Опустившись на землю, Багхира повернулась къ Маугли, крича:—здѣсь другой слѣдъ идетъ навстрѣчу этому. Нога на немъ меньше, и пальцы обращены внутрь.

Маугли побѣжалъ взглянуть.

— Это слѣдъ охотника племени гондовъ, — сказалъ онъ.— Смотри! Тутъ онъ тащитъ свой лукъ по землѣ. Вотъ почему первый шагъ поспѣшилъ повернуть въ сторону. Большая нога испугалась Маленькой ноги.

— Правда,—согласилась Багхира.—А теперь, вмѣсто того, чтобы мѣшать другъ другу, давай прослѣдимъ каждый свой

слѣдъ. Я буду Большая нога, Маленькій братъ, а ты—Маленькая, гондъ.

Багхира прыгнула къ первому слѣду, оставивъ Маугли у узкаго слѣда маленькаго лѣсного человѣка.

— Теперь, — сказала Багхира, шагъ за шагомъ идя по слѣду,—я, Большая нога, поворачиваю здѣсь. Теперь я прячусь за скалу и стою, не смѣя поднять ноги. Говори твой слѣдъ, Маленькій братъ!

— Вотъ я, лягушонокъ, подхожу къ скалѣ,—началъ Маугли, идя вдоль слѣда.—Вотъ я сажусь подъ скалой, опираюсь на лѣвую руку, а лукъ держу между пальцами ногъ. Я жду долго, потому что слѣдъ моей ноги здѣсь глубокъ.

— И я тоже жду, — сказала Багхира, скрытая скалой,— отдыхаю, опершись крюкомъ о камень. Онъ скользитъ, и оставляетъ царапину на камнѣ. Говори свой слѣдъ, Маленькій братъ!

— Здѣсь сломана одна, двѣ вѣтки и одинъ большой сукъ,— сказалъ Маугли, понизивъ голосъ.—А вотъ *это* не знаю ужъ, какъ и сказать. А! Понимаю. Я, Маленькая нога, убѣгаю, кричу и топочу, чтобы Большая нога слышала меня.

Онъ пошелъ между деревьями, по направленію маленькаго водопада, и голосъ его донесся издали:

— Я... ухожу... далеко... туда, гдѣ шумъ... воды, а здѣсь... я жду... Скажи свой слѣдъ Багхира, Большая нога.

Пантера бѣгала во всѣ стороны, чтобы посмотрѣть, куда ведетъ большой слѣдъ изъ-за скалы. Потомъ она подала голосъ:

— Я выхожу изъ-за скалы на колѣняхъ, таща за собой крюкъ. Я не вижу никого и бѣгу. Я, Большая нога, бѣгу скоро. Слѣдъ ясенъ. Пойдемъ каждый за своимъ слѣдомъ. Я бѣгу!

Багхира бѣжала вдоль ясно обозначеннаго слѣда, а Маугли шелъ по слѣдамъ гонда. Нѣсколько времени въ джунгляхъ царила полная тишина.

— Гдѣ ты, Маленькая нога? — крикнула Багхира. Голосъ Маугли раздался саженяхъ въ семи справа.

— Хмъ! — сказала пантера, глухо кашлянувъ. — Оба слѣда идутъ рядомъ, сближаясь!

Они пробѣжали еще полмили, держась все время въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга, пока Маугли, опустившій голову такъ же близко къ землѣ, какъ Багхира, не крикнулъ:

— Они встрѣтились. Хорошаго лова! Смотри! Здѣсь Маленькая нога стоялъ на одномъ колѣнѣ на камнѣ, а подъ нимъ— Большая нога!

Не дальше какъ футахъ въ десяти отъ нихъ, на грудѣ щебня лежало тѣло туземца, пронизанное въ грудь насквозь длинной, легко опереной стрѣлой изъ гондскаго лука.

— Ну, что, такъ ли ужъ старъ и глупъ былъ Тью? — ласково спросила Багхира.—Вотъ тебѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ мертвецъ.

— Пойдемъ дальше. А гдѣ же слоновый кровопійца—красноглазая колючка?

— Можетъ-быть, у Маленькой ноги. Теперь слѣдъ опять отъ одной ноги.

Одиночный слѣдъ маленькаго человѣка, бѣжавшаго быстро, неся тяжесть на лѣвомъ плечѣ, шелъ вокругъ кучки высохшей травы, и каждый шагъ, на зоркій глазъ слѣдопытовъ, казался выжженнымъ каленымъ желѣзомъ.

Не было сказано ни слова, пока слѣдъ не подошелъ къ костру, скрытому въ оврагѣ.

— Еще! — сказала Багхира, останавливаясь, какъ окаменѣлая.

Ногами въ золѣ лежало тѣло маленькаго сморщеннаго гонда, и Багхира вопросительно взглянула на Маугли.

— Это сдѣлано бамбуковой палкой, — рѣшилъ мальчикъ, взглянувъ.—Я употреблялъ такую штуку, когда пасъ буйволовъ у человѣческаго племени. Отецъ кобръ—мнѣ стыдно, что я смѣялся надъ нимъ—хорошо знаетъ это племя, какъ и я долженъ былъ бы знать. Развѣ я не говорилъ, что люди убиваютъ изъ лѣности.

— Да, правда, они убили изъ-за красныхъ и голубыхъ камней,—отвѣтила Багхира.—Помни, я была въ королевскихъ клѣткахъ Удейпора.

— Одинъ, два, три, четыре слѣда,—насчиталъ Маугли, нагнувшись къ золѣ.—Слѣдъ четырехъ человѣкъ въ башмакахъ. Они не ходятъ такъ быстро, какъ гонды. Какое зло могъ сдѣлать имъ маленькій охотникъ? Смотри, они говорили, всѣ пятеро, стоя, прежде, чѣмъ убили его. Багхира, уйдемъ отсюда. Мнѣ тяжело на желудкѣ и онъ прыгаетъ вверхъ и внизъ, какъ гнѣздо иволги на концѣ вѣтки.

— Не надо на охотѣ оставлять звѣря живымъ. Пойдемъ дальше!—сказала пантера.—Эти восемь ногъ въ башмакахъ ушли недалеко.

Было уже ясное, жаркое утро, и Багхира сказала:

— Пахнетъ дымомъ

— Люди всегда любятъ больше ѣсть, чѣмъ бѣгать,—отвѣчалъ Маугли, шныряя по низкому кустарнику молодыхъ джунг-

лей, гдѣ они проходили. Багхира, бѣжавшая нѣсколько лѣвѣе, издала неподдающійся описанію звукъ горломъ.

— Вотъ тотъ, кто здѣсь, уже поѣлъ,—сказала она.—Подъ кустомъ лежала кучка набросанныхъ тряпокъ, а кругомъ—немного разсыпанной муки.

— И это сдѣлано бамбукомъ,—сказалъ Маугли.—Смотри, эта бѣлая пыль—то, что люди ѣдятъ. Они отняли добычу у того, кто несъ имъ ѣду, и отдали его въ добычу Чилю-ястребу.

— Это ужъ третій,—сказала Багхира.

„Отнесу большихъ молодыхъ лягушекъ Отцу кобръ и накормлю его досыта!—подумалъ Маугли.—Слоновый кровопійца—сама смерть... Но все же я не понимаю..."

— Иди дальше!—сказала Багхира.

Они не прошли и полумили, какъ услыхали Ко, ворону, пѣвшую похоронную пѣснь верхушкѣ тамариска, подъ которымъ лежали три человѣка. Полупотухшій огонь курился въ серединѣ круга, подъ желѣзнымъ листомъ, на которомъ лежалъ почернѣвшій, сгорѣвшій каравай прѣснаго хлѣба. У самаго огня, сверкая на солнцѣ, валялось бодило, украшенное рубинами и бирюзой.

— Быстро работаетъ! Всему здѣсь конецъ,—сказала Багхира.—Маугли, какъ же умеръ этотъ? Не видно никакого слѣда.

Обитатель джунглей опытомъ научается распознавать дѣйствіе ядовитыхъ травъ и ягодъ, лучше всякаго доктора. Маугли втянулъ ноздрями дымъ, поднимавшійся отъ костра, отломилъ кусокъ сгорѣвшаго хлѣба, попробовалъ и выплюнулъ.

— Яблоко смерти,—объяснилъ онъ, закашлявшись.—Первый прибавилъ его къ ѣдѣ для *тѣхъ*, кто убили его, убивши сначала гонда.

— Да, нечего сказать, счастливая охота,—сказала пантера.—Одна смерть за другой.

„Яблокомъ смерти" въ джунгляхъ называютъ плодъ дурмана или датура—сильнѣйшій индѣйскій ядъ.

— Что же теперь?—спросила пантера.—Не убить ли намъ съ тобой другъ друга изъ-за этого красноглазаго убійцы?

— Можетъ онъ говорить?—шопотомъ спросилъ Маугли.—Развѣ не хорошо я сдѣлалъ, бросивъ его? Насъ съ тобой онъ не поссоритъ, потому что мы не желаемъ того, чего желаютъ люди. Если мы оставимъ его здѣсь, онъ будетъ продолжать убивать людей одного за другимъ такъ же скоро, какъ падаютъ орѣхи въ сильный вѣтеръ. Я не люблю людей, но и я не желалъ бы, чтобы ихъ умирало по шести въ ночь.

— Не все ли равно? Вѣдь это только люди. Они убивали другъ друга и остались очень довольны,—сказала Багхира.

— Все же они дѣтеныши, а дѣтенышъ можетъ утонуть, стараясь укусить отраженіе луны въ водѣ. Во всемъ виноватъ я,—сказалъ Маугли.—Никогда не стану приносить въ джунгли незнакомыхъ вещей — будь онѣ хоть красивѣе цвѣтка. Пусть *это* вернется къ отцу кобръ. Только прежде выспимся; но спать намъ около этихъ спящихъ нельзя. А пока закопаемъ *его*, чтобы онъ не убѣжалъ и не убилъ еще шестерыхъ. Выкопай мнѣ яму подъ деревомъ.

— Виноваты сами люди,—замѣтила Багхира

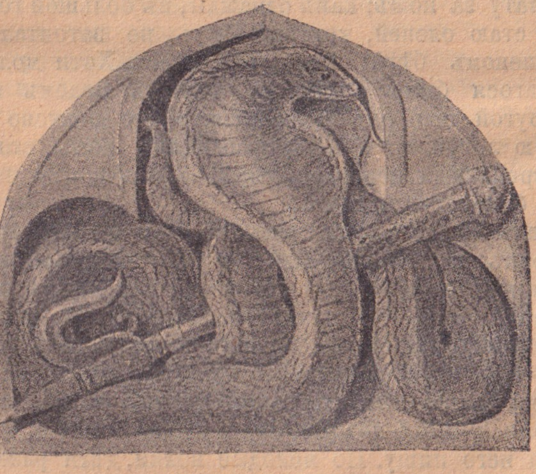
— Все равно,— сказалъ Маугли. — Выкопай яму поглубже. Когда мы проснемся, я возьму его и отнесу кобрѣ.

Двѣ ночи спустя, когда Бѣлая кобра сидѣла одна въ темномъ подземельѣ, горюя и стыдясь, что ее обобрали, вдругъ бирюзовое бодило влетѣло въ отверстіе стѣны и со звономъ упало на полъ.

— Отецъ кобръ,—позвалъ Маугли,—онъ, конечно, стоялъ по другую сторону стѣны,—возьми кого-нибудь помоложе и посильнѣе изъ своего народа; ему надо помогать тебѣ стеречь королевское сокровище такъ, чтобы никто ужъ не вышелъ изъ подвала живымъ.

— Ага! Палка вернулась! Я говорила, что это смерть. Какъ ты-то еще до сихъ поръ живъ?—прошамкала кобра, любовно обвиваясь вокругъ рукоятки бодила.

— Клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня, не знаю! Эта вещь убила шестерыхъ. Не выпускай ее больше на свѣтъ.

Рыжія собаки.

Самая веселая полоса въ жизни Маугли началась послѣ того, какъ онъ напустилъ джунгли на деревню. На душѣ у него было покойно, какъ у человѣка, заплатившаго долгъ; всѣ въ джунгляхъ были его друзьями, хотя нѣсколько и побаивались. Много, много разсказовъ не короче этого можно бы наполнить, передавая все, что онъ видѣлъ и слышалъ, переходя отъ одного племени къ другому съ своими четырьмя спутниками. Такъ я ужъ не стану разсказывать вамъ, какъ онъ встрѣтилъ Бѣшанаго слона изъ Мандла, убившаго двадцать два буйвола, везшихъ одиннадцать повозокъ чеканной серебряной монеты въ государственное казначейство, а блестящія монеты разбросалъ по пыли. Не узнаете вы, какъ онъ цѣлую длинную ночь боролся съ Жакала, крокодиломъ, въ сѣверныхъ болотахъ и сломилъ свой ножъ на спинныхъ щитахъ пресмыкающагося; какъ онъ нашелъ новый ножъ, еще длиннѣе, на шеѣ человѣка, убитаго вепремъ, и какъ онъ выслѣдилъ этого вепря и убилъ его, въ уплату за ножъ; какъ однажды, въ большой голодъ, онъ попалъ въ стаю оленей, которые чуть не затоптали его въ своемъ бѣшеномъ бѣгѣ; какъ онъ спасъ Хати молчаливаго, провалившагося было опять въ яму съ коломъ на днѣ, и какъ на другой день онъ самъ попалъ въ искусно скрытую леопардовую ловушку, и Хати разломалъ надъ его головой толстыя деревянныя перекладины; какъ онъ доилъ дикихъ буйволицъ въ болотахъ; и какъ...

Но за разъ можно разсказывать только объ одномъ.

Отецъ-волкъ и волчица-мать умерли, Маугли привалилъ большой камень ко входу въ логовище и пропѣлъ надъ ними пѣсню Смерти. Балу состарился и еле бродилъ, и даже Багхира, при своихъ стальныхъ нервахъ и желѣзныхъ мускулахъ, стала чуть-чуть медленнѣе на охотѣ, чѣмъ прежде. Акела изъ сѣраго превратился отъ старости въ молочно-бѣлаго; ребра его выдавались, и онъ ходилъ, будто деревянный, и Маугли добывалъ для него пищу. Но молодые волки, дѣти разбредшейся

Сіонійской стаи, росли и размножались, а когда ихъ собралось до сорока, безначальныхъ, полногласныхъ, быстроногихъ пятилѣтокъ, Акела сказалъ имъ, что они должны собраться и, согласно закону, бѣгать подъ однимъ началомъ, какъ прилично Свободнымъ ловцамъ.

Маугли не мѣшался въ эти дѣла, потому что, какъ говорилъ онъ, „попробовалъ кислаго плода и зналъ, на какомъ деревѣ онъ растетъ“; но когда Фао, сынъ Фаона,—его отецъ былъ Сѣрый ловецъ временъ предводительства Акелы,—согласно закону джунглей въ борьбѣ добылъ себѣ предводительство стаей, и снова въ звѣздныя ночи зазвучали прежнія пѣсни и призывы, Маугли сталъ появляться на Совѣтскую скалу по старой памяти. Когда ему приходило въ голову говорить, стая ждала, пока онъ кончитъ, и онъ сидѣлъ на скалѣ рядомъ съ Акелой, выше Фао.

То были дни хорошей охоты и крѣпкаго сна. Ни одинъ чужой не отваживался зайти въ джунгли, принадлежавшія „народу Маугли“, какъ стали называть племя, и молодые волки жирѣли и крѣпли, и многихъ волчатъ приходилось приводить на осмотръ.

Маугли всегда присутствовалъ на осмотрахъ, вспоминая ту ночь, когда черная пантера купила для стаи смуглаго голаго мальчугана, а протяжный призывъ: „Смотрите въ оба, волки!“ заставлялъ трепетать его сердце.

Въ другое время онъ рыскалъ по джунглямъ съ своими четырьмя братьями, пробуя, ощупывая и осматривая все новое, что попадалось на пути.

Однажды въ сумерки, когда онъ не спѣша пробирался къ Акелѣ, неся ему половину оленя, котораго убилъ, а его четверка трусила за нимъ, изрѣдка огрызаясь и толкаясь отъ избытка жизнерадостности, онъ услыхалъ крикъ, какого никогда не слыхалъ со времени Ширъ-хана. Это былъ такъ называемый въ джунгляхъ *фіалъ*—отвратительный крикъ шакала, бѣгущаго за тигромъ или присутствующаго при убійствѣ большого звѣря.

Надо вообразить себѣ смѣшеніе ненависти, торжества, страха и отчаянія, къ которымъ примѣшивается какъ бы вопль, чтобы составить себѣ слабое понятіе о *фіалѣ*, доносившемся, то возвышаясь, то упадая, дрожа и взвизгивая, издалека, отъ Вайнгунги. Четверка остановилась, ощетинившись и ворча. Маугли схватился за ножъ. Кровь прилила къ его лицу, и брови сдвинулись.

— Ни одинъ Полосатый не смѣетъ охотиться здѣсь, — сказалъ онъ.

— Это не крикъ Глашатая, — отвѣчалъ Сѣрый братъ. — Должно-быть, убиваютъ большого звѣря. Слышишь?

Снова послышалось какъ бы рыданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ подавленный смѣхъ, будто у шакала были мягкія человѣческія губы. Тогда Маугли глубоко перевелъ духъ и побѣжалъ къ Совѣтской скалѣ, нагоняя на своемъ пути спѣшившихъ туда же волковъ изъ стаи. Акела и Фао уже были на скалѣ, а у ногъ ихъ, напряженные до послѣдняго нерва, сидѣли прочіе. Матери съ волчатами уходили въ свои логовища, потому что, когда раздается *фіалъ*, слабымъ существамъ не слѣдуетъ выходить изъ дому.

Въ темнотѣ не было слышно ничего, кромѣ шума и журчанія Вайнгунги и шелеста вечерняго вѣтерка въ верхушкахъ деревьевъ, какъ вдругъ издали подалъ голосъ волкъ. То былъ волкъ не изъ стаи, такъ какъ они всѣ собрались на скалѣ. Призывъ окончился протяжнымъ отчаяннымъ воемъ. Волкъ кричалъ: „Дхоли! Дхоли!"

На скалѣ послышались шаги утомленныхъ лапъ, и большой волкъ съ баками, въ красныхъ полосахъ, съ перешибленной передней лапой и пѣной у рта вскочилъ въ кругъ и, задыхаясь, повалился къ ногамъ Маугли.

— Счастливаго лова! Подъ чьимъ началомъ?—важно спросилъ Фао.

— Счастливаго лова! Я—Вонъ-толла,—послѣдовалъ отвѣтъ. Это значило, что онъ одинокій волкъ, особнякъ, не принадлежащій ни къ какой стаѣ, охотящійся самъ по себѣ и оставившій свою волчицу и волчатъ въ логовищѣ, гдѣ-нибудь въ пустынной мѣстности, какъ то часто дѣлаютъ южные волки.

Волкъ дышалъ прерывисто и видно было, какъ бока его поднимались при каждомъ біеніи сердца.

— Что идетъ?—задалъ Фао вопросъ, который въ джунгляхъ предлагаютъ всѣ, когда раздается *фіалъ*.

— Дхоли, деканскія дхоли — рыжія собаки, убійцы! Онѣ пришли съ юга: говорятъ, что Деканъ пустъ, и охотятся дорогой. Когда мѣсяцъ былъ молодой, у меня было четверо— волчица и трое волчатъ. Она учила ихъ охотиться въ лугахъ, прятаться тамъ, выгоняя оленя, какъ всегда дѣлаемъ мы, жители равнинъ. Въ полночь я услыхалъ, что они во весь голосъ возвѣщали слѣдъ, а утромъ нашелъ ихъ мертвыми въ травѣ—четверыхъ изъ свободныхъ ловцовъ. Тогда я сталъ искать своего права крови и нашелъ дхолей.

— Сколько? — спросилъ Маугли, а племя глухо заворчало.

— Не знаю. Три изъ нихъ ужъ не будутъ больше убивать, но подъ конецъ онѣ гнали меня, какъ оленя; я бѣжалъ на трехъ лапахъ, а онѣ гнали. Смотрите, свободные ловцы!

Онъ выставилъ свою искалѣченную лапу, потемнѣвшую отъ запекшейся крови. Всѣ его бока были жестоко искусаны и горло было истерзано.

— Ѣшь,—сказалъ Акела, отходя отъ мяса, принесеннаго ему Маугли.

И Особнякъ набросился на ѣду.

— Не даромъ вы накормили меня,—сказалъ онъ покорно, утоливъ первый голодъ.—Дайте мнѣ набраться немного силы, свободные ловцы, и я тоже стану охотиться. Мое логовище было полно, когда мѣсяцъ былъ молодой, и долгъ крови еще не весь уплаченъ.

Фао слышалъ, какъ трещала подъ его зубами кость и заворчалъ одобрительно.

— Эти челюсти понадобятся намъ,—сказалъ онъ.—Есть щенята съ дхолями?

— Нѣтъ, нѣтъ. Все рыжіе ловцы: взрослыя собаки одного племени, сильныя и толстыя, хотя и питались ящерицами у себя въ Деканѣ.

Слова Вонъ-толла значили, что дхоли, рыжія деканскія дикія собаки, шли на охоту, и племя знало, что даже тигръ уступаетъ свою добычу дхолямъ. Онѣ мчатся прямо по джунглямъ, сбивая съ ногъ и растерзывая все, что попадется на пути. Хотя онѣ меньше волка и далеко не такъ хитры, но онѣ очень сильны, и ихъ очень много. Дхоли только тогда называютъ себя стаей, когда ихъ наберется штукъ сто, хотя сорокъ волковъ уже составляютъ хорошую стаю. Маугли въ своихъ странствованіяхъ заходилъ до начала травяныхъ равнинъ Декана и видалъ безстрашныхъ дхолей спящихъ, играющихъ и царапающихся въ ямкахъ и за кочками, гдѣ онѣ устраиваютъ себѣ логовища. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ ихъ, потому что у нихъ запахъ былъ другой, чѣмъ у свободнаго народа, потому что онѣ не жили въ пещерахъ, а, главное, потому что у нихъ росли волосы между пальцевъ, а у него и его друзей пальцы были голые. Даже Хати сходилъ съ ихъ пути, и пока онѣ живы или дичи ужъ станетъ мало, онѣ безостановочно подвигаются впередъ.

Акела тоже зналъ кое-что о дхоляхъ и спокойно сказалъ Маугли:

— Лучше умереть среди своего племени, чѣмъ безъ вожака и одному. Хорошая будетъ охота... и моя послѣдняя. Но тебѣ,

человѣку, еще предстоитъ много ночей и дней, Маленькій братъ. Иди къ сѣверу и залягъ тамъ, а если кто останется въ живыхъ послѣ дхолей, онъ, проходя мимо, разскажетъ тебѣ о битвѣ.

— Что же мнѣ, итти въ болота ловить мелкую рыбешку и спать на деревѣ, или помогать Бондаръ-логамъ грызть орѣхи, пока племя будетъ здѣсь биться?—спокойно спросилъ Маугли.

— Бой будетъ смертный,—отвѣтилъ Акела.—Ты никогда не встрѣчался съ дхолями—рыжими охотниками. Даже Полосатый, и тотъ...

— *Ауyа! Ауаа!* — презрительно проговорилъ Маугли. — Я убилъ одну полосатую обезьяну, и увѣренъ въ своемъ желудкѣ, что Ширъ-ханъ бросилъ бы свою тигрицу въ добычу дхолямъ, если бы зачуялъ ихъ за тремя горными цѣпями. Послушай: былъ у меня отецъ-волкъ и мать-волчица, и былъ одинъ большой сѣрый волкъ, не очень умный. Теперь онъ сталъ бѣлымъ, сталъ мнѣ и отцомъ и матерью. Поэтому я говорю, — онъ возвысилъ голосъ, — говорю, что если придутъ дхоли, Маугли и свободные ловцы вмѣстѣ пойдутъ на эту битву. И еще говорю,—клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня,—чтобы слышали Деревья и Рѣки и запомнили, если я забуду,—клянусь, что ножъ мой будетъ все равно, что зубъ для стаи, а онъ не изъ глупыхъ. Вотъ слово, вышедшее отъ меня

— Ты не знаешь дхолей, человѣкъ съ волчьимъ языкомъ,—сказалъ Вонъ-толла.—Я хочу только получить съ нихъ кровавый долгъ, прежде чѣмъ онѣ растерзаютъ меня. Онѣ идутъ медленно, убивая по дорогѣ, но черезъ два дня я оправлюсь и пойду взыскивать свой долгъ. Вамъ же, свободные ловцы, я скажу: идите къ сѣверу и попоститесь, пока дхоли не уйдутъ. Эта битва вамъ мяса не дастъ.

— Послушайтесь Особняка!—смѣясь обратился Маугли къ пришельцу.—Мы, свободные ловцы, должны итти къ сѣверу и выкапывать изъ норъ ящерицъ да крысъ, изъ боязни, какъ бы не повстрѣчаться съ дхолями? Онѣ станутъ охотиться на нашихъ земляхъ, а мы должны прятаться на сѣверѣ, пока имъ будетъ угодно пустить насъ обратно. Онѣ—собаки, щенки, рыжія, желтобрюхія, бездомныя и волосатыя между пальцами! У нихъ бываетъ за разъ по восьми, девяти щенятъ, словно у Чикаи—тушканчика. Да, правда, намъ надо бѣжать, свободный народъ, и просить у жителей сѣвера, чтобы они позволили намъ питаться объѣдками падали! Вы знаете, говорится: „На сѣверѣ—всякіе гады, на югѣ—вши. А *мы*—

джунгли". Выбирайте же! Хорошій будетъ ловъ! Для стаи,— для всей стаи, для логова и волчатъ; для волковъ племени и особняковъ; для волчицы, гоняющейся за ланью, и маленькаго новорожденнаго волчонка въ пещерѣ,—для всѣхъ будетъ мясо... много мяса!

Племя отвѣтило глухимъ громкимъ лаемъ, разнесшимся въ ночномъ воздухѣ, какъ шумъ падающаго дерева.

— Мясо!—кричали волки.

— Останьтесь съ ними,—приказалъ Маугли четверкѣ.— Намъ будетъ нуженъ каждый зубъ. Пусть Фао и Акела распоряжаются битвой. Я пойду считать собакъ.

— Это смерть!—закричалъ Вонъ-толла, привставъ.—Что можетъ сдѣлать такой безшерстый противъ рыжихъ собакъ? Помни: даже Полосатый...

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ, когда дхоли подохнутъ!—крикнулъ Маугли черезъ плечо.—Хорошей охоты всѣмъ!

Онъ быстро удалился въ темнотѣ, почти не смотря въ своемъ волненіи, куда ставилъ ногу, и естественнымъ слѣдствіемъ этого было, что онъ растянулся во всю длину, налетѣвъ на Каа—удава, свернувшагося на оленьей тропѣ у рѣки.

— *Шшъ!*—сердито замѣтилъ Каа.—Развѣ позволяется въ джунгляхъ мѣшать чужой охотѣ... да еще когда дичь подходитъ такъ хорошо?

— Виноватъ!—извинился Маугли, поднимаясь.—Я искалъ какъ разъ тебя, Плоскоголовый, только каждый разъ какъ мы встрѣчаемся, ты толстѣешь и выростаешь съ мою руку. Нѣтъ никого равнаго тебѣ въ джунгляхъ, мой мудрый, старый сильный и красивый Каа!

— Ну, куда поведетъ *этотъ* слѣдъ?—спросилъ Каа ласковѣе.—И мѣсяца еще не прошло, какъ человѣчишка съ длиннымъ ножомъ бросалъ мнѣ въ голову камнями и ругалъ дикой кошкой за то, что я сѣлъ на открытомъ мѣстѣ.

— И разогналъ оленей на всѣ четыре стороны. Маугли охотился, а этотъ Плоскоголовый совсѣмъ оглохъ и не слыхалъ, какъ Маугли свисталъ ему, чтобы онъ ушелъ съ оленьей тропы,—объяснилъ степенно Маугли, усаживаясь между пестрыми кольцами.

— И вотъ этотъ же человѣчишка приходитъ съ ласковыми словами къ этому самому Плоскоголовому и говоритъ ему, что онъ умный, сильный и красивый, и этотъ самый Плоскоголовый вѣритъ ему и даетъ мѣсто—вотъ такъ—этому самому человѣчишку, бросавшему камни... Ну, теперь тебѣ ловко? Могъ бы ты отдохнуть такъ на спинѣ Багхиры?

Каа, какъ обыкновенно, сдѣлалъ изъ себя родъ мягкой кочки. Мальчикъ ощупывалъ въ темнотѣ, пока не съежился въ гибкой какъ канатъ шеѣ Каа, и голова послѣдняго легла ему на плечи. Послѣ этого Маугли разсказалъ удаву, что случилось въ джунгляхъ этой ночью.

— Можетъ-быть, я и уменъ, а что глухъ, такъ это несомнѣнно,—заговорилъ Каа.—Иначе я слышалъ бы *фіалъ*. Не удивительно, что травоядныя встревожились. Сколько дхолей?

— Я еще не видалъ. Я бѣгомъ пустился къ тебѣ. Ты старше Хати. Но хорошая это будетъ охота, Каа!—мальчикъ весь затрясся отъ радости.—Не многіе изъ насъ увидятъ другой мѣсяцъ.

— И *ты* хочешь вмѣшаться въ это дѣло? Помни, что ты человѣкъ и что волчье племя изгоняло тебя. Пусть волки справляются съ собаками. *Ты*—человѣкъ.

— Прошлогодніе орѣхи!—Теперь черная земля,—отвѣтилъ Маугли.—Правда, я человѣкъ, но въ своемъ желудкѣ я сказалъ себѣ сегодня ночью, что я тоже волкъ. Я крикнулъ, чтобы Деревья и Рѣки вспомнили это. Я—свободный ловецъ, пока не уйдутъ дхоли.

— Свободные ловцы,—проворчалъ Каа.—Свободные воры! И ты впутался въ этотъ мертвый узелъ изъ-за умершихъ волковъ? Не хорошая это будетъ охота.

— Я сказалъ свое слово. Деревья знаютъ и Рѣка знаетъ. Пока дхоли не уйдутъ, мое слово не вернется ко мнѣ.

— *Ншшъ!* Это мѣняетъ все. Я думалъ взять тебя съ собой въ сѣверныя болота, но слово... даже слово безшерстаго голаго человѣка... все же слово... Теперь я, Каа, говорю.

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, какъ бы и тебѣ не впутаться въ мертвый узелъ. Мнѣ не надо твоего слова, потому что я хорошо знаю...

— Ну, будь по-твоему,—сказалъ Каа.—Я не даю слова, но что надо дѣлать, когда придутъ дхоли? Какъ говоритъ объ этомъ твой желудокъ?

— Онѣ должны переплыть Вайнгунгу. Я думалъ встрѣтить ихъ у мели съ ножомъ въ рукѣ, а чтобы племя стояло за мной. Такимъ образомъ, я—работая ножомъ, а волки—зубами, мы могли бы заставить ихъ повернуть внизъ по рѣкѣ или остудить ихъ горла...

— Дхоли никогда не поворачиваютъ, и онѣ живучи,—сказалъ Каа.—Не останется ни человѣка ни волка, когда охота кончится, а однѣ только сухія кости.

— *Алала!* Умереть, такъ умереть. Охота будетъ хорошая. Но я молодъ и видѣлъ еще немного дождей. Я не мудръ и не силенъ. Ты, можетъ-быть, задумалъ что-нибудь получше?

— Я видалъ сотни и сотни дождей. Когда еще и Хати не мѣнялъ своихъ молочныхъ зубовъ, мой слѣдъ былъ уже великъ въ пыли. Клянусь первымъ яйцомъ, я старше многихъ деревьевъ и видѣлъ все, что дѣлалось въ джунгляхъ

— Но это *новая* охота; ни разу до сихъ поръ намъ не попадались дхоли,—сказалъ Маугли.

— Что было, то было. Что будетъ, это только возвращеніе забытаго года. Посиди смирно, пока я сочту свои года.

Цѣлый часъ Маугли лежалъ въ кольцахъ, между тѣмъ какъ Каа, положивъ голову на землю, думалъ о всемъ, что видѣлъ съ того дня, какъ вылупился изъ яйца. Свѣтъ, казалось, потухъ въ его глазахъ, и они смотрѣли, какъ потускнѣвшіе опалы. Изрѣдка только онъ дѣлалъ движеніе головой, будто охотился во снѣ. Маугли спокойно дремалъ, зная, что передъ охотой надо выспаться, и онъ привыкъ спать во всякое время дня и ночи.

Потомъ онъ почувствовалъ, какъ спина Каа становилась все шире подъ нимъ, по мѣрѣ того, какъ удавъ выдувалъ изъ себя воздухъ, свистя со звукомъ ножа, вынимаемаго изъ стальныхъ ноженъ.

Я видѣлъ всѣ мертвыя времена года,—заговорилъ, наконецъ, Каа,—и большія деревья, и старыхъ слоновъ, и голыя, острыя скалы, прежде, чѣмъ онѣ поросли мхомъ. Ты еще живъ, лягушонокъ?

— Мѣсяцъ только недавно зашелъ,—сказалъ Маугли.—Я не понимаю...

— *Шшъ*! Я опять Каа. Я знаю: времени прошло немного. Теперь пойдемъ къ рѣкѣ, и я покажу тебѣ, что надо сдѣлать противъ дхолей.

Каа повернулся прямо, какъ стрѣла, къ главному руслу Вайнгунги, и нырнулъ въ него немного ниже глубокаго мѣста, у подножія Скалы мира. Маугли послѣдовалъ за нимъ.

— Нѣтъ, не плавай. Я плыву быстро. Вскочи мнѣ на спину, Маленькій братъ

Маугли охватилъ лѣвой рукой шею Каа, правую опустилъ вдоль тѣла и сжалъ ноги. Послѣ того Каа началъ разсѣкать воду, какъ умѣлъ дѣлать онъ одинъ, и брызги взбудораженной воды окружали оборкой шею Маугли, а теченіе подмывало его ноги снизу, подъ боками удава, летѣвшаго дальше какъ стрѣла. Миляхъ въ двухъ отъ Скалы мира, Вайн-

гунга суживается въ ущельи изъ мраморныхъ скалъ футовъ восьмидесяти и ста вышины, и теченіе стремится, какъ въ мельничномъ лоткѣ, надъ разными камнями. Но Маугли не боялся воды; никакая вода не могла испугать его ни на минуту. Онъ смотрѣлъ на утесы съ обѣихъ сторонъ ущелья, и безпокойно нюхалъ воздухъ, въ которомъ стоялъ запахъ, похожій на кисло-сладкій запахъ муравейника въ жаркій день. Онъ инстинктивно пригнулся, только изрѣдка поднимая голову изъ воды, чтобы подышать, а Каа остановился, захлестнувъ хвостъ два раза вокругъ свалившейся въ рѣку скалы, и держалъ, окруживъ Маугли кольцомъ, между тѣмъ какъ вода мчалась мимо.

— Это мѣсто смерти,—сказалъ мальчикъ.—Зачѣмъ мы пришли сюда?

— Онѣ спятъ,—отвѣчалъ Каа.—*Хати* не своротитъ съ дороги передъ Полосатымъ; но и Хати и Полосатый сворачиваютъ передъ дхолями; а дхоли, какъ говорятъ, не сворачиваютъ ни передъ чѣмъ. А передъ кѣмъ сворачиваетъ Маленькій народъ скалъ? Скажи же теперь, господинъ джунглей, кто повелитель джунглей?

— Онѣ,—отвѣтилъ Маугли.—Здѣсь мѣсто смерти. Уйдемъ.

— Нѣтъ, посмотри хорошенько: онѣ спятъ. Теперь опять какъ было, когда я былъ не длиннѣе твоей руки.

Расколотыя и вывѣтрившіяся скалы ущелья Вайнгунги съ самаго начала служили убѣжищемъ Маленькому народу скалъ, трудолюбивымъ, свирѣпымъ, чернымъ, дикимъ пчеламъ Индостана, и Маугли хорошо зналъ, что всѣ слѣды сворачивали въ сторону за полмили до входа въ ущелье. Цѣлыя столѣтія Маленькій народъ перелеталъ съ скалы на скалу, роняя, пачкалъ бѣлый мраморъ медомъ, который пчелы теряютъ иногда дорогой, и строилъ высокіе соты въ темныхъ пещерахъ, гдѣ ни человѣкъ, ни звѣрь, ни огонь, ни вода никогда не касались ихъ.

Ущелье во всю длину было какъ будто увѣшано блестящими занавѣсами чернаго бархата. Взглянувъ туда, Маугли спрятался въ воду, потому что тамъ были сплоченные милліоны спящихъ пчелъ. Кромѣ того, на скалахъ виднѣлись еще какъ бы какіе-то клочки, фестоны и обломки сгнившихъ пней, прошлогодніе соты, или пчелиные города, строившіеся подъ защитой безвѣтрянаго ущелья; огромныя массы губчатаго сгнившаго мусора, скатившагося внизъ и застрявшаго между деревьями и ползучими растеніями, цѣплявшимися за поверхность скалы.

Прислушиваясь, Маугли слышалъ не разъ, какъ падало и скользило внизъ какое-нибудь наполненное медомъ сооруже

ніе гдѣ-то въ глубинѣ темныхъ переходовъ; потомъ сердитый взмахъ крыльевъ и однообразное *капъ, капъ, капъ* проливавшагося меда, который стекалъ, пока не попадалъ на какой-нибудь карнизъ, откуда уже капалъ дальше на вѣтви кустовъ. На одномъ берегу была маленькая отмель, не шире пяти футовъ, и на ней за безчисленное количество лѣтъ накопилось груды мусора. Тутъ были мертвыя пчелы, шершни, всякая грязь, обломки ульевъ, крылья вороватыхъ бабочекъ, пробовавшихъ подобраться къ меду и образовавшихъ на берегу мягкія груды тончайшей черной пыли. Одного уже остраго запаха всего этого было достаточно, чтобы испугать всякаго, не имѣющаго крыльевъ и знавшаго, что такое Маленькій народъ.

Каа поплылъ дальше, вверхъ по теченію, пока не добрались до песчаной мели у верхняго конца ущелья.

— Это недавно убитые,—сказалъ онъ.—Смотри!

На отмели лежало нѣсколько скелетовъ убитыхъ молодыхъ оленей и буйволовъ. Маугли видѣлъ, что ни шакалъ ни волкъ не трогали костей, лежавшихъ въ естественномъ положеніи.

— Эти пришли изъ-за границы; они не знаютъ закона,— проговорилъ Маугли,—и Маленькій народъ убилъ ихъ. Уйдемъ, пока онъ не проснулся.

— Онъ не проснется раньше зари,—сказалъ Каа.—Слушай, что я скажу тебѣ. Много, много лѣтъ тому назадъ сюда забѣжалъ олень, за которымъ гнались. Онъ не зналъ джунглей, а по его слѣду бѣжала стая. Ничего не видя отъ страха, онъ сбѣжалъ сверху, а стая за нимъ, разгоряченная и тоже ничего не видя. Солнце стояло высоко, Маленькаго народа было много, и онъ былъ сердитъ. Многіе изъ стаи бросились къ рѣкѣ, но прежде чѣмъ достигнуть воды, они ужъ упали мертвыми. Не успѣвшіе сбѣжать умерли на скалахъ вверху. Но олень остался живъ.

— Почему?

— Потому что онъ бѣжалъ первый, спасая жизнь, и успѣлъ броситься въ рѣку прежде, чѣмъ пчелы опомнились и напали на него. Такъ и пропала стая изъ-за Маленькаго народа.

— А олень остался живъ?—медленно повторилъ Маугли.

— По крайней мѣрѣ, не умеръ *тогда*, хотя, конечно, нельзя ожидать, чтобы онъ добрался благополучно послѣ борьбы съ водой, какъ доберется нѣкій мальчуганъ, благодаря старому жирному Плоскоголовому, если бы даже всѣ деканскія дхоли гнались по его слѣду. Что у тебя въ желудкѣ?

Голова Каа приходилась какъ разъ у уха Маугли, и мальчикъ отвѣтилъ не сейчасъ.

— Это значитъ схватилъ самую смерть за усы, но ты, Каа, правда, самый умный обитатель всѣхъ джунглей.

— Не одинъ ты говоришь это. Слушай: если дхоли станутъ преслѣдовать тебя...

— Конечно, станутъ. Хо! Хо! У меня на языкѣ не мало колючекъ, чтобы сунуть имъ подъ шкуру.

— Если онѣ погонятся за тобой, горячась и не видя ничего, смотря только на твои плечи, то тѣ, которыя не умрутъ тамъ наверху, бросятся къ рѣкѣ здѣсь или пониже, потому что Маленькій народъ поднимется и накроетъ ихъ. Воды Вайнгунги—голодныя воды, а у дхолей не будетъ Каа, чтобы поддержать ихъ; тѣ же изъ нихъ, которыя еще останутся въ живыхъ, поплывутъ дальше, и у брода Сіонійскихъ логовищъ ихъ встрѣтитъ и придушитъ стая.

— *Ахэ! Эоуауа!* Лучшаго не придумать, пока дожди не польютъ въ сухое время. Теперь за однимъ только дѣло: бѣгать да скакать. Я объявлюсь дхолямъ, пусть онѣ погонятся по моимъ пятамъ

— Видѣлъ ты скалы надъ собой? Со стороны земли?

— Правду сказать, нѣтъ. Позабылъ посмотрѣть.

— Поди и взгляни. Мѣсто все вывѣтрившееся; на каждомъ шагу рвы да ямы. Попади ты въ одну изъ нихъ своей неуклюжей ногой,—конецъ всякой охотѣ. Я оставлю тебя здѣсь и только ради тебя дамъ знать стаѣ, гдѣ ждать дхолей. Что касается меня, я ни *съ однимъ* волкомъ брататься не стану.

Не взлюбивъ кого-нибудь, Каа могъ быть очень непріятнымъ для всякаго изъ обитателей джунглей, за исключеніемъ, можетъ-быть, Багхиры. Онъ поплылъ внизъ по теченію и противъ скалы наткнулся на Фао и Акелу, прислушивавшихся къ ночнымъ звукамъ.

— *Пшъ*! Собаки,—шутливо сказалъ онъ.—Дхоли приплывутъ сюда съ верху рѣки. Если не испугаетесь, можете губить ихъ на отмели

— Когда онѣ придутъ?—спросилъ Фао.—А гдѣ человѣческій дѣтенышъ?—спросилъ Акела.

— Придутъ, когда придутъ,—отвѣтилъ Каа.—Ждите и смотрите. А человѣческій дѣтенышъ, котораго ты заставилъ дать слово и тѣмъ послалъ навстрѣчу смерти, со мной, и если онъ еще живъ, такъ это не твоя вина, выцвѣтшая собака! Ждите здѣсь дхолей, и будьте рады, что человѣческій дѣтенышъ и я стоимъ на вашей сторонѣ.

Каа снова помчался вверхъ по рѣкѣ и остановился посерединѣ ущелья, смотря кверху, на вершины скалъ. Онъ скоро увидалъ голову Маугли, вырисовавшуюся на звѣздномъ небѣ,

а затѣмъ послышался свистъ и всплескъ воды отъ тѣла, смѣлымъ прыжкомъ бултыхнувшагося въ воду. Въ слѣдующее мгновеніе мальчикъ былъ опять на спинѣ Каа.

— Плохо бѣгать ночью,—сказалъ Маугли спокойно.—Я два раза прыгалъ туда; но мѣсто здѣсь скверное—низкіе кусты да глубокія промоины, всѣ набиты Маленькимъ народомъ. Я наложилъ большихъ камней одинъ на другой у трехъ промоинъ. Когда побѣгу, столкну ихъ ногами въ промоины, и Маленькій народъ очень разсердится и погонится за мной.

— Это человѣческая рѣчь и человѣческая уловка,—сказалъ Каа.—Ты уменъ; но Маленькій народъ всегда сердитъ.

— Нѣтъ, въ сумерки всѣ крылья отдыхаютъ нѣкоторое время. Я начну свою игру съ дхолями въ сумерки, потому что дхоли днемъ бѣгаютъ лучше. Онѣ теперь идутъ по кровавому слѣду Вонъ-толла.

— Чиль не броситъ мертваго быка, а дхоль—кроваваго слѣда,—сказалъ Каа.

— Такъ я дамъ имъ новый кровавый слѣдъ ихъ собственной крови, и, если можно, заставлю ѣсть грязь. Ты побудешь здѣсь, пока я вернусь съ дхолями?

— Да; ну, а если дхоли убьютъ тебя въ джунгляхъ, или Маленькій народъ зажалитъ до смерти прежде, чѣмъ ты успѣешь сбѣжать къ рѣкѣ?

— Когда придешь завтра, будемъ охотиться на завтра,—привелъ Маугли одну изъ пословицъ джунглей, и добавилъ:—Когда умру, успѣешь еще спѣть Пѣснь смерти. Хорошей охоты, Каа!

Онъ выпустилъ шею удава и поплылъ, какъ бревно въ половодье, внизъ по ущелью, направляясь къ далекой отмели и громко смѣясь отъ удовольствія. Ничего Маугли не любилъ больше, какъ, по его собственному выраженію, хватать смерть за усы и показывать джунглямъ, что онъ ихъ верховный повелитель: Онъ часто съ помощью Балу грабилъ одинокіе соты въ дуплахъ и зналъ, что Маленькій народъ терпѣть не можетъ запаха дикаго чесноку. Поэтому онъ собралъ пучокъ его, связалъ веревкой изъ коры и затѣмъ по кровавому слѣду Вонъ-толла, шедшему къ югу отъ логовищъ, сдѣлалъ миль пять, смотря на деревья, повернувъ голову въ одну сторону и посмѣиваясь.

„Былъ я Маугли-лягушонкомъ, — думалъ онъ про себя,—потомъ называлъ себя Маугли-волкомъ. Теперь я долженъ представить изъ себя Маугли-обезьяну, прежде чѣмъ стану Маугли оленемъ. А наконецъ я сдѣлаюсь Маугли-человѣкомъ. Хо!“ И онъ провелъ большимъ пальцемъ по восемнадцатидюймовому лезвею своего ножа.

Слѣдъ Вонъ-толла, весь изъ черныхъ пятенъ запекшейся крови, шелъ по густому лѣсу, простиравшемуся къ сѣверо-западу, становясь все рѣже по мѣрѣ приближенія къ Пчелинымъ скаламъ. Отъ послѣднихъ деревьевъ до скалъ тянулось открытое пространство, гдѣ волкъ могъ бы спрятаться съ трудомъ. Маугли бѣжалъ подъ деревьями, размѣряя разстояніе отъ сучка до сучка; иногда взлѣзалъ на какой-нибудь стволъ и перепрыгивалъ съ дерева на дерево, пока не достигъ открытаго мѣста, которое очень внимательно изучалъ цѣлый часъ. Тогда онъ вернулся къ слѣду Вонъ-толла, гдѣ оставилъ его, вспрыгнулъ на выдававшійся сукъ футахъ въ восьми надъ землей и сидѣлъ тихо, оттачивая свой ножъ на подошвѣ ноги и весело распѣвая.

Немного раньше полудня, когда солнце очень пекло, онъ услыхалъ топотъ и почуялъ отвратительный запахъ своры дхолей, бѣжавшихъ по слѣду Вонъ-толла. Если смотрѣть сверху, кажется, что рыжыя дхоли вполовину меньше волка; но Маугли зналъ, какъ крѣпки ихъ лапы и челюсти. Онъ наблюдалъ за остромордой коричневой головой вожака, обнюхивавшаго слѣдъ, и крикнулъ ему: „Счастливаго лова!“

Звѣрь поднялъ голову, и его товарищи, сотни рыжихъ собакъ съ опущенными хвостами, тяжелыми плечами, слабыми передними ногами и кровавыми пастями остановились вслѣдъ за нимъ. Обыкновенно дхоли очень молчаливыя животныя и даже въ своихъ родныхъ джунгляхъ у нихъ нѣтъ опредѣленныхъ привычекъ. Штукъ двѣсти ихъ собралось подъ деревомъ, гдѣ сидѣлъ Маугли, но онъ видѣлъ, какъ вожакъ жадно обнюхивалъ слѣдъ Вонъ-толлы и приглашалъ стаю итти дальше. Этого нельзя было допустить, иначе онѣ дошли бы до Сіонійскихъ логовищъ днемъ, а Маугли намѣревался задержать ихъ подъ деревьями до сумерекъ.

— Кто вамъ позволилъ прійти сюда?—спросилъ Маугли.

— Всѣ джунгли—наши джунгли,—послѣдовалъ отвѣтъ, и дхоль, давшая его, оскалила бѣлые зубы.

Маугли взглянулъ внизъ, усмѣхнувшись, и въ совершенствѣ подражая рѣзкому стрекотанью Чикаи, деканскаго тушканчика, намѣреваясь этимъ показать имъ, что не обращаетъ на нихъ больше вниманія, чѣмъ на Чикаи.

Стая окружила дерево, и вожакъ свирѣпо залаялъ, называя Маугли древесной обезьяной. Вмѣсто отвѣта Маугли выставилъ голую ногу и зашевелилъ пальцами надъ самой головой вожака. Этого было достаточно, и слишкомъ достаточно для того, чтобы разозлить стаю до слѣпой ярости. Тѣ, у кого волосы между пальцами, не любятъ, когда имъ напоминаютъ объ этомъ.

Маугли отдернулъ ногу, когда вожакъ подпрыгнулъ, и нѣжно сказалъ:

— Собака, рыжій песъ! Возвращайся въ Деканъ ѣсть ящерицъ. Ступай къ Чикаи, своему брату, рыжая собака... Собака... Рыжая собака! Между всѣми пальцами волосы!

— Сходи внизъ, прежде чѣмъ мы уморимъ тебя голодомъ, безшерстая обезьяна!—залаяла стая.

Этого-то и надо было Маугли. Онъ вытянулся на суку, прижавшись щекой къ корѣ, высвободивъ правую руку, и, лежа въ такомъ положеніи, разсказалъ дхолямъ, что знаетъ о нихъ, о ихъ привычкахъ, обычаяхъ, самкахъ и щенятахъ.

Нѣтъ ни одного языка, способнаго выразить такъ зло и ядовито презрѣніе и насмѣшку, какъ нарѣчіе джунглей. Подумавъ, вы сами поймете, почему это должно быть такъ. Какъ Маугли сказалъ Каа, у него въ запасѣ было много иглъ на языкѣ, и медленно, обдуманно онъ довелъ дхолей отъ молчанія до ворчанія, отъ ворчанія до лая, отъ лая до хриплой, бѣшеной ярости. Онѣ порывались отвѣчать на его оскорбленія, но это было все равно, если бы щенокъ пытался сравняться съ Каа, когда тотъ сердился. И все это время правая рука Маугли лежала согнутой, готовой къ дѣйствію; ногами же онъ обхватилъ сукъ. Большой коричневый вожакъ нѣсколько разъ подпрыгивалъ въ воздухъ; но Маугли не хотѣлъ рисковать неудачнымъ ударомъ.

Наконецъ, придя въ крайнюю ярость, дхоль прыгнула выше, чѣмъ ей обыкновенно позволяютъ силы,—футовъ на восемь отъ земли.

Рука Маугли вытянулась, какъ шея змѣи, и схватила звѣря за шиворотъ. Сукъ закачался отъ его тяжести, и, падая на землю, собака чуть было не увлекла за собой Маугли. Но онъ не выпустилъ сука и постепенно втащилъ къ себѣ звѣря. Лѣвой рукой онъ досталъ ножъ и отрѣзалъ рыжій пушистый хвостъ, а собаку бросилъ обратно на землю. Больше ему ничего не надо было. Теперь стая ужъ не пойдетъ по слѣду Вонъ-толла, пока не убьетъ Маугли, или Маугли не перебьетъ ихъ всѣхъ. Онъ видѣлъ, какъ дхоли разсѣлись кругами, подергивая бедрами, что означало, что онѣ намѣреваются остаться тутъ, и тогда онъ перебрался на сучокъ повыше, удобно оперся о дерево спиной и заснулъ.

Часа черезъ три-четыре онъ проснулся и счелъ стаю. Всѣ дхоли сидѣли молча, охрипши отъ лая, и смотрѣли глазами, какъ сталь.

Солнце клонилось къ закату. Черезъ полчаса Маленькій народъ скалъ долженъ былъ кончить свою работу, а, какъ мы ужъ знаемъ, дхоли въ сумерки—плохіе охотники.

— Я совсѣмъ не нуждаюсь въ такихъ усердныхъ стражахъ,— сказалъ Маугли вѣжливо, приподнимаясь на суку.—Но я припомню это... Вы вѣрные дхоли, только на мой взглядъ, ужъ слишкомъ васъ много. Я и не отдамъ хвоста большому жабоѣду. Тебѣ это не нравится, рыжая собака?

— Самъ я вырву у тебя твой желудокъ!—закричалъ вожакъ, роя землю у корня дерева.

— Нѣтъ, вотъ что ты замѣть себѣ, мудрый деканскій тушканчикъ: скоро вылетитъ нѣсколько семей маленькихъ безхвостыхъ рыжихъ собакъ съ крѣпкими красными хоботами, которые жалятъ, когда песокъ бываетъ горячъ. Ступай домой, рыжая собака, и скажи, что у тебя отрѣзала хвостъ обезьяна. Не хочешь? Ну, такъ пойдемъ со мной, и я тебя научу кое-чему!

Онъ, какъ обезьяна, перескочилъ на сосѣднее дерево, а тамъ еще на другое, и опять на слѣдующее, а стая слѣдовала за нимъ, поднявъ кверху голодныя морды. По временамъ онъ дѣлалъ видъ, будто готовъ свалиться, и стая, налетая другъ на друга, бросалась впередъ, чтобы не упустить его. Любопытное это было зрѣлище—мальчикъ съ ножомъ, сверкавшимъ при заходящемъ солнцѣ, проникавшемъ черезъ верхнія вѣтви, а внизу—молчаливая стая съ горящей какъ огонь шерстью, стерегущая его. Достигнувъ послѣдняго дерева, Маугли взялъ чеснокъ и натеръ имъ все тѣло, а дхоли насмѣшливо лаяли:

— Обезьяна съ волчьимъ языкомъ, или ты думаешь заглушить свой запахъ? Мы затравимъ тебя до смерти.

— На тебѣ твой хвостъ,—крикнулъ Маугли, бросивъ обрубокъ хвоста назадъ по направленію, откуда бѣжалъ. Стая инстинктивно кинулась въ ту сторону.—Можете теперь травить!

Онъ соскользнулъ съ дерева и ужъ помчался—помчался какъ вѣтеръ на своихъ босыхъ ногахъ къ пчелинымъ скаламъ, прежде чѣмъ дхоли сообразили, въ чемъ дѣло.

Онѣ глухо завыли и бросились вдогонку размашистымъ галопомъ, способнымъ загнать кого угодно. Маугли зналъ, что ихъ бѣгъ, когда онѣ бѣгутъ стаей, медленнѣе волчьяго бѣга, иначе онъ не отважился бы на двухмильный пробѣгъ по открытому мѣсту.

Дхоли были увѣрены, что мальчикъ, въ концѣ-концовъ, попадется имъ, а онъ былъ убѣжденъ, что можетъ издѣваться надъ ними, какъ хочетъ.

Вся его забота состояла въ томъ, чтобы стая не остыла въ своемъ преслѣдованіи и не отстала слишкомъ скоро. Онъ бѣжалъ ровно, эластично, не останавливаясь; безхвостый вожакъ гнался за нимъ слѣдомъ ярдахъ въ пяти; а стая, растянувшись на четверть мили, скакала за нимъ, не помня и не видя ни-

чего изъ-за жажды убійства. Маугли сохранялъ разстояніе по слуху, поберегая силы для послѣдняго пробѣга по пчелинымъ скаламъ.

Маленькій народъ отправился спать въ раннія сумерки, потому что въ это время года не цвѣтутъ поздно закрывающіеся цвѣты; но когда первые шаги Маугли глухо зазвучали надъ подземными галлереями, онъ услыхалъ звукъ, будто у него сильно зашумѣло въ ушахъ. Тогда онъ побѣжалъ, какъ никогда не бѣгалъ въ жизни, сбросивъ нѣсколько кучекъ камней, сложенныхъ имъ въ темныя промоины, откуда доносился сладкій запахъ. Онъ услыхалъ гулъ, какъ будто море бушевало въ подземельи, и, взглянувъ искоса назадъ, увидалъ, что воздухъ затемнился позади его. Вдали передъ нимъ сверкала рѣка, а изъ нея поднималась плоская голова въ видѣ граненаго алмаза. Маугли рванулся впередъ изо всей силы; рыжій безхвостый песъ обхватилъ пустой воздухъ, намѣреваясь поймать за плечо мальчика, который тѣмъ временемъ успѣлъ благополучно прыгнуть въ воду, гдѣ стоялъ, тяжело переводя дыханіе, но торжествуя.

Ни одна пчела не ужалила его: запахъ чесноку отогналъ отъ него Маленькій народъ въ тѣ секунды, когда онъ бѣжалъ по ихъ владѣніямъ. Когда Маугли поднялся въ рѣкѣ, кольца Каа поддерживали его, а надъ краями высокихъ скалъ будто что-то повисло—сплошныя полосы сплотившихся пчелъ опускались какъ свинцовые листы; но прежде, чѣмъ одна изъ этихъ полосъ коснулась воды, пчелы взлетѣли, и внизъ по теченію понесся трупъ дхоли. Сверху доносился яростный короткій лай, заглушенный какъ бы гуломъ прибоя—гуломъ крыльевъ Маленькаго народа изъ пчелиныхъ скалъ. Нѣсколько дхолей упало въ промоины, сообщавшіяся съ подземными галлереями, и здѣсь онѣ хрипѣли и отбивались между опрокинутыми сотами, и, наконецъ, подхваченныя тяжелыми волнами пчелъ, мчавшихся за ними, вылетали уже мертвыми изъ какого-нибудь отверстія, выходившаго на рѣку, и катились на груды прибрежнаго мусора.

Нѣкоторыя собаки бросились въ деревья на берегу, и пчелы сплошь облѣпили ихъ; но большая часть ихъ, обезумѣвъ отъ уколовъ, ринулась въ рѣку. И, какъ сказалъ Каа, Вайнгунга оказалась голодной рѣкой.

Каа поддержалъ Маугли, пока тотъ отдышался.

— Здѣсь намъ оставаться нечего,—сказалъ удавъ. — Маленькій народъ проснулся. Поплывемъ прочь!

Плывя и ныряя какъ можно чаще, Маугли пробирался внизъ по рѣкѣ, держа ножъ въ рукѣ.

— Тише, тише,—говорилъ Каа.—Однимъ зубомъ, если это не зубъ кобры, не убьешь сотни, и много дхолей успѣли поскакать въ рѣку, когда увидали, что Маленькій народъ поднимается.

— Тѣмъ больше будетъ работы для моего ножа. *Фэ!* Какъ Маленькій народъ гонится!—Маугли опять нырнулъ. Надъ поверхностью рѣки висѣла цѣлая занавѣсь изъ дикихъ пчелъ, глухо жужжавшихъ и жалившихъ все, что ни попадалось.

— Ничто еще не погибало отъ молчанія,—сказалъ Каа:—его щиты не могло проколоть никакое жало. — И передъ тобой цѣлая длинная ночь для охоты. Слышишь, какъ дхоли воютъ?

Почти половина стаи поняла, въ какую западню попали товарищи, и, круто повернувъ, бросилась въ воду тамъ, гдѣ рѣка стремилась между отвѣсными скалами. Ихъ яростные крики и угрозы по адресу „древесной обезьяны", такъ опозорившей ихъ, смѣшивались съ лаемъ и рычаніемъ тѣхъ, кого наказывалъ Маленькій народъ. Оставаться на берегу была смерть, и дхоли знали это. Ихъ стаю несло внизъ по теченію, къ глубокимъ водоворотамъ у скалы мира, но даже туда за ними послѣдовалъ разсвирѣпѣвшій Маленькій народъ и опять принудилъ ихъ войти въ воду. Маугли слышалъ, какъ безхвостый вожакъ приказывалъ своему народу остановиться и перерѣзать всѣхъ сіонійскихъ волковъ до единаго. Но онъ не сталъ терять времени, чтобы слушать.

— Кто-то убиваетъ сзади въ темнотѣ,—протявкалъ одинъ изъ псовъ.—Вода окрашена.

Маугли нырнулъ, какъ выдра, догналъ одну изъ собакъ, и прежде чѣмъ она успѣла открыть ротъ, по водѣ пошли темные круги. Тѣло убитой всплыло, перевернувшись на бокъ. Дхоли попытались повернуть; но теченіе мѣшало, а Маленькій народъ набрасывался на ихъ головы и уши. Тѣмъ временемъ все громче и громче звучали въ сгущавшемся мракѣ вызовы Сіонійской стаи.

Маугли снова нырнулъ, и снова одна изъ собакъ скрылась подъ водой и поднялась уже мертвой, и опять въ хвостѣ стаи поднялся переполохъ. Нѣкоторыя дхоли выли, что лучше выйти на сушу, другія кричали вожаку, что хотятъ вернуться въ Деканъ, а нѣкоторыя вызывали Маугли, чтобы онъ показался, и онѣ убьютъ его.

— Онѣ пришли на бой съ двумя желудками и нѣсколькими голосами,—сказалъ Каа.—Теперь докончитъ дѣло твоимъ братьямъ тамъ. Маленькій народъ улетитъ спать. Онъ далеко загналъ насъ. Теперь и я вернусь. Я никогда не бываю заодно

съ волкомъ. Удачной охоты, братецъ, и помни, что укусъ дхоли—смерть.

На отмель выбѣжалъ трехногій волкъ. Онъ бросался въ разныя сторсны, прикладывалъ голову бокомъ къ землѣ, выгибалъ спину и высоко подскакивалъ въ воздухъ, будто играя съ своими волчатами. Это былъ Вонъ-толла, Особнякъ, и все это онъ продѣлывалъ молча, пока не добѣжалъ до дхолей.

Онѣ уже долгое время пробыли въ водѣ и плыли тяжело. Шерсть ихъ промокла и отяжелѣла, пушистые хвосты набухли, какъ губки, и онѣ устали и были потрясены до такой степени, что тоже молчали, только слѣдя за парой горящихъ глазъ рядомъ.

— Плохая охота!—сказала одна изъ собакъ, съ трудомъ переводя духъ.

— Хорошей охоты!—раздался голосъ Маугли, смѣло поднявшагося изъ воды рядомъ съ звѣремъ и размахивавшаго позади ножомъ, чтобы не дать передъ смертью дхоли схватить себя.

— Это ты, человѣческій дѣтенышъ?—спросилъ Вонъ-толла съ берега.

— Спроси у мертвыхъ, Особнякъ. Развѣ ихъ не принесло рѣкой сверху? Я набилъ ротъ этихъ собакъ тиной; я ихъ вышучивалъ днемъ, а ихъ вожаки теперь безъ хвоста; но и на твою долю еще осталось довольно. Погнать ихъ къ тебѣ?

— Подожду,—сказалъ Вонъ-толла.—Впереди вся ночь.

Лай сіонійскихъ волковъ все приближался.—„Мясо для стаи... для стаи!..“ И всплескъ воды заставилъ дхолей рвануться на отмель противъ логовищъ.

Тутъ дхоли увидали свою ошибку: имъ слѣдовало бы пристать къ берегу милей выше и встрѣтиться съ волками на сушѣ. Теперь уже было поздно. Вся отмель свѣтилась горящими глазами, и, кромѣ страшнаго *фіаля*, не замолкавшаго съ заката, въ джунгляхъ не слышно было ни звука. Какъ будто Вонъ-толла выманивалъ ихъ на берегъ.

— Обернись и хватай!—раздалась команда вожака дхолей.

Вся стая бросилась къ берегу, барахтаясь и цѣпляясь въ водѣ, пока вся рѣка не повспѣнилась и зарябилась, какъ отъ лодки, разгоняющей воду кругами. Маугли послѣдовалъ за стаей, подкалывая и убивая въ то время, какъ дхоли одной волной ринулись, толкаясь поверхъ.

Тогда начался долгій бой; животныя перекатывались, разсѣивались, разбѣгались, снова сходясь и опять расходясь на покраснѣвшемъ сыромъ пескѣ, спотыкаясь о древесные корни, застревая въ нихъ, скрываясь въ кустахъ и высокой травѣ.

Еще и теперь двѣ собаки приходились на одного волка. Но дхоли встрѣтили волковъ, бившихся за все, составлявшее достояніе племени. И здѣсь были не только одни поджарые, высокіе, широкогрудые, бѣлозубые охотники племени, но и *лахини* съ испуганными глазами—волчицы изъ логовищъ, бившіяся за свою семью; рядомъ нѣсколько годовиковъ, еще наполовину сократившіе свою пушистую шерсть, тоже теребили дхолей и барахтались съ ними. Надо замѣтить, что волкъ всегда хватаетъ за горло или бокъ, между тѣмъ, какъ дхоли стараются укусить въ животъ; поэтому, когда дхоли, вылѣзая изъ воды, принуждены были поднять головы, преимущество положенія было на сторонѣ волковъ. На сушѣ волки страдали; но какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ ножъ Маугли работалъ не переставая. Четверка продралась къ нему. Сѣрый братъ, присѣвъ между ногъ Маугли, защищалъ его животъ, между тѣмъ какъ другіе охраняли спину и бока, или стояли надъ ними, когда онъ отряхалъ собаку, прыгнувшую съ лаемъ прямо на выставленное лезвее, на которомъ она оставалась мертвой. Прочіе дрались въ кучѣ—шла одна общая свалка, образовалась плотная масса, колебавшаяся справа налѣво, и слѣва направо на отмели и кружившаяся вокругъ собственнаго центра. Въ одномъ мѣстѣ будто образовалась колышащаяся воронка, какъ бы водоворотъ въ рѣкѣ, вздымавшійся по временамъ и выбрасывавшій трехъ-четырехъ искалѣченныхъ собакъ, которыя затѣмъ стремились вернуться въ центръ; въ другомъ—одинъ волкъ упалъ подъ натискомъ двухъ дхолей, и онѣ тащили его, сами увязая въ пескѣ; тутъ годовикъ лежалъ на спинахъ тѣснившихся, хотя былъ убитъ уже давно; между тѣмъ какъ мать его, не помня себя отъ ярости, молча набрасывалась на кучку, хватала какую-нибудь собаку и убивала; а гдѣ-нибудь въ самой тѣснотѣ свалки волкъ и дхоль, забывъ обо всемъ остальномъ, старались вцѣпиться другъ въ друга, пока ихъ не увлекалъ потокъ яростныхъ борцовъ. Однажды Маугли прошелъ мимо Акелы, на котораго нападали двѣ собаки съ боковъ, между тѣмъ какъ онъ самъ захватилъ третью своей беззубой пастью; а однажды увидалъ Фао, вонзившаго зубы въ горло дхоли, которую онъ тащилъ впередъ, тряся, пока не бросилъ годовикамъ, чтобы они прикончили ее. Но большинство боролось и убивало въ слѣпой ярости, ничего не видя среди окружающаго мрака, кругомъ и надъ Маугли стоялъ топотъ, звукъ прыжковъ и паденія, лай, стонъ и смѣшеніе всѣхъ звуковъ. По мѣрѣ того, какъ ночь подвигалась, быстрое, головокружительное движеніе все усиливалось. Дхоли ослабли и боялись нападать на болѣе сильныхъ волковъ, но еще не

смѣли бѣжать. Маугли чувствовалъ, что конецъ близокъ, и наносилъ удары уже однимъ только калѣкамъ. Годовики стали смѣлѣе; кое-когда можно было перевести духъ или перекинуться словомъ съ пріятелемъ, и одного блеска ножа иной разъ было достаточно, чтобы заставить собаку отойти.

— Мясо близко къ костямъ!—крикнулъ Сѣрый братъ, обливаясь кровью изъ нѣсколькихъ ранъ.

— Да кости-то еще надо разгрызть, — сказалъ Маугли.— *Эоуауа. Вотъ какъ* мы дѣлаемъ въ джунгляхъ.

Красное лезвее пламенемъ пробѣжало по боку дхоли, заднія ноги которой были придавлены тяжестью не выпускавшаго ихъ волка.

— Моя добыча!—захрипѣлъ волкъ, ощерившись.—Оставьте ее мнѣ!

— Твой желудокъ все еще пустъ, Особнякъ? — спросилъ Маугли.

Вонъ-толла былъ страшно истерзанъ, но, схвативъ собаку, онъ не давалъ ей возможности обернуться и достать его.

— Клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня, это безхвостый!— сказалъ Маугли съ горькимъ смѣхомъ.

Дѣйствительно, это былъ огромный коричневый вождь дхолей.

— Не умно убивать волчатъ и волчицу,—философствовалъ Маугли, отирая кровь съ глазъ,—пока Особнякъ еще живъ, а мой желудокъ говоритъ мнѣ, какъ будто Вонъ-толла убьетъ тебя.

Одна изъ собакъ подбѣжала къ вожаку; но прежде чѣмъ зубъ ея успѣлъ коснуться бока Вонъ-толла, ножъ Маугли вонзился въ ея горло, а остальное докончилъ Сѣрый братъ.

— Вотъ какъ мы дѣйствуемъ въ джунгляхъ, — сказалъ Маугли.

Вонъ-толла молчалъ, только челюсти его сжимали крѣпче и крѣпче спинной хребетъ дхоли, между тѣмъ какъ и его жизнь угасала. По тѣлу дхоли пробѣжала судорога, и оно вытянулось. Вонъ-толла растянулся на немъ.

— *У!* Кровавый долгъ уплаченъ, — сказалъ Маугли.—Пой пѣсню, Вонъ-толла.

— Ему ужъ не охотиться,—сказалъ Сѣрый братъ.—И Акела что-то ужъ давно молчитъ.

— Кость сокрушена!—загремѣлъ Фао, сынъ Фаона.—Онѣ уходятъ! Гонитесь за ними, сыновья свободныхъ ловцовъ.

Одна дхоль за другой сползали съ темныхъ, окровавленныхъ песковъ къ рѣкѣ, въ густыя джунгли, бросаясь туда, гдѣ видѣли свободную дорогу.

— Долгъ! Долгъ! — кричалъ Маугли.—Платите долгъ! Онѣ убили Особняка! Не дайте уйти ни одной собакѣ!

Онъ полетѣлъ къ рѣкѣ, держа ножъ въ рукахъ, чтобы отбросить всякую собаку, которая осмѣлилась бы спуститься въ воду, какъ вдругъ изъ груды девяти убитыхъ дхолей поднялась голова и переднія лапы Акелы. Маугли бросился на колѣни возлѣ Акелы.

— Развѣ я не сказалъ, что это будетъ моей послѣдней битвой?—проговорилъ Акела.—Хорошая была охота. А ты, Маленькій братъ?

— Я живъ и убилъ многихъ.

— И ты? Я умираю, и мнѣ хотѣлось бы... хотѣлось бы умереть около тебя, Маленькій братъ.

Маугли положилъ ужасную, изгрызенную голову себѣ на колѣни и обвилъ руками изодранную шею.

— Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ Ширъханъ, а человѣческій дѣтенышъ валялся въ пыли.

— Нѣтъ, нѣтъ; я волкъ. Я одной шкуры съ свободными ловцами,—закричалъ Маугли.—Не хочу я быть человѣкомъ!

— И все же ты человѣкъ, Маленькій братъ, волчонокъ, выпрощенный мною. Ты—человѣкъ; иначе племя бы бѣжало передъ дхолями. Я обязанъ тебѣ жизнью, и сегодня ты спасъ племя, какъ нѣкогда я спасъ тебя. Развѣ ты забылъ? Еще разъ говорю тебѣ, глазъ отъ моего глаза, моя охота кончена. Вернись къ своему народу.

— Никогда. Я стану охотиться одинъ въ джунгляхъ. Я ужъ говорилъ это.

— Послѣ лѣта наступятъ дожди, а послѣ дождей придетъ весна. Уходи прежде, чѣмъ тебя прогонятъ.

— Кто прогонитъ меня?

— Маугли прогонитъ Маугли. Вернись къ своему народу. Иди къ людямъ.

— Когда Маугли прогонитъ Маугли, я уйду, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Больше нечего и говорить объ этомъ. Маленькій братъ, можешь ты поднять меня на ноги? И я былъ вождемъ свободнаго народа.

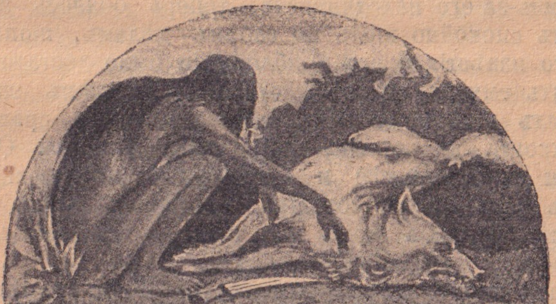
Маугли осторожно оттащилъ трупы убитыхъ, и помогъ Акелѣ подняться на ноги, обхвативъ его обѣими руками. Особнякъ, глубоко переводя духъ, затянулъ пѣсню смерти, которую предводитель стаи долженъ пѣть умирая. Она становилась все громче, все выше и выше и неслась далеко черезъ рѣку, пока не закончилась послѣднимъ „Хорошаго лова!“ Акела, высвободившись на мгновеніе отъ Маугли, привскочилъ на воздухъ и упалъ навзничь мертвымъ на свою послѣднюю и самую ужасную добычу.

Маугли сидѣлъ, положивъ голову на колѣни, не обращая больше ни на что вниманія, между тѣмъ какъ безжалостныя волчицы гнались и уничтожали остатки бѣгущихъ дхолей. Мало-по-малу крики замолкли, и волки вернулись хромая, съ запекшимися ранами, чтобы счесть свои потери. Пятнадцать изъ стаи, такъ же, какъ полдюжины волчицъ, лежали мертвыми у рѣки, да и остальные не остались безъ отмѣтины. А Маугли сидѣлъ до холоднаго разсвѣта, когда къ его рукѣ прикоснулся влажный окровавленный носъ Фао, и Маугли посторонился, чтобы показать ему вытянувшееся тѣло Акелы.

— Хорошаго лова!—сказалъ Фао, какъ будто Акела былъ еще живъ, и затѣмъ обернулся черезъ свои искусанныя плечи къ прочимъ:—Войте, собаки! Сегодня ночью умеръ волкъ!

Но изъ всей стаи, гдѣ было двѣсти дхолей, хваставшихся, что всѣ джунгли—ихъ джунгли, и что ни одному живому существу не устоять противъ нихъ, ни одна собака не вернулась въ Деканъ, чтобы принести вѣсть о случившемся.

А на отмель одинъ за другимъ спустились коршуны, и Чиль запѣлъ свою пѣсню. Чиль живетъ въ дружбѣ со всѣми, но въ душѣ онъ равнодушное созданіе, такъ какъ знаетъ, что почти всѣ обитатели джунглей рано или поздно попадутъ ему въ когти.

Весна идетъ.

На второе лѣто послѣ великой битвы съ рыжими собаками и смерти Акелы, Маугли исполнилось шестнадцать лѣтъ. Онъ выглядѣлъ старше, потому что усиленное движенiе, хорошая, обильная пища и купанье каждый разъ, какъ ему становилось жарко, или онъ чувствовалъ на себѣ пыль, придали ему роста и силъ не по возрасту. Если ему случалась надобность взглянуть на дорогу подъ деревьями, онъ могъ по получасу раскачиваться въ воздухѣ, держась за высокiй сукъ одной рукой. Онъ могъ остановить молодого оленя на полномъ скаку и бросить на бокъ, схвативъ за рога. Онъ отваживался даже бросаться на большихъ синихъ вепрей, живущихъ въ сѣверныхъ болотахъ. Населенiе джунглей, боявшееся его прежде изъ-за его находчивости, теперь боялось за силу и, когда онъ спокойно шелъ по своимъ дѣламъ, шопотомъ переданнаго извѣстiя о его приближенiи было достаточно, чтобы расчистить ему дорогу въ лѣсу. А между тѣмъ взглядъ его глазъ былъ всегда добрый. Даже когда онъ сражался, его глаза никогда не горѣли, какъ глаза Багхиры. Они только смотрѣли внимательнѣе и становились живѣе, и это была одна изъ тѣхъ вещей, которыхъ Багхира не могла понять.

Она спросила объ этомъ мальчика, а онъ засмѣялся и сказалъ:

— Когда я промахнусь, я сержусь. Когда приходится два дня ходить съ пустымъ желудкомъ, очень сержусь. Развѣ мои глаза не говорятъ объ этомъ?

— Ротъ голодный, а глаза не говорятъ ничего,—отвѣтила Багхира.—Охотишься ли ты, ѣшь или плаваешь, все одно: они всегда одинаковы.

Маугли взглянулъ на нее сонно изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, и, какъ обыкновенно, пантера опустила голову. Багхира знала, кто ея повелитель.

Они лежали на скатѣ холма, недалеко отъ его вершины, смотря на Вайнгунгу, а надъ ними висѣли бѣлыми и зелеными полосами утренніе туманы. Когда солнце взошло, они превратились въ пурпурно-зеленое, колышащееся море, затѣмъ расплылись, и низкіе лучи солнца коснулись высокой травы, на которой лежалъ Маугли и Багхира. Наступалъ конецъ холодной погоды; листья на деревьяхъ сморщились и завяли, и отовсюду, гдѣ проносился вѣтеръ, шелъ сухой, однообразный шорохъ. Одинъ листочекъ яростно бился о вѣтку, другой катился, подхваченный вѣтромъ. Это разбудило Багхиру; она съ низкимъ глухимъ кашлемъ, глубоко втянула утренній воздухъ, бросилась на спину и начала передними лапами ловить качающійся вверху листокъ.

— Годъ поворачивается,—сказала она. — Джунгли надвигаются. Время новыхъ разговоровъ близко. Этотъ листъ знаетъ. Хорошее время!

— Трава суха,—отвѣчалъ Маугли, выдернувъ пучокъ ея.— Даже Весенній глазокъ, это маленькій трубкообразный, какъ бы восковой, красный цвѣтокъ, показывающійся въ травѣ, даже Весенній глазокъ закрытъ, а... Багхира, ну, развѣ хорошо черной пантерѣ такъ валяться на спинѣ и размахивать лапами въ воздухѣ, словно дикая кошка?

— Ауо!—отозвалась Бахгира, повидимому думавшая о другомъ.

— Я говорю: развѣ прилично черной пантерѣ такъ зѣвать и кашлять, завывать и кататься. Помни, вѣдь мы повелители джунглей,—я да ты.

— Правда; я слышу, человѣческій дѣтенышъ. — Багхира быстро перевернулась и сѣла; ея вытертые бока были всѣ въ пыли. (Она линяла).—Конечно, мы повелители джунглей! Кто сравнится силой съ Маугли? Кто такъ уменъ?

Въ голосѣ пантеры была какая-то особенная протяжность, заставившая Маугли взглянуть на нее, чтобы убѣдиться, ужъ не вздумала ли она подшучивать надъ нимъ, потому что въ джунгляхъ часто можно услышать слова, по звуку означающія одно, а на дѣлѣ значащія совсѣмъ другое.

— Я говорю: мы, безъ всякаго сомнѣнія, повелители джунглей,—повторила Багхира.—Что же тутъ дурного, что я лежу? Я не знала, что человѣческій дѣтенышъ ужъ не лежитъ на землѣ. Онъ, можетъ-быть, летаетъ?

Маугли сидѣлъ, упершись локтями въ колѣни, и смотрѣлъ при дневномъ свѣтѣ на долину.

Гдѣ-то далеко, въ лѣсу, у его ногъ птица пробовала тонкимъ, хриплымъ голосомъ первыя ноты своей весенней пѣсни.

— Говорю, время новыхъ рѣчей близко,—проворчала пантера, сильно размахивая хвостомъ.

— Слышу,—отвѣтилъ Маугли.—Багхира, отчего ты вся трясешься? Солнце грѣетъ.

— Это Ферао, красный дятелъ,—сказала Багхира.—*Онъ* не забылъ. И мнѣ надо вспомнить свою пѣснь.

И она начала мурлыкать и напѣвать про себя.

— Дичи нѣтъ впереди,—сказалъ Маугли.

— Маленькій братъ, или у тебя заложило оба уха? Не охотничьи слова, а свою пѣснь я готовлю на случай нужды.

— Я позабылъ. Я узнаю, когда наступитъ время новыхъ разговоровъ потому, что тогда ты и всѣ прочіе убѣгутъ, а меня оставите одного,—угрюмо сказалъ Маугли.

— Нѣтъ, Маленькій братъ, вѣдь мы не всегда...—начала было Багхира.

— Всегда,—перебилъ ее Маугли, сердито выставляя средній палецъ,—вы *всегда* убѣгаете, а я, господинъ джунглей, принужденъ ходить одинъ. Что было прошлой весной, когда мнѣ захотѣлось собрать сахарнаго тростнику съ поля человѣческаго племени? Я отправилъ тебя къ Хати, съ приказаніемъ, чтобы онъ нарвалъ мнѣ хоботомъ сладкой травы.

— Онъ опоздалъ всего на двѣ ночи,—сказала Багхира, присѣдая,—и собралъ тебѣ столько твоей любимой сладкой травы, что никакому человѣческому дѣтенышу не съѣсть бы во всѣ ночи дождей. И въ томъ, что онъ опоздалъ, не я виновата.

— Онъ не пришелъ въ ту ночь, на которую я вызвалъ его. Нѣтъ, онъ трубилъ и ворчалъ, бѣгая по долинамъ при лунномъ свѣтѣ. Онъ плясалъ при лунномъ свѣтѣ передъ домами человѣческаго племени. Я видѣлъ его, а онъ не приходилъ ко мнѣ, а вѣдь *я* господинъ джунглей.

— То было время новыхъ рѣчей,—сказала пантера.—Можетъ-быть, братецъ, ты на этотъ разъ не сказалъ ему заклинанія? Слушай Фарао и будь веселъ.

Дурное расположеніе духа Маугли, казалось, разсѣялось. Онъ лежалъ на спинѣ, подложивъ руки подъ голову и закрывъ глаза

— Не знаю... да мнѣ все равно,—сказалъ онъ сонно.—Поспимъ, Багхира. На желудкѣ у меня тяжело. Дай, я на тебя положу голову.

Пантера снова легла со вздохомъ, потому что слышала, какъ Ферао на разныя манеры старался наладить свою пѣснь о весеннемъ времени „новыхъ разговоровъ", какъ говорятъ въ джунгляхъ.

Въ индійскихъ джунгляхъ одно время года переходитъ въ другое почти незамѣтно. Тамъ кажется ихъ существуетъ, соб-

ственно, только два: сырое и сухое; но внимательно вглядѣвшись въ то, что дѣлается надъ потоками дождя и облаками пыли отъ сгорѣвшихъ травъ, вы увидите, что всѣ четыре времени года идутъ своимъ правильнымъ чередомъ. Весна — самое удивительное изъ нихъ, потому что ей не приходится покрывать чисто-обнаженное поле новыми листьями и цвѣтами, но ей только нужно гнать передъ собой и снимать повисшую, отжившую и поблекшую зелень, которую не погубила мягкая весна, чтобы снова сдѣлать уже наполовину одѣтую землю молодой и свѣжей. И она это дѣлаетъ такъ хорошо, что нѣтъ въ мірѣ весны, которая могла бы сравниться съ весной въ джунгляхъ.

Наступаетъ день, когда все утомлено и самые запахи, пропитывавшіе тяжелый воздухъ, стары, выветрились. Объяснить этого нельзя, это чувствуется. И вдругъ на слѣдующій день вдыхаешь уже совсѣмъ другіе запахи, новые и чудные ароматы, и усы всѣхъ обитателей джунглей дрожатъ до корней, а зимняя шерсть съ тѣла вылѣзаетъ длинными пучками. Потомъ, въ одинъ прекрасный день, выпадаетъ дождичекъ, и всѣ деревья, кусты, бамбукъ, мохъ и растенія съ сочными листьями просыпаются и растутъ такъ, что почти можно уловить ухомъ, и подъ этотъ шумъ день и ночь въ воздухѣ стоитъ глухой гулъ. Это весенній шумъ, и этотъ трепещущій гулъ не жужжаніе пчелы, не плескъ падающей воды, не шелестъ вѣтра въ древесныхъ вершинахъ, но мурлыканье отогрѣтаго, счастливаго міра.

До этой весны Маугли всегда наслаждался смѣной временъ года. Обыкновенно онъ первый замѣчалъ травяной глазокъ въ густой травѣ и первыя гряды весеннихъ облаковъ, съ которыми ничто не можетъ сравниться въ джунгляхъ. Его голосъ раздавался при звѣздахъ во всѣхъ сырыхъ, покрытыхъ цвѣтами мѣстахъ, сливаясь съ хоромъ большихъ лягушекъ, или передразнивая маленькихъ совъ, перепархивавшихъ въ бѣлыя ночи. Подобно всѣмъ существамъ, съ которыми онъ жилъ, Маугли совершалъ весной свои переходы изъ-за удовольствія пробѣгать по теплому воздуху по тридцати, сорока, пятидесяти миль отъ сумерекъ до утренней звѣзды, и возвращаться со смѣхомъ, задыхаясь, увитый удивительными цвѣтами. Четверка не слѣдовала за нимъ въ этомъ бѣшеномъ бѣгѣ по джунглямъ: она уходила пѣть пѣсни съ другими волками. Населенію джунглей много дѣла весной, и вокругъ Маугли раздавались неумолкаемые крики, ворчаніе и свистъ. Весною голоса животныхъ звучатъ иначе, чѣмъ въ другія времена года, и это одна изъ причинъ, почему весна въ джунгляхъ называется временемъ „новыхъ разговоровъ“

Но въ эту весну, какъ Маугли объяснилъ Багхирѣ, его желудокъ измѣнился въ немъ. Съ того времени, какъ побѣги бамбука сдѣлались крапчато-коричневыми, онъ ждалъ того утра, когда запахи перемѣнятся. Но когда пришло утро, и Моръ-павлинъ, весь горя бронзовой лазурью и золотомъ, возвѣстилъ объ этомъ въ лѣсахъ, полныхъ тумана, Маугли, открывъ ротъ, хотѣлъ крикнуть, но слова застряли у него въ горлѣ, и по всему его тѣлу, начиная съ пальцевъ ногъ и кончая волосами, прошло невѣдомое ощущеніе, какъ будто съ нимъ что-то случилось, такъ что онъ даже осмотрѣлъ всего себя, чтобы быть увѣреннымъ, что не наступилъ на шипъ. Моръ возвѣщалъ о новыхъ запахахъ, другія птицы подхватили его крикъ, а отъ скалъ у Вайнгунги доносился хриплый голосъ Багхиры, нѣчто среднее между крикомъ орла и ржаніемъ лошади. Въ верхнихъ вѣтвяхъ, покрывавшихся свѣжими почками, кричали и прыгали *Бондаръ-логи*, а внизу стоялъ Маугли, собиравшійся полной грудью отвѣтить Мору, и вмѣсто того, грудь его постепенно опускалась, и изъ нея только вылетали вздохи, вызываемые горемъ.

Онъ осматривался на все окружающее, но видѣлъ только насмѣшливыхъ Бондаръ-логовъ, шнырявшихъ въ деревьяхъ, да Мора, плясавшаго на пригоркѣ, распустивъ во всей красѣ свой хвостъ.

— Запахи перемѣнились!—кричалъ Моръ.—Хорошаго лова, Маленькій братъ! Что же не отвѣчаешь?

— Хорошаго лова, Маленькій братъ! — свистѣлъ Чиль— коршунъ и его жена, спускаясь вмѣстѣ.

Они прошмыгнули такъ близко подъ носомъ Маугли, что у нихъ вылетѣлъ пучокъ бѣлыхъ пушистыхъ перьевъ.

Легкій весенній дождь—слоновый дождь зовутъ его тамъ— окружилъ джунгли поясомъ въ полмили ширины, смочилъ трепещущіе листочки и замеръ въ яркой радугѣ и легкихъ раскатахъ грома. Гулъ джунглей поднялся на минуту и замолкъ, но, казалось, что все населеніе джунглей сразу подало голосъ. Все, кромѣ Маугли.

„Я, кажется, ѣлъ хорошую пищу и пилъ хорошую воду,— разсуждалъ онъ про себя.—Горло не жжетъ и не стягиваетъ, какъ тогда, когда я попробовалъ корня съ синими крапинами, про который Оо, черепаха, сказала, что это хорошая пища. Но въ желудкѣ у меня тяжело, и я нехорошо говорилъ съ Багхирой и другими дѣтьми джунглей, родными мнѣ. Мнѣ то жарко, то холодно, а въ эту минуту не жарко и не холодно, но я сердитъ, на что,—самъ не знаю. Хуху! Пора пробѣжаться! Сегодня перебѣгу за границу; добѣгу до сѣвер-

ныхъ болотъ и вернусь обратно. Охота слишкомъ долго была легкой. Четверка побѣжитъ со мной: они растолстѣли, какъ бѣлые черви“.

Онъ крикнулъ, но ни одинъ изъ четырехъ волковъ не отвѣтилъ. Они были такъ далеко, что не могли слышать голоса, и распѣвали весеннія пѣсни—пѣсни Мѣсяца и Самбхура—вмѣстѣ съ прочими волками племени, такъ какъ весной населеніе джунглей дѣлаетъ мало разницы между днемъ и ночью. Онъ издалъ рѣзкій звукъ въ родѣ лая, но отвѣтомъ было только насмѣшливое *мяу* маленькой пестрой дикой кошки, отыскивавшей въ вѣтвяхъ раннихъ птичьихъ гнѣздъ. Маугли весь задрожалъ отъ ярости и схватился за ножъ. Потомъ онъ принялъ очень надменный видъ, хотя никто не видалъ его, и пошелъ серьезно внизъ по холму, закинувъ голову, но опустивъ глаза. Но ни одно изъ животныхъ не обратилось къ нему съ вопросомъ—всѣ были слишкомъ заняты своими дѣлами.

— Да, когда рыжія дхоли приходятъ изъ Декана или красный цвѣтокъ запляшетъ въ бамбукѣ, тогда всѣ джунгли бросаются къ Маугли и даютъ ему великія, какъ слонъ, прозвища. А теперь, оттого, что Весенній глазокъ покраснѣлъ, а Моръ показываетъ свои голыя ноги въ весенней пляскѣ, джунгли бѣсятся, какъ Табаки... Клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня, господинъ я джунглей или нѣтъ? Молчите! Что вамъ тутъ нужно?

Нѣсколько молодыхъ волковъ изъ стаи бѣжали внизъ по тропинкѣ, ища открытаго мѣста, гдѣ бы можно было подраться. (По закону джунглей запрещается драться тамъ, гдѣ племя можетъ видѣть). Шеи у нихъ ощетинились какъ проволока, и волки отчаянно лаяли отъ нетерпѣнія накинуться другъ на друга. Маугли бросился впередъ, схватилъ каждой рукой по волку за шиворотъ, намѣреваясь отбросить ихъ назадъ, какъ часто дѣлывалъ, играя или охотясь съ племенемъ. Но ему еще не случалось вмѣшиваться въ весеннюю борьбу. Волки прыгнули и отбросили его въ сторону и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ начали кататься по землѣ, крѣпко вцѣпившись другъ въ друга.

Маугли вскочилъ на ноги, не успѣвъ упасть; онъ оскалилъ бѣлые зубы, выхватилъ ножъ и въ эту минуту готовъ былъ убить волковъ только за то, что они боролись въ то время, какъ онъ желалъ, чтобы они были спокойны, хотя по закону каждый волкъ имѣетъ право драться. Онъ бѣгалъ вокругъ нихъ, опустивъ плечи, готовясь нанести двойной ударъ дрожащей рукой, какъ только первая суматоха схватки

уляжется, но во время ожиданія силы какъ будто покидали его тѣло, ножъ опустился: Маугли вложилъ его въ ножны и наблюдалъ за волками.

— Навѣрное, я съѣлъ какого-нибудь яда,—разсуждалъ онъ.— Съ тѣхъ поръ, какъ я усмирилъ совѣтъ краснымъ цвѣткомъ, послѣ того, какъ я убилъ Ширъ-хана, никто изъ стаи не могъ отшвырнуть меня въ сторону. А это еще мелкіе ловцы, бѣгущіе въ хвостѣ стаи! Пропала моя сила: я скоро умру. О, Маугли, отчего ты не убилъ ихъ обоихъ?

Борьба продолжалась, пока одинъ изъ волковъ не убѣжалъ, и Маугли остался одинъ на вытоптанной, залитой кровью площадкѣ, смотря то на свой ножъ, то на руки и ноги, а чувство, неиспытанное имъ никогда—чувство горя, между тѣмъ, заливало его, какъ вода заливаетъ лежащее бревно.

Онъ рано окончилъ охоту въ этотъ вечеръ и ѣлъ мало, чтобы не отяжелѣть для бѣга, и ѣлъ одинъ, потому что всѣ дѣти джунглей были въ разныхъ мѣстахъ, распѣвая и сражаясь. Была совершенно „бѣлая ночь“. Всѣ растенія какъ будто расли цѣлый мѣсяцъ—такъ всѣ развились съ утра. Изъ вѣтки, покрытой день тому назадъ желтыми листьями, закапалъ сокъ, когда ее сломалъ Маугли. Мохъ облегалъ теплыми кудрями его ноги, у молодой травы не было острыхъ краевъ и всѣ голоса джунглей гудѣли какъ низкая струна арфы, тронутая мѣсяцемъ—мѣсяцемъ новыхъ разговоровъ, который лилъ свой полный свѣтъ на скалы и озера, пробирался между стволомъ и обвивавшими его цѣпкими ліанами и прокрадывался между милліонами листьевъ. Забывъ свое чувство огорченія, Маугли громко пѣлъ отъ наслажденія, начиная свой бѣгъ. Онъ какъ будто летѣлъ по выбранному имъ скату къ сѣвернымъ болотамъ по самому сердцу большихъ джунглей, гдѣ мягкая почва заглушала шумъ его шаговъ. Если бы Маугли выросъ между людей, онъ не разъ споткнулся бы при обманчивомъ лунномъ свѣтѣ, но его мускулы, закаленные годами упражненій, несли его какъ перышко. Когда сгнившій древесный стволъ или скрытый камень подавались подъ его ногой, онъ отскакивалъ въ сторону, но не останавливался, не дѣлалъ усилія и не раздумывалъ. Уставши отъ бѣга, онъ по обезьяньему схватывался за ближайшее ползучее растеніе и скорѣе плылъ кверху, чѣмъ лѣзъ до нижнихъ вѣтокъ, и затѣмъ продолжалъ свой путь, перескакивая съ дерева на дерево, пока ему не надоѣдало и онъ летѣлъ длиннымъ легкимъ прыжкомъ опять на ровную землю. Ему попадались на дорогѣ тихія жаркія ущелья между сырыхъ скалъ, гдѣ трудно было дышать отъ тяжелаго запаха цвѣтовъ и бутоновъ, распускав-

шихся на ліанахъ, темныя аллеи, гдѣ лунный свѣтъ падалъ полосами, такими же правильными, какъ рисунокъ мраморныхъ плитъ въ церковномъ притворѣ; чащи, гдѣ влажная молодая заросль достигала ему до груди и обхватывала его своими объятіями; вершины холмовъ, увѣнчанныя разсыпавшимися скалами, гдѣ онъ прыгалъ съ камня на камень надъ норами испуганныхъ маленькихъ лисицъ. Издали до него доносился *гугъ-другъ* кабана, оттачивавшаго клыки о камень, а иногда попадался и одинокій звѣрь, сдиравшій съ пѣной у рта и глазами, горящими какъ уголья, кору съ высокаго дерева. По временамъ ему приходилось сворачивать съ дороги при звукѣ сталкивающихся роговъ и свистящаго ворчанія, и мимо пролетала пара яростныхъ самбхуровъ-оленей, бодавшихся на бѣгу, опустивъ головы, покрытые кровавыми полосами, казавшимися черными при лунномъ свѣтѣ. Съ шумящаго брода до него доносились голоса шакаловъ и крокодиловъ, мычавшихъ, какъ волы, а мѣстами онъ вспугивалъ клубки ядовитаго народа; но прежде, чѣмъ змѣи успѣвали ужалить его, онъ былъ уже далеко, углубляясь въ сверкающую чащу джунглей.

Такъ онъ бѣжалъ то крича, то напѣвая про себя и въ эту ночь былъ счастливѣйшимъ существомъ во всѣхъ джунгляхъ, пока запахъ цвѣтовъ не далъ ему знать, что онъ у болотъ, а болота лежали дальше самыхъ отдаленныхъ мѣстъ охоты.

И здѣсь человѣкъ, выросшій среди людей, увязъ бы съ головой, но у ногъ Маугли были глаза, и онѣ переносили его съ кочки на кочку, не нуждаясь въ помощи настоящихъ глазъ. Онъ добѣжалъ до середины трясины, вспугивая утокъ, и сѣлъ на обросшемъ мхомъ древесномъ стволѣ, погруженномъ въ черную воду. Болота кругомъ проснулись, потому что весной у птичьяго населенія сонъ легкій и цѣлыя стаи перелетаютъ взадъ и впередъ всю ночь. Но никто не обращалъ вниманія на Маугли, сидѣвшаго въ высокихъ камышахъ, напѣвая пѣсни безъ словъ и вытаскивая вонзившіяся въ ноги занозы. Вся его грусть будто осталась позади его въ родныхъ джунгляхъ, и онъ только что было затянулъ пѣснь во весь голосъ, какъ вдругъ печаль вернулась—и въ десять разъ сильнѣе, чѣмъ прежде.

На этотъ разъ Маугли испугался.

— И здѣсь оно! — проговорилъ онъ вполголоса. — Оно пришло со мной.

И онъ оглянулся, чтобы посмотрѣть, не стоитъ ли это *оно* у него за плечами.

— Никого нѣтъ!

Ночные звуки не прекращались, но ни одинъ звѣрь ни одна птица не заговаривали съ нимъ, и въ немъ проснулось новое чувство одиночества.

— Навѣрное, я проглотилъ ядъ,—сказалъ онъ опять голосомъ, въ которомъ слышался страхъ,—и умираю въ болотахъ отъ этого яда.

Ему стало такъ жаль себя, что онъ чуть не заплакалъ.

— И потомъ,—продолжалъ онъ,—они найдутъ меня въ черной водѣ. Нѣтъ, пойду назадъ въ свои джунгли и умру на Совѣтской скалѣ, а Багхира, которую я люблю, Багхира, если только она не будетъ кричать въ долинѣ, можетъ-быть, немного покараулитъ то, что останется отъ меня, чтобы Чиль не поступилъ со мной такъ, какъ съ Акелой.

Крупная горячая слеза упала ему на колѣно, и несчастный Маугли чувствовалъ себя счастливымъ, что онъ такъ несчастенъ,—если вы только можете понять такое превратное счастье.

— Какъ Чиль-коршунъ поступилъ съ Акелой,—повторилъ онъ,—въ ночь, когда я спасъ стаю отъ рыжихъ собакъ.

Онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ тихо, думая о послѣднихъ словахъ Особняка, которыя вы, безъ сомнѣнія, помните.

— Много глупостей наговорилъ мнѣ Акела, умирая; вѣдь, когда мы умираемъ, въ насъ мѣняется желудокъ. Онъ сказалъ... А все же *я сынъ* джунглей.

Взволновавшись при воспоминанiи о битвѣ на берегахъ Вайнгунги, онъ проговорилъ послѣднiя слова громко, и дикая буйволица поднявшись въ тростникѣ на колѣни и фыркнула:

— Человѣкъ!

— *Уу!*—сказалъ Миза, дикiй буйволъ (Маугли слышалъ, какъ онъ ворочался въ грязи).—*Это* не человѣкъ. Это только безшерстый волкъ изъ сiонiйской стаи. Онъ рыщетъ въ такiя ночи.

— *Уу!*—промычала буйволица, снова принимаясь щипать траву.—А я думала—человѣкъ.

— Я и не говорю, что не человѣкъ. Маугли, нѣтъ ли опасности?—промычалъ онъ.

— Маугли, нѣтъ ли опасности?—передразнилъ буйвола мальчикъ.—Только одно и есть на умѣ у Мизы: нѣтъ ли опасности? А до Маугли, который день и ночь ходитъ по джунгли и сторожитъ, какое вамъ дѣло?

— Какъ онъ кричитъ!—замѣтила буйволица.

— Такъ кричатъ они, вырывающiе траву и не умѣющiе ѣсть ее,—презрительно пояснилъ буйволъ.

— За меньшую обиду я въ послѣдніе дожди вытащилъ Мизу изъ грязи и заставилъ его везти себя по болоту, надѣвъ на него узду изъ тростника,—проговорилъ Маугли и протянулъ было руку къ тростнику, но отдернулъ ее со вздохомъ. Миза продолжалъ жевать жвачку, и вокругъ буйволицы высокая трава тоже рѣдѣла.

— Не хочу я умирать *здѣсь*,—сказалъ Маугли сердито.— Миза, который одной крови съ шакаломъ и свиньей, увидалъ бы меня. Уйду изъ болотъ и посмотрю, что будетъ. Никогда не бѣгалъ я такъ—и холодно мнѣ и жарко. Ну, вставай, Маугли.

Онъ не могъ устоять противъ искушенія: прокрасться въ тростникѣ и уколоть Мизу кончикомъ ножа. Огромный буйволъ вскочилъ изъ болота, какъ взорвавшаяся бомба, а Маугли хохоталъ такъ, что принужденъ былъ сѣсть.

— Теперь можешь сказать, что волкъ изъ сіонійской стаи погонялъ тебя, Миза,—крикнулъ онъ.

— Волкъ? *Ты*?—фыркнулъ буйволъ, топая ногами по грязи.— Всѣ джунгли знаютъ, что ты былъ пастухомъ домашней скотины—такое же человѣческое отродье, какъ тѣ, что кричатъ тамъ, за полями. *Ты*—сынъ джунглей! Какой охотникъ сталъ бы пробираться по мху ради глупой шутки—шакальей шутки— которой осрамилъ меня передъ моей буйволицей? Пойдемъ на твердую землю, и тамъ я... я...

Маугли смотрѣлъ, какъ онъ пыхтѣлъ и отдувался, и выраженіе его глазъ не мѣнялось. Когда всплески грязи улеглись, такъ, что можно было разслышать голосъ, онъ сказалъ:

— У какого человѣческаго племени здѣсь логовище вблизи, Миза? Я не знаю этихъ джунглей.

— Ну, такъ ступай къ сѣверу,—сердито заревѣлъ буйволъ, потому что Маугли порядочно-таки кольнулъ его.—Такія шутки только впору голому пастуху.

— По-моему, лишняя царапина на кожѣ не должна бы мѣшать тебѣ отвѣтить. Ну, да я самъ пойду и взгляну, что тамъ за деревня. Да, пойду. Тише ты. Не каждую ночь будетъ господинъ джунглей приходить пасти тебя.

Онъ ступилъ на колебавшуюся почву у края трясины, зная, что Миза никогда не отважится направиться туда, и побѣжалъ, смѣясь надъ яростью буйвола.

„Не совсѣмъ еще пропали мои силы,—подумалъ онъ.— Можетъ-быть, ядъ не дошелъ до самыхъ костей. Какъ низко стоитъ тамъ звѣзда!—Онъ посмотрѣлъ черезъ полусжатыя руки.— Клянусь буйволомъ, выкупившимъ меня, это красный цвѣтокъ— красный цвѣтокъ, у котораго я лежалъ когда-то, когда еще не

жилъ съ сіонійской стаей. Теперь, когда я увидалъ его, я ужъ кончу свой бѣгъ".

Болото переходило въ обширную равнину, гдѣ мерцалъ огонекъ. Давно уже Маугли не имѣлъ дѣла съ людьми, но въ эту ночь свѣтъ краснаго цвѣтка побудилъ его итти впередъ.

— Посмотрю, какъ сдѣлалъ тогда, и увижу, измѣнилось ли человѣческое племя.

Забывъ, что онъ идетъ уже не по своимъ роднымъ джунглямъ, гдѣ онъ могъ дѣлать, что ему угодно, онъ беззаботно шагалъ по росистой травѣ, пока не дошелъ до избы, передъ которой горѣлъ огонь.

Залаяли три-четыре собаки, потому что онъ подошелъ къ околицѣ деревни.

— Хо!—сказалъ Маугли и тихонько присѣлъ, предварительно глухо проворчавъ по-волчьи, что заставило собакъ примолкнуть.—Что будетъ, то будетъ. Маугли, что тебѣ дѣлать въ человѣческихъ логовищахъ?

Онъ потеръ себѣ ротъ, вспоминая, какъ его ударилъ камень много лѣтъ тому назадъ, когда люди изгнали его.

Дверь избы отворилась, и на порогѣ появилась женщина и начала вглядываться въ темноту.

Раздался дѣтскій плачъ, и женщина сказала черезъ плечо:

— Спи! Должно-быть, шакалъ разбудилъ собакъ. Скоро утро.

Маугли, сидя въ травѣ, затрясся какъ въ лихорадкѣ. Онъ узналъ этотъ голосъ, но, чтобы увѣриться, окликнулъ тихонько, удивляясь, какъ это человѣческій языкъ вернулся къ нему:

— Мессуа! О Мессуа!

— Кто зоветъ?—спросила женщина съ дрожью въ голосѣ.

— Развѣ ты забыла?—спросилъ Маугли, и въ горлѣ его стало сухо, когда онъ заговорилъ.

— Если это *ты*, то скажи, какимъ именемъ я называла тебя? Скажи!—Она притворила дверь и прижимала руки къ груди.

— Нату! Охэ, Нату!—сказалъ Маугли, потому что такъ—если вы помните—Мессуа назвала его, когда онъ впервые пришелъ къ людямъ.

— Иди ко мнѣ, сынъ мой!—позвала она, и Маугли, выйдя на освѣщенное мѣсто, взглянулъ прямо въ лицо женщины, которая была добра къ нему, и жизнь которой онъ спасъ отъ людей много лѣтъ тому назадъ. Она постарѣла и посѣдѣла, но глаза ея и голосъ не измѣнились. По женской привычкѣ, она ожидала увидѣть Маугли такимъ же, какимъ онъ былъ, когда они разстались, и въ глазахъ ея выразилось большое удивленіе, когда она окинула его взглядомъ съ ногъ до головы, которой онъ касался притолоки двери.

— Сынъ мой,—проговорила она нерѣшительно, а затѣмъ упала къ ногамъ его.—Но это уже не сынъ мой. Это лѣсной божокъ! Ахэ!

Дѣйствительно, какъ онъ стоялъ, озаренный краснымъ свѣтомъ масляной лампы, высокій, сильный, красивый, съ длинными черными волосами, разсыпавшимися по плечамъ, съ ножомъ, висѣвшимъ на шеѣ, и съ вѣткой изъ бѣлаго жасмина на головѣ, онъ походилъ на какое-то божество, про которое разсказывается въ сказкахъ джунглей. Ребенокъ, дремавшій на койкѣ, вскочилъ съ крикомъ испуга. Мессуа начала успокоивать его, между тѣмъ, какъ Маугли стоялъ, смотря на кувшины для воды, горшки, закрома и прочія вещи человѣческаго обихода, которыя, какъ оказалось, очень хорошо припомнилъ.

— Что ты хочешь съѣсть или выпить?—спросила Мессуа.—Все твое. Мы обязаны тебѣ жизнью. Но ты или тотъ, кого я звала Нату, или божокъ?

— Я Нату,—отвѣчалъ Маугли.—Я далеко забѣжалъ отъ своихъ мѣстъ, увидалъ свѣтъ и пришелъ сюда. Я не зналъ, что ты здѣсь.

— Когда мы пришли въ Ханивару, англичане хотѣли защитить насъ отъ тѣхъ, кто собирались сжечь насъ. Ты помнишь?—спросила Мессуа.

— Не забылъ.

— Но когда изготовили англійскій законъ, и мы пошли въ деревню этого злого народа, онъ ужъ пропалъ.

— И это помню,—сказалъ Маугли, и ноздри его задрожали.

— Поэтому мужъ поступилъ работникомъ, и, наконецъ,—вѣдь онъ человѣкъ сильный—мы добыли здѣсь клочокъ земли. Деревня не такая богатая, какъ та, ну, да много ли намъ надо—двоимъ.

— А гдѣ же онъ—тотъ человѣкъ, что копался въ землѣ въ ту ночь, когда испугался?

— Умеръ... Годъ тому назадъ.

— А онъ?—Маугли указалъ на ребенка.

— Это сынъ мой. Онъ родился двое дождей тому назадъ. Если ты—божокъ, прикажи, чтобы джунгли полюбили его, чтобы твой... народъ не трогалъ его, какъ не тронулъ насъ въ ту ночь...

Она подняла ребенка, и тотъ, забывъ страхъ, потянулся къ ножу, висѣвшему на груди Маугли, и Маугли осторожно отстранилъ его пальчики.

— И если ты Нату, котораго унесъ тигръ,—сказала Мессуа, сдерживая слезы,—то онъ твой меньшой братъ. Благослови его, какъ старшій братъ.

— *Хай мэ*! Развѣ я понимаю, что значитъ „благослови“? Я не божокъ и не братъ твоего сына, а тяжело во мнѣ сердце, мать.—Онъ содрогнулся и спустилъ ребенка съ рукъ.

— Очень вѣроятно,—отвѣчала Мессуа, хлопоча около кухонныхъ горшковъ,—это отъ бѣганія ночью по болотамъ. Конечно, лихорадка всосалась въ тебя до мозга.—Маугли улыбнулся при мысли, что что-нибудь въ джунгляхъ можетъ повредить ему.—Я разведу огонь и напою тебя теплымъ молокомъ. Сними вѣнокъ изъ жасмина: запахъ его тяжелъ въ такой тѣсной комнатѣ.

Маугли сѣлъ, закрывъ лицо руками, и что-то бормоталъ. Онъ испытывалъ странныя чувства, которыхъ онъ никогда не ощущалъ, какъ будто дѣйствительно отравился: у него кружилась голова и какъ будто тошнило. Онъ большими глотками пилъ теплое молоко, и въ умѣ у него путалось: сынъ ли онъ Мессуа, какъ въ давнее время, или какое-нибудь необыкновенное существо изъ джунглей; но въ концѣ-концовъ онъ былъ радъ, что, по крайней мѣрѣ, сознаетъ себя живымъ человѣкомъ.

— Сынъ,—заговорила Мессуа, и въ глазахъ ея свѣтилась гордость,—говорилъ ли тебѣ кто-нибудь, что ты красивѣе всѣхъ людей?

— Что?—съ изумленіемъ переспросилъ Маугли, конечно, не слыхавшій ничего подобнаго. Мессуа смѣялась ласково и счастливо. Смотрѣть на него было уже достаточно для нея.

— Стало-быть, я первая сказала это тебѣ? Это хорошо, хоть рѣдко мать говоритъ такія хорошія вещи сыну. Ты очень красивъ. Никогда я не видала такого сына.

Маугли повернулъ голову и пытался взглянуть черезъ свое могучее плечо, а Мессуа снова засмѣялась и смѣялась такъ, что Маугли, не зная причины ея смѣха, принялся вторить ей, а ребенокъ, тоже смѣясь, перебѣгалъ отъ одной къ другому.

— Нѣтъ, ты не долженъ насмѣхаться надъ братомъ,—сказала Мессуа, прижимая его къ груди.—Когда ты будешь вполовину такъ хорошъ, мы женимъ тебя на младшей дочери короля, и ты будешь ѣздить на большихъ слонахъ.

Маугли не понималъ и трети того, что она говорила; теплое молоко подѣйствовало на него послѣ долгаго бѣга, онъ свернулся на полу и черезъ минуту спалъ крѣпкимъ сномъ; Мессуа же откинула его волосы съ глазъ, покрыла его и была счастлива. По привычкѣ джунглей, онъ проспалъ остатокъ этой ночи и весь слѣдующій день, потому что инстинктъ, никогда не дремавшій, подсказывалъ ему, что здѣсь нечего бояться. Наконецъ, онъ, проснулся и такъ привскочилъ, что

вся хижина затряслась: лицо у него было закрыто, и ему приснилось, что онъ попалъ въ западню. И такъ онъ стоялъ, схватившись за ножъ, и оглядывался своими полусонными глазами, готовясь защищаться.

Мессуа, смѣясь, поставила передъ нимъ ужинъ. Онъ состоялъ изъ жесткихъ лепешекъ, спеченныхъ на дымномъ огнѣ, риса и нѣсколькихъ квашеныхъ тамариндовъ, но этого было совершенно достаточно, пока онъ не пойдетъ на вечернюю охоту. Запахъ росистыхъ болотъ возбуждалъ въ немъ голодъ и безпокойство. Ему хотѣлось окончить свой бѣгъ; но ребенокъ сидѣлъ у него на колѣняхъ, а Мессуа во что бы то ни стало хотѣла расчесать его черные съ синимъ отливомъ волосы. Расчесывая, она пѣла, дѣтскія пѣсенки, то называя Маугли сыномъ, то прося передать брату часть своей власти надъ джунглями. Дверь избы была затворена, но Маугли услыхалъ хорошо знакомый звукъ и увидалъ, какъ нижняя челюсть Мессуа отвисла отъ ужаса, когда огромная лапа высунулась изъ-подъ двери, и Сѣрый братъ, тихонько прося прощенія, завизжалъ на дворѣ.

— Прочь и подожди! Вы не приходили, когда я звалъ,— сказалъ Маугли на языкѣ джунглей, не оборачивая головы, и сѣрая лапа исчезла.

— Не води съ собой своихъ... своихъ слугъ,—взмолилась Мессуа.—Я... мы всегда жили въ миру съ джунглями.

— И это миръ, — сказалъ Маугли, вставая. — Вспомни о своей дорогѣ въ Ханивару. Сотни такихъ спутниковъ шли впереди и позади тебя. Теперь я вижу, что даже весной дѣти джунглей не всегда забываютъ. Мать, я пойду.

Мессуа покорно отошла. „Онъ и вправду лѣсной богъ“, подумала она; но когда онъ подошелъ къ выходу, она, въ порывѣ материнскаго чувства, нѣсколько разъ обняла Маугли.

— Возвращайся!—шептала она.—Сынъ или не сынъ, я люблю тебя. Смотри, и онъ горюетъ.

Мальчикъ плакалъ, видя, что человѣкъ съ блестящимъ ножомъ уходитъ.

— Возвращайся,—повторяла Мессуа.—Днемъ или ночью, эта дверь никогда не заперта.

Въ горлѣ у Маугли что-то задрожало, будто кто-то схватилъ за голосовыя связки, и онъ отвѣтилъ съ усиліемъ:

— Приду.

— А теперь я поговорю съ тобой, Сѣрый братъ,—обратился онъ къ волку, отстраняя его голову въ дверяхъ.—Почему вы всѣ четверо не пришли, когда я звалъ васъ такъ давно?

— Давно? Всего прошлую ночь. Я... мы... пѣли въ джунгляхъ новыя пѣсни, потому что теперь время новыхъ разговоровъ. Ты развѣ не помнишь?

— Да, правда.

— А какъ только кончили пѣть, я пошелъ по твоему слѣду, — серьезно продолжалъ Сѣрый братъ. — Я убѣжалъ отъ другихъ и бѣжалъ скоро. А *ты* что сдѣлалъ, Маленькій братъ: ты ѣлъ съ человѣческимъ племенемъ и спалъ у него?

— Если бы вы пришли, когда я васъ звалъ, этого бы не было,—отвѣтилъ Маугли, прибавляя шагу.

— А теперь, что будетъ?—спросилъ Сѣрый братъ.

Маугли собирался отвѣтить, какъ на дорогѣ отъ деревенской околицы показалась дѣвушка въ бѣлой одеждѣ. Сѣрый братъ моментально исчезъ, а Маугли тоже неслышно юркнулъ въ высокую пшеницу. Онъ могъ бы прикоснуться къ дѣвушкѣ рукой въ ту минуту, когда теплые, зеленые стебли сомкнулись надъ его лицомъ, и исчезъ какъ привидѣніе. Дѣвушка вскрикнула, думая, что видѣла духа, а потомъ глубоко вздохнула. Маугли раздвинулъ стебли и смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась изъ виду.

— Теперь что будетъ—не знаю,—отвѣтилъ онъ на вопросъ волка.—Зачѣмъ вы не пришли, когда я звалъ.

— Мы шли за тобой слѣдомъ... шли слѣдомъ,—оправдывался Сѣрый братъ, лижа пятки Маугли.—Мы всегда идемъ за тобой, кромѣ времени новыхъ разговоровъ.

— А пошли ли бы вы за мной къ человѣческому племени?— шопотомъ спросилъ Маугли.

— Развѣ я не послѣдовалъ за тобой въ ту ночь, когда человѣческое племя прогнало тебя? Кто разбудилъ тебя, когда ты спалъ въ хлѣбномъ полѣ?

— Да; а теперь?

— Развѣ я не пришелъ къ тебѣ сегодня ночью?

— Да, но потомъ, и еще не разъ?

Сѣрый братъ молчалъ. А потомъ проворчалъ какъ бы про себя:

— Черная сказала правду...

— Что она сказала?

— Человѣкъ въ концѣ-концовъ пойдетъ къ человѣку. Ракша, наша мать, говорила...

— То же сказалъ и Акела въ ночь битвы съ рыжими собаками,—пробормоталъ Маугли.

— Такъ говоритъ и Каа, самый мудрый изъ насъ.

— Что же ты отвѣтишь мнѣ, Сѣрый братъ?

— Они прогнали тебя однажды съ бранью. Они разрѣзали тебѣ ротъ камнемъ. Они послали Бельдео убить тебя. Чуть

не бросили въ красный цвѣтокъ. Ты, а не я, говорилъ, что они злы и глупы. Ты, а не я—я живу съ своими—напустилъ на нихъ джунгли. Ты, а не я сочинилъ на нихъ пѣсню хуже, чѣмъ на рыжихъ собакъ.

— Я спрашиваю тебя, что *ты* мнѣ отвѣтишь?

Они разговаривали на бѣгу. Сѣрый братъ трусилъ нѣсколько времени, не отвѣчая, а затѣмъ сказалъ:

— Человѣческій дѣтенышъ, господинъ джунглей, сынъ Ракши, мой братъ по логовищу, хоть я и забываю немного весной, но твой слѣдъ—мой слѣдъ, твое логовище—мое логовище, твоя охота—моя охота и твой смертный бой—мой бой. Я говорю и за остальныхъ троихъ. А что ты скажешь джунглямъ?

— Ты догадливъ. Нечего медлить съ нападеніемъ, когда увидишь добычу. Ступай впередъ и вели всѣмъ собраться на совѣтскую скалу, а я скажу имъ, что у меня въ желудкѣ. Но они, можетъ-быть, не придутъ—забудутъ обо мнѣ во время новыхъ разговоровъ.

— А развѣ ты ничего не забывалъ?—бросилъ Сѣрый братъ черезъ плечо, пускаясь въ галопъ, между тѣмъ какъ Маугли шелъ, раздумывая.

Во всякое другое время года извѣстіе, принесенное Сѣрымъ братомъ, заставило бы всѣхъ дѣтей джунглей собраться, ощетинивъ шеи, но теперь они охотились, сражались, убивали и пѣли. Сѣрый братъ перебѣгалъ отъ одного къ другому, крича:

— Господинъ джунглей возвращается къ людямъ! Собирайтесь на совѣтскую скалу!

А счастливый, занятый народъ только отвѣчалъ:

— Онъ вернется въ лѣтніе жары. Дожди заставятъ его уйти въ логовище. Приходи пѣть съ нами, Сѣрый братъ!

— Но господинъ джунглей уходитъ обратно къ людямъ,— повторялъ волкъ.

— *Іи... іауа!* Развѣ время новыхъ разговоровъ отъ того станетъ хуже?—послѣдовалъ отвѣтъ.

И такимъ образомъ, когда Маугли съ тяжелымъ сердцемъ пришелъ черезъ скалы къ тому памятному мѣсту, гдѣ его представили совѣту, онъ засталъ тамъ только четверку, Балу, полуослѣпшаго отъ старости, и тяжелаго хладнокровнаго Каа, обернувшагося вокругъ камня, на которомъ бывало лежалъ Акела.

— Такъ твой слѣдъ оканчивается здѣсь?—спросилъ Каа, когда Маугли опустился на камень, закрывъ лицо руками. Прокричи свой крикъ.—Мы всѣ одной крови, и я и ты— человѣкъ и змѣя.

— Зачѣмъ меня не загрызли рыжія собаки? — горевалъ человѣкъ.—Силы оставили меня, и это не отъ яда. Днемъ и

ночью слышу, будто за мной кто идетъ. Когда оборачиваюсь, мнѣ кажется, будто кто-то сейчасъ спрятался. Я иду искать за деревьями—тамъ его нѣтъ. Я кричу—никто не отзывается; но какъ будто кто-то слышалъ и не хочетъ отвѣтить. Я ложусь, но не отдыхаю. Я сдѣлалъ весенній пробѣгъ, но не успокоился. Я купаюсь, но не прохлаждаюсь. Убивать мнѣ противно, а бороться не убивая, нѣтъ охоты. У меня внутри красный цвѣтокъ; кости мои, что вода... Я самъ не знаю, что знаю.

— Какая польза въ разговорахъ?—медленно сказалъ Балу, оборачивая голову въ сторону Маугли.—Акела сказалъ у рѣки, что Маугли самъ прогонитъ Маугли къ человѣческому племени. И я говорилъ то же. Только кто слушаетъ теперь Балу?.. Багхира... А гдѣ же сегодня ночью Багхира?.. И она знаетъ это. Таковъ законъ.

— Когда мы были въ „Холодныхъ берлогахъ“, человѣчекъ, и тогда я зналъ это,—сказалъ Каа, слегка поворачивая свои могучія кольца.—Человѣкъ уходитъ къ человѣку, хотя джунгли и не изгоняютъ его.

Четверка переглянулась между собой и посмотрѣла на Маугли съ удивленіемъ, но покорно.

— Стало-быть, джунгли не изгоняютъ меня?—проговорилъ Маугли.

Сѣрый братъ и остальные яростно зарычали:

— Пока мы живы, никто не посмѣетъ...

Но Балу велѣлъ имъ замолчать.

— Я училъ тебя закону, мнѣ и говорить,—началъ онъ,—и хотя я не вижу скалъ передъ собой, но вдаль вижу. Маленькій лягушонокъ, иди своей дорогой; устрой себѣ логовище съ родными по крови—съ своимъ племенемъ и народомъ, но когда нужна будетъ ѣда, зубъ или глазъ или надо скоро перенести слово ночью, тогда вспомни, господинъ джунглей, что джунгли явятся къ тебѣ по первому зову.

— И среднія джунгли тоже твои,—сказалъ Каа.—Я говорю не отъ малаго народа.

— *Хэ-мэ*, братья!—закричалъ Маугли, поднимая руки съ рыданіемъ.—Я не знаю, что знаю! Мнѣ не хочется уходить, а ноги сами уносятъ. Какъ мнѣ оставить такія ночи?

— Нѣтъ, подними голову,—повторилъ Балу.—Ничего нѣтъ постыднаго въ твоемъ желаніи. Когда медъ съѣденъ, мы оставляемъ пустые соты.

— Сбросивъ шкуру, второй разъ не влѣзешь въ нее. Таковъ законъ.

— Послушай, самое дорогое мнѣ существо,—сказалъ Балу.—Здѣсь тебя не можетъ удержать ни воля ни слово. Подними

голову! Кто имѣетъ право спрашивать господина джунглей? Я видѣлъ, какъ ты игралъ здѣсь съ бѣлыми камешками, когда былъ маленькимъ лягушонкомъ, и Багхира, выкупившая тебя молодымъ, только что убитымъ буйволомъ, тоже видѣла тебя. Изъ осматривавшихъ тебя тогда только мы двое остались въ живыхъ. Ракша, твоя пріемная мать, умерла, такъ же, какъ Волкъ—твой отецъ; старое волчье племя тоже все вымерло. Ты знаешь, что нѣтъ и Ширъ-хана, а Акелу убили дхоли, и безъ твоей силы и мудрости все молодое сіонійское племя стало бы ихъ добычей. Остаются только старыя кости. Теперь ужъ не человѣческій дѣтенышъ обращается съ просьбой къ племени, а *господинъ* джунглей, вздумавшій итти по другому слѣду. Кто смѣетъ предлагать вопросы человѣку?

— Но Багхира и буйволъ, выкупившій меня... — началъ Маугли. — Мнѣ бы не хотѣлось...

Его прервали трескъ и рычаніе, раздавшіеся въ чащѣ у подножія холма, и передъ ними появилась Багхира, легкая, сильная и ужасная, какъ всегда

— *Вотъ почему* я и не приходила,—заговорила она, вытягивая лапу, съ которой капала кровь. — Долго пришлось гнаться, но онъ лежитъ теперь мертвый въ кустахъ—буйволъ по второму году—буйволъ, возвращающій тебѣ свободу, Маленькій братъ. Теперь всѣ долги заплачены. Что касается остального, слова Балу — мои слова, — она лизнула ноги Маугли. — Помни, Багхира любила тебя! — крикнула она и прыгнула прочь.

У подошвы холма она опять протяжно и громко крикнула:

— Хорошаго лова по новому слѣду, господинъ джунглей! Помни, Багхира любила тебя!

— Ты слышалъ?—сказалъ Балу.—Теперь ужъ ничего не остается. Иди, только прежде подойди ко мнѣ. О, мудрый лягушонокъ, подойди ко мнѣ!

— Трудно мѣнять кожу, — сказалъ Каа, видя, какъ Маугли неутѣшно рыдалъ, положивъ голову на плечо слѣпого медвѣдя, и обхватилъ его шею руками, между тѣмъ какъ Балу дѣлалъ слабыя попытки лизнуть его ноги.

— Звѣзда твоя! — сказалъ Сѣрый братъ, втягивая утренній воздухъ.—Гдѣ мы будемъ ночевать сегодня? Вѣдь теперь все пойдетъ по-новому.

. .

Вотъ вамъ послѣдній разсказъ о Маугли.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Откуда взялся страхъ . 123

Чудо Пурунъ Багхата . 138

Заговоръ джунглей . 151

Королевское бодило . 175

Рыжія собаки . 192

Весна идетъ . 214